

T $\frac{96}{267}$

З. Сербинская

Народы Россіи.

96
267

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ПУСТЫНИ СѢВЕРА

И ИХЪ

КОЧУЮЩІЕ ОБИТАТЕЛИ.

Н. А. Александрова.

Иллюстрировано М. Микѣшинымъ, А. Шарлеманемъ и др.

Изд. 2-е, безъ перелѣтъ.

Въ первомъ изданіи рекомендуется, какъ *необходимое пособіе*, учебнымъ комитетомъ IV Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, при преподаваніи географіи Россіи въ старшихъ классахъ *Институтовъ и женскихъ гимназій*, а также въ *Учительской Семинаріи* Воспитательнаго дома. Одобрена ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, для библіотекъ *Гимназій, Прогимназій и Училищъ*. Рекомендуется Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, для библіотекъ *мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ*. Одобр. Главн. Управлен. Военно-Учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ *Военныхъ Гимназій и Прогимназій*.

МОСКВА.

Собственность книжной торговли, спеціально для иногороднихъ, *А. Я. Панафидина*,
Москва, Покровка, Лялинъ пер., соб. д. № 11—13.

1898.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Этнографія (въ обширномъ смыслѣ слова) заслуживаетъ ревностнаго содѣйствія не только какъ предметъ любопытства, но и какъ весьма важное руководство для пониманія настоящаго и заключенія о будущемъ. Распространителямъ здравыхъ началъ и преобразователямъ заблужденій современной культуры этнографія можетъ оказать двоякую помощь. Заставитъ человѣческій умъ усвоить ученіе о развитіи—значитъ побудить его, сохраняя полное уваженіе къ предкамъ, продолжать прогрессивную работу прошлаго, и продолжать ее съ большей силой, такъ какъ свѣтъ увеличивается въ мірѣ, и гдѣ толпы варваровъ бредли ощупью, тамъ цивилизованные люди могутъ быстро идти впередъ съ открытыми глазами. Выставляютъ остатки грубой, старинной культуры, перешедшія уже въ безвредныя суевѣрія, и предназначать ихъ къ разрушенію—является суровою, даже иногда грустною обязанностью этнографа. Но это дѣло разрушенія, хотя и не особенно от-

радное. является не менѣ полезнымъ для блага человѣчества. Такимъ образомъ, въ одно и тоже время содѣйствуя прогрессу и уничтожая препятствія, наука этнографія есть несомнѣнно преобразовательная наука“.

Такъ говоритъ Эд. Тэйлоръ о важномъ значеніи этнографіи; и, приведя его слова, мы обратимся къ читателю съ слѣдующими вопросами: „существуетъ-ли у насъ, въ какомъ-бы то ни было видѣ, этнографія, какъ наука; т. е. преподается-ли она гдѣ нибудь въ заведеніяхъ, знакомо-ли также съ этой наукой общество, и имѣетъ-ли оно для изученія ея какія либо руководства или книги?“...

Прямымъ, конечно, отвѣтомъ на эти вопросы будетъ абсолютное—нѣтъ.

Въ гимназіяхъ, при урокахъ географіи, и то только въ послѣднее время, юношество узнаетъ о народахъ, живущихъ въ Россіи, по однимъ только ихъ именамъ, а далѣе... какъ въ университетахъ, такъ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, тѣ же мизерныя свѣдѣнія остаются все въ томъ же видѣ и не обогащаются дальше именъ или названій ни на іоту. Общество, пользуясь энциклопедическими познаніями по разнымъ отраслямъ наукъ, въ области этнографіи лишено всякаго пониманія. Нѣтъ даже руководства (compen-

dium), по которому можно было-бы пополнить этотъ пробѣлъ, и нѣтъ даже книги, которая бы заключала въ себѣ хоть болѣе или менѣе толково собранный этнографическій матеріалъ. Желаящему познакомиться съ этнографіей Россіи необходимо не читать, а рыться по разнымъ путешествіямъ, изслѣдованіямъ, замѣткамъ, описаніямъ и т. д. Въ одномъ изъ сочиненій онъ найдетъ различныя описанія, касающіяся одной стороны этнографіи, въ другомъ—другой; въ томъ—филологическія изысканія, здѣсь — бытовые, тамъ, опять,—религіозныя, обрядовыя, промышленныя свѣдѣнія и т. д.,—и всю эту кучу онъ долженъ перерыть единственно изъ желанія пріобрѣсти одни энциклопедическія познанія.

Чтоже касается до дѣтей, то многія изъ нихъ читаютъ весьма пространныя описанія о дикихъ Африки, Америки и другихъ частей свѣта, знаютъ, по безчисленной коллекціи картинокъ и разсказовъ, альпійскаго охотника и американскаго эскимоса, но изъ русскихъ народовъ и народцевъ имъ извѣстны, какъ по періодическимъ изданіямъ такъ и по отдѣльнымъ книжкамъ, одни самоѣды. Самоѣдами, для дѣтскаго міра, ограничиваются всѣ познанія о Россіи, и кромѣ этихъ самоѣдовъ дѣти никогда ни отъ кого не слышатъ о разнохарактерной жизни тѣхъ людей, среди которыхъ они

родились, и на пользу которыхъ посвящаютъ современемъ свою жизнь.

Пытаясь пополнить этотъ недостатокъ, я взялъ на себя скромную задачу: познакомить молодыхъ читателей, въ общедоступной формѣ легкихъ этнографическихъ рассказовъ, съ разнообразными племенами, населяющими Россію,—съ ихъ различными типами, съ ихъ бытомъ, характеромъ, занятіями, а также и съ той природой, среди которой они живутъ. Начиная съ совершенно дикой и недоступной природы тундръ, моя цѣль—переходить постепенно къ болѣе благодатной природѣ лѣсовъ, затѣмъ степей, горъ, плодородныхъ равнинъ; и тутъ-же параллельно, начиная съ народовъ дикихъ, бродячихъ и кочевыхъ, перейти къ народамъ осѣдымъ и цивилизованнымъ. Держась такой системы послѣдовательнаго перехода, я полагаю представить въ общемъ содержаніи всего сочиненія и настоящее положеніе народной культуры, насколько, конечно, это возможно въ предѣлахъ этнографическаго описанія, приспособленнаго къ дѣтскому пониманію.

Такимъ образомъ моя программа будетъ слѣдующая:

И н о р о д ц ы тундръ, инородцы лѣсовъ, инородцы степей и инородцы горъ.

Н а р о д ы славянскіе,—малоруссы, бѣлоруссы,

поляки,—съ ихъ настоящими и отжившими бытовыми особенностями.

Народъ русскій, или великоруссы,—съ его подраздѣленіями на москвичей, владимірцевъ, новгородцевъ, тверитянъ и т. д.; и съ ихъ видовыми типами, какъ отжившаго быта, такъ и настоящаго.

Колонизація Россіи иностранцами и затѣмъ колонизація русскихъ земель русскими-же, по окраинамъ сѣвера, востока и юга.

Задавшись такой болѣе или менѣе полной программой въ общемъ описаніи Россіи и желая въ тоже время описать подробнѣе каждый народъ и народецъ, я не счелъ однако нужнымъ держаться для этихъ частныхъ или отдѣльных описаній каждаго типа и народца какой нибудь однообразной, одинаковой программы. Я не ставлю рубрикъ: одежда, пища, жилище, религія и т. д. Описывая, напримѣръ, инородцевъ сѣвера,—лапландцевъ, самоѣдовъ, остяковъ и другихъ, сходныхъ между собою по образу жизни, типу и религіи,—я беру, при каждомъ изъ нихъ, только то, что данный народъ болѣе всего характеризуетъ. Такимъ образомъ, избѣгая скучныхъ повтореній или описаній однихъ и тѣхъ же обычаевъ и вѣрованій, въ каждомъ изъ рассказовъ, я стараюсь сохранить одну полноту цѣлаго,—т. е.

одно полное и подробное описаніе быта и жизни инородца тундръ.

Всѣ особенности и всѣ частности мною нигдѣ не упускаются изъ виду; но я останавливаюсь на нихъ только тамъ, гдѣ имѣется въ этомъ необходимость.

Беллетристическая форма, какъ общедоступный и легчайшій проводникъ знанія, заставила меня признать этотъ планъ однимъ изъ самыхъ удобныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ подходящихъ къ общей или главной цѣли всего описанія или всей книги.

Вопросы о прочитанномъ, которые признаны педагогами однимъ изъ необходимыхъ атрибутовъ всякой книги, имѣющей научную цѣль, я предлагаю каждому воспитателю и наставнику составлять по собственному своему усмотрѣнію, и считаю за лучшее предлагать эти вопросы не по какой нибудь извѣстной системѣ, а сообразно тому, какъ читавшій будетъ рассказывать.

Есть вопросы болѣе важные;—и это именно тѣ вопросы, которые предлагаются не дѣтямъ воспитателями и наставниками, а тѣ, которые дѣти предложить воспитателямъ и наставникамъ.

Каждый изъ дѣтей, прочитавшій, напримѣръ, хоть заглавіе моихъ этнографическихъ рассказовъ.

спросить прежде всего воспитателя или наставника: „что такое этнографія?“;—затѣмъ послѣ прочитаннаго разсказа, какъ послѣ совершенной имъ экскурсіи, онъ невольно вспомнить особенности и различныя явленія описанной картины жизни, быта и природы, и невольно родятся у него вопросы: отчего происходит такое-то явленіе, почему оно происходит такъ, а не иначе? Онъ обратится къ наставнику и воспитателю за разъясненіемъ: „Почему на крайнемъ сѣверѣ не растутъ деревья? Отчего всѣ сѣверныя животныя покрыты бѣлой шерстью? Отчего шаманы раздражительны?“ И ни отъ одного наставника и воспитателя нельзя требовать, чтобы онъ обладалъ всесторонними знаніями и чтобы онъ могъ разъяснить или объяснить всѣ эти „отчего и почему“.

На этомъ-то основаніи, считая подобные вопросы болѣе важными, чѣмъ порядокъ вопросовъ воспитателя о прочитанномъ, я прилагаю въ концѣ каждаго выпуска книги „Толкователь“. Въ этомъ „Толкователѣ“ я объясню одни главные, выдающіеся явленія и факты и объясню только то, что существенно важно съ этнографической, естественно-исторической и физико-географической стороны. Такъ, о полярныхъ льдахъ или о ледяныхъ горахъ Сѣвернаго оке-

ана, хотя и упоминается въ двухъ-трехъ разсказахъ настоящаго выпуска, но картины и описанія этихъ льдовъ нѣтъ, а потому въ толкователѣ ничего о нихъ и не говорится. Когда они явятся, при описаніи промысловъ русскихъ на Сѣверномъ океанѣ, тогда будетъ объясненіе ихъ и въ толкователѣ.

Такимъ же путемъ я слѣдую и во всемъ остальномъ; то есть, составляя толкователь, я имѣю въ виду не слова, на которыя могутъ возникнуть вопросы любопытствующаго читателя, а описанные явленія и факты, останавливающіе вниманіе и характеризующіе природу и бытъ.

Въ концѣ же книги, когда предъ читающимъ предстанетъ общая картина быта народовъ, живущихъ въ Россіи, и когда, при сравненіи тѣхъ и другихъ особенностей быта, у читающаго явятся и вопросы непосредственно касающіеся культуры Россіи, я по мѣрѣ данныхъ, предложу самыя вопросы и необходимыя къ нимъ объясненія.

Въ заключеніе считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ матеріалахъ, на которые я нигдѣ въ книгѣ не указываю, и которые я не только разсматривалъ, но и изучалъ. Для желающихъ подробно ознакомиться съ бытомъ, языкомъ и другими особенностями какого-нибудь народа или народца, я приложу въ концѣ моей книги осо-

бый для этой цѣли указатель. Въ этомъ указателѣ я, конечно, приведу только тѣ матеріалы, которые болѣе или менѣе подробны и полны. При составленіи же своихъ разсказовъ я пользовался, т. е. изучалъ, просматривалъ и справлялся не только съ капитальными изслѣдованіями и сочиненіями, но даже и съ тѣми мелкими корреспонденціями и замѣтками, просмотръ которыхъ былъ необходимъ для живой беллетристической формы и для правдиваго воспроизведенія той картины, которая должна представить описываемое, какъ-бы въ дѣйствительности происходящее или происходившее. Въ этомъ случаѣ многія корреспонденціи, многія весьма даже маловажныя замѣтки очевидцевъ, отысканныя мною въ губернскихъ вѣдомостяхъ, давали мнѣ болѣе, чѣмъ иныя многотомныя сочиненія и изслѣдованія. Кастрень, на которомъ я завязываю интересъ перваго же своего разсказа „Лопари или Лапландцы,“ взятъ мною не болѣе, какъ путешественникъ для представленія дѣтямъ трудности путешествія по сѣвернымъ странамъ. Но пусть не подумаетъ читатель, что описанное путешествіе Кастрена, есть не больше какъ сколокъ собственнаго труда самого Кастрена. Однимъ трудомъ Кастрена пользоваться было бы крайне недостаточно: если Кастрень многое перенесъ, какъ самый неутомимый путе-

шественникъ по сѣвернымъ тундрамъ, то, въ подробныхъ филологическихъ и этнографическихъ изысканіяхъ, многое изъ жизни сѣверныхъ народовъ, совершенно ускользнуло отъ его наблюдательности.

Я буду крайне признателенъ за каждое замѣчаніе людей, сочувствующихъ моей главной цѣли, тѣмъ болѣе что всякое дѣльное замѣчаніе, сдѣланное теперь, для меня будетъ крайне полезно; такъ какъ настоящій выпускъ есть только начало книги, для окончательнаго исполненія которой потребуются годы.

Вся книга будетъ состоять изъ десяти или одиннадцати выпусковъ, но каждый выпускъ самъ по себѣ, по своей сущности и содержанію, есть особая отдѣльная книга.

Н. Александровъ.

НАРОДЫ РОССИИ

(Этнографическіе рассказы)

ВВЕДЕНІЕ.

Едва ли есть что нибудь лучше путешествія. Его любитъ и старый и малый. Имъ бредитъ ребенокъ, начинающій познавать міръ, о немъ зачастую мечтаетъ въ своемъ тихомъ углу и старикъ, много уже на свѣтѣ видѣвшій и много знающій. Каждому хочется самому посмотрѣть и на себѣ самомъ испытать то, о чемъ ему говорили и о чемъ онъ читалъ. Хочется видѣть, какъ это бушуетъ море или океанъ въ непогоду, какъ реветъ ураганъ, какъ несется по песчаной африканской степи всеуничтожающій самумъ, какъ громоздятся и плаваютъ по сѣверному океану горы изо льда, какъ освѣщаетъ темную, долгую ночь сѣвера какой-то фантастическій небесный фейерверкъ, на-

зываемый „сѣвернымъ сіяніемъ“, тамъ гдѣ ночь безъ конца и дня нѣтъ, или день все, а ночи нѣтъ; какъ тамъ люди живутъ и что они дѣлаютъ; что, наконецъ, тамъ за ледяными горами и равнинами, туда къ полюсу, гдѣ еще и не былъ никто, что тамъ находится и творится; нѣтъ ли тамъ и еще какихъ особыхъ явленій и чудесъ? Все это надо развѣдать, узнать человѣку; и, несмотря на холодъ и голодъ, на смертельный зной и всевозможныя опасности, лишенія и бѣдствія, несмотря даже и на самую смерть, которая грозитъ на каждомъ шагу, человѣкъ спускается и на дно океана, спускается и въ кратеръ огнедышащей горы, лежитъ по недѣлямъ, замеченный сугробами снѣга; теряется и гибнетъ среди ледяныхъ горъ Ледовитаго океана, — и ничто никогда не останавливаетъ его дальнѣйшихъ стремленій все знать и все изслѣдовать. Погибъ знаменитый Франклинъ, отправившійся къ сѣверному полюсу, убитъ дикарями на Сандвичевыхъ островахъ Кукъ, погибъ Магелланъ и много другихъ; а за ними, снова по тѣмъ же путямъ шли и гибли новые люди; и все таки человѣкъ не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы узнать землю, на которой онъ живетъ. Съ каждымъ днемъ онъ изобрѣтаетъ новыя и новыя средства, какъ бы проникнуть къ полюсамъ, въ глубину Сахары, въ дикія пустыни и лѣса Америки; узнать какая тамъ природа, какія животныя и есть ли тамъ люди, и какъ

эти люди живутъ и что они дѣлають. Одни идутъ съ цѣлями открытія и пріобрѣтенія разныхъ богатствъ, — такая цѣль руководила больше всего древними народами; другіе же путешествуютъ съ цѣлями научными, — какъ образованные люди новѣйшаго времени. Изъ европейскихъ народовъ болѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи извѣстны англичане. Зато никто и не сдѣлалъ на землѣ столько открытій и разныхъ научныхъ и торговыхъ пріобрѣтеній, какъ они. Ихъ колоніи разсѣяны по всѣмъ частямъ свѣта. Изъ русскихъ путешественниковъ болѣе другихъ извѣстны: Крузенштернъ, Лазаревъ, Литке, Врангель, и ученые академики: Кастрень, Беръ, а въ настоящее время Миддендорфъ. Одни изъ нихъ путешествовали съ географической цѣлью, и открывали неизвѣстныя до нихъ пути и земли; другіе—съ цѣлью расширенія знанія естественныхъ наукъ, и изслѣдовали новыя растенія, минералы, жизнь животныхъ и т. д.; третьи съ этнографическою цѣлью, и старались узнать, какъ и чѣмъ живетъ человѣкъ, какіе его нравы, обычаи, языкъ, религія, какія условія его существованія, откуда онъ происходитъ, т. е. къ какому принадлежитъ племени и чѣмъ, наконецъ, онъ занимается. Руководясь этой послѣдней цѣлью, мы предлагаемъ вамъ, молодые читатели, наши этнографическіе рассказы, и, пользуясь трудами русскихъ путешественниковъ — этнографовъ, передаемъ разнообразный и весьма

интересный бытъ всѣхъ тѣхъ народовъ, которые по образу жизни, по типу и по занятіямъ разнятся одинъ отъ другого и которыми во множествѣ населена наша разноплеменная Россія.

ПУСТЫНИ СЪВЕРА

И ПХЪ

КОЧУЮЩІЕ ОБИТАТЕЛИ.

ЛАПЛАНДЦЫ ИЛИ ЛОПАРИ.

(Осень на тундрѣ).

Одинъ изъ путешественниковъ, посвятившій всю жизнь на изученіе сѣверныхъ холодныхъ пустынь Россіи,—гдѣ воють, въ продолженіи девяти или десяти мѣсяцевъ, страшные снѣжные ураганы, называемые пургами, гдѣ ночь и зима безъ конца, и только на два или на три мѣсяца показывается зелень и пропадаетъ снѣгъ; гдѣ, наконецъ, бродятъ кочующіе, почти еще дикіе, народы и нѣтъ жилья на нѣсколько сотъ верстъ и нѣтъ дороги, которую бы кто нибудь зналъ, — одинъ изъ такихъ путешественниковъ, перенесшій всѣ ужасы этой дикой, мертвой пустыни и изучившій языкъ, нравы и обычаи ея кочующихъ обитателей,—это

Кастрень *). Онъ еще въ дѣтствѣ, будучи школьникомъ, рѣшился поставить цѣлью своей жизни изученіе финскихъ племенъ, какъ-то: Финновъ, Эстовъ, Лапландцевъ, Самоѣдовъ, Остяковъ, Чуди и другихъ; и такъ какъ не было въ то время никакихъ книгъ, по которымъ можно бы было хорошо изучить эти племена, то въ немъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе росло страстное желаніе посѣтить сыновъ сѣвера въ ихъ отдаленныхъ пустыняхъ и изучить ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они живутъ. Кастрень только и думалъ, только и жилъ этою мыслью; и вотъ, можно представить себѣ радость бѣднаго юноши, когда его товарищъ по ученію, докторъ Эрштремъ, далъ, наконецъ, ему возможность осуществить его любимый планъ—и Кастрень въ 1838 году отправился къ Лапландцамъ или къ Лопарямъ и на сѣверъ Россіи.

Сперва передъ нимъ были финляндскія скалистые горы, рѣки, свѣтлыя озера, деревья; горныя птицы летали вокругъ; и только осмидневный сѣверный холодный вѣтеръ и постоянный осенній дождь напоминали ему о близости той

---

*) Матиасъ Александръ Кастрень, внукъ лапландскаго миссіонера, родился въ 1813 г. въ Рованими (въ сѣверной Финляндіи). Путешествовалъ по Лапландіи, Кореліи, по сѣверу Россіи до Оби и по всѣмъ губерніямъ Сибири. Сперва онъ путешествовалъ на средства, которыя доставилъ ему его товарищъ докторъ Эрштремъ, а потомъ съ 1841 г. изучалъ сѣверъ Россіи по порученію Петербургской Академіи Наукъ. По возвращеніи изъ путешествія по Сѣверу въ 1851 г. онъ былъ профессоромъ въ Гельсингфорсѣ и умеръ въ 1852 г.

суровой и непривѣтливой страны, въ которую съидеть, и тѣ невзгоды, которыя ждутъ его впереди. Но сѣверный холодный вѣтеръ, — это пока еще одинъ изъ предвозвѣстниковъ мертвой, ледяной пустыни, а тамъ явится тундра безъ конца, безъ края, пропадетъ трава, исчезнетъ дерево, а тамъ завоюютъ снѣжныя мятели, — такія, что и свѣта не видать, пойдутъ потомъ глубокіе снѣга, наступитъ ночь темная, и не встрѣтитъ онъ долго, долго ни одного живаго предмета и не найдетъ нигдѣ ни теплаго угла, ни покоя.

Вотъ далеко назади остались горы, попадаютъ только одни каменья, озера, да холмы; лѣсъ мало по-малу начинаетъ рѣдѣть, — сперва исчезаетъ сосна, потомъ лиственница и остается одна только ель, и то уродливая и не болѣе какъ въ высоту человѣка; кое-гдѣ виднѣется въ примѣси съ нею береза, но не наша стройная береза, а кривая, приземистая; и чаще да чаще становится и залегаетъ вокругъ ржавое болото, покрытое некрасивымъ ковромъ желтоватыхъ мховъ и сѣрыхъ лишавъ; чаще, сильнѣе и безпрепятственнѣе дуетъ съ океана холодный вѣтеръ; и вотъ потянулась на необозримое пространство, вмѣстѣ съ болотомъ да кочками, — черная, мертвая и ровная пустыня, — это тундра. Во всемъ мірѣ нѣтъ ничего печальнѣе, бесплоднѣе обнаженной тундры, — состоитъ ли она изъ необозримыхъ

болотъ, или сухой, покрытой лишаями почвы. Желтоватые мхи и сѣрые лишай, да изрѣдка, кое-гдѣ, какъ диковинка, и то на южныхъ склонахъ виднѣется тошая травка или цвѣтокъ, да иногда, рѣдко, рѣдко гдѣ, покажется, не больше какъ въ футъ высоты, ива или какой-нибудь тощій кустарникъ. Потянулась эта тундра вдоль всего Сѣвернаго Океана и Бѣлаго моря, черезъ большія рѣки и озера, подъ разными названіями: Лапландской, Канинской, Тиманской, Большеземельной, по всей европейской Россіи, начиная отъ Норвегіи и до гранитной подошвы Уральскихъ горъ, а за Ураломъ—по всей сѣверной Сибири, захвативши цѣлую треть всего ея пространства. Самая тундра—это не больше какъ черная грязь на половину съ пескомъ и съ изгнившими корнями в одорослей, и въ иныхъ мѣстахъ, покрытая кочками,—единственными сухими мѣстами, которыя способны держать ногу человѣка и волка, а въ другихъ насквозь прохваченная обильною влагою и до того жидкая, что не только человѣкъ, но и животное, даже дерево, едва только попадутъ на ея поверхность, какъ тотчасъ же проваливаются, погибають, и тундра, точно всасывая, постепенно вбираетъ въ себя попавшуюся жертву.

Не безъ страха посмотрѣлъ и вступилъ Кастренъ на поверхность разстилавшейся передъ нимъ тундры. Тоже чувство, казалось Кастрену, овладало иногда и вожакомъ его лопаремъ, который

съ длиннымъ громаднымъ шестомъ шель впереди и указываль ему дорогу. Но проводникъ лопарь съ дѣтства бѣгалъ или рыскалъ, какъ волкъ, повсюду по этимъ болотамъ и тундрамъ, и на разстояніи нѣсколькихъ миль онъ знаетъ каждый камень, каждое деревцо, каждую кочку и прогалину; и надо только внимательно за нимъ идти. Кастренъ, измокшій и продрогшій, долго шель по этой болотистой почвѣ, которая то опускалась, то поднималась подъ ногами, какъ морскія волны, а ноги вязли на каждомъ шагу по колѣни; и надо было сохранить полное присутствіе духа, чтобы на каждомъ шагу расчестъ свою тяжесть и твердость колеблющейся почвы и чтобы ставить ногу прямо на слѣды, оставленные вожакомъ, такъ какъ одного невѣрнаго шага было совершенно достаточно, чтобы попасть въ прогалину и провалиться въ бездну. Тундра же, чѣмъ дальше, все становилась мрачнѣе и опаснѣй, а небо, тоже какое-то грязное, сливалось на горизонтѣ темной и даже черной полосой съ безконечной тундрой.

— Что, скоро ли доберемся до чего-нибудь, — говорилъ Кастренъ, которому становилось невыносимо трудно и жутко.

— Богъ знаетъ, — отвѣчалъ вожакъ, — а вотъ бури не миновать. Вишь, чернота-то какая тамъ идетъ, — это буря. Надо твердую полосу найти. — И вожакъ живѣе сталъ пробовать землю и вправо

и влѣво своимъ громаднымъ шестомъ и энергичнѣе подвигался впередъ.

— Это Сеида, — говорилъ онъ, — требовали отъ насъ жертвы и бурей покажетъ намъ теперь свою силу.

Сеиду или каменнаго кумира, которому прежде поклонялись лопари и приносили въ жертву оленей и другихъ животныхъ, встрѣтилъ Кастрень предъ началомъ тундры, и умный, чуждый всякихъ предразсудковъ, вожакъ лопарь вспомнилъ о немъ по повѣрью только теперь.

— Вправо... влѣво... — кричалъ онъ, быстро махая длинною жердью; и Кастрень едва поспѣвалъ вытаскивать свои ослабѣвшія ноги.

— Вправо... тутъ можетъ откочевали уже и лопари... эти рано собираются на зиму, — говорилъ вожакъ. — А вишь буря-то, — прибавилъ онъ, — сейчасъ, сейчасъ такъ и застигнетъ насъ.

Буря дѣйствительно подымалась уже вокругъ и вотъ—вотъ готова была разразиться; но вожакъ былъ правъ, — вдали на тундрѣ показался дымокъ, а затѣмъ какіе-то не то стоги сѣна, не то дымящіяся холмы. Это были зимнія юрты или вѣжи лопарей, — это была первая деревушка лопарей-рыбаковъ, рано откочевавшихъ отъ морского берега и уже приладившихъ за уютнымъ пригоркомъ, изъ тонкихъ жердей и досокъ свои зимнія вѣжи. Вожакъ прибавилъ шагу, Кастрень ободрился, видя и спасеніе отъ бури, и отдыхъ, и

цѣль своего путешествія. Еще издали, какъ только ясно обозначились вѣжи, первымъ нарушилъ мертвую тишину пустыни послышавшійся лай собакъ, потомъ открылась и полянка, на которой валялись повсюду чешуя и внутренности рыбъ, гнилая рыба и всякая нечистота; а затѣмъ, наконецъ, показались и лопари, тѣснившіеся въ низкихъ отверстіяхъ своихъ жилищъ. Они окружили Кастрена, когда онъ подошелъ къ нимъ, и обмѣнялись на лопарскомъ языкѣ разными привѣтствіями съ лопаремъ—вожакомъ. На первый взглядъ, какъ показалось Кастрену, трудно было смотрѣть на этихъ людей, покрытыхъ страшною грязью и насѣкомыми, и трудно было рѣшиться войти въ ихъ вѣжи, въ которыхъ было еще грязнѣе, чѣмъ около, и откуда невыносимо несло гнилой, протухшей рыбою. Но буря, какъ-бы долго сдерживавшаяся, рванулась теперь съ страшнымъ порывомъ, и волей неволей, велѣдъ за лопарями вошелъ въ лопарскую вѣжу первый разъ въ жизни и Кастренъ. Тутъ явилось предъ его глазами зрѣлище на первыхъ порахъ весьма отвратительное: оборванные, почти голые старики и дѣти, подставляя свои обнаженные спины и бока къ огню, валялись на оленьихъ шкурахъ въ дыму и копоти посрединѣ у очага—и тутъ же въ одной съ ними кучѣ терлись и чавкали собачата, теребя рыбные потроха, которые цѣлыми грудами разбросаны были повсюду. Страшная грязь, нечистота и вонь на-

полняли всю вѣжу, и, казалось, не было ни одного уютнаго угла и не было возможностидохнуть и высидѣть въ вѣжѣ хоть четверть часа. Кастренъ сталъ искать, гдѣ бы расположиться и, къ великой своей радости, увидѣвши неподалеку отъ очага русскаго промышленника, усѣлся подлѣ него. Длиннорукіе и коротконогіе лопари, войдя за Кастреномъ, собрались всѣ съ видимымъ удовольствіемъ у пылающаго огня и, сморщивъ отъ дыма свои скуластыя, прокопченныя лица, заботливо начали хлопотать около горшковъ и стали готовить свой обѣдъ. Они проворно погружали всплывавшіе куски рыбы въ кипящую воду и пробуя съ видомъ знатоковъ „не уварилась ли,“ не забывали при этихъ пробахъ глотнуть водки и изрѣдка плутовато, но миролюбиво посматривали на сидящаго Кастрена. Одежда на лопаряхъ была уже зимняя и, вмѣсто сѣрой суконной юпы до пятъ и сѣраго колпака, во что они одѣваются въ лѣтнее время, на нихъ уже были ихъ обыкновенныя мѣшки или рубахи, называемыя п е с к и, сшитыя изъ оленьихъ шкуръ — одна, одѣтая шерстью вверхъ, а другая — къ тѣлу, шерстью внизъ — согрѣвали лопарей отъ всякихъ стужъ; толстыя ихъ головы также были защищены теплыми оленьими шапками съ наушниками и тѣ же оленьи шкуры шерстью вверхъ, пришитыя вплотную къ нижней рубахѣ, торчали, въ видѣ сапогъ, и на ногахъ. Кромѣ того, всѣ они были

подпоясаны кожаными ремнями и у всѣхъ были привѣшены къ ремнямъ ножи, ключи, мошенки и разныя погременки. Ножъ,—это любимая вещь и любимое украшеніе лопаря; безъ ножа лопарь никуда ни на шагъ; съ нимъ онъ даже ложится и спать. У женщинъ видны были свои принадлежности и свои прикрасы; но общій костюмъ былъ тотъ же, что у мужчинъ, и только на ихъ рубахахъ или песахъ виднѣлись яркіе суконные лоскутики, пришитые въ разныхъ мѣстахъ,—и у одной красовались на шеѣ бусы, а другая выставляла щеголевато на показъ серебряный крестъ на серебряной цѣпочкѣ. Женщины сидѣли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мужчинъ и тоже молча исподлобья взглядывали на Кастрена, или же тупо вперяли свой взоръ на пылающій очагъ и готовящійся обѣдъ. Одинъ лопарь говорилъ о чемъ-то вполголоса съ вожакомъ Кастрена. Какая-то цвѣтущая дѣвушка, забравшись въ дальній уголь, разматривала съ дѣтской радостью кольцо, ложку и платокъ, привезенные ей женихомъ съ базара; тутъ же у огня, между лопарями, стояли молча два корела, пріѣхавшіе съ русскимъ промышленникомъ, — но въ вѣжѣ, несмотря на многолюдство, становилось по временамъ такъ тихо, точно буря припугивала находящихся въ ней, и только слышно было, какъ бушевала она вокругъ, и какъ рвала крышу и, казалось, готова была разметать всѣ стѣны. Каст-

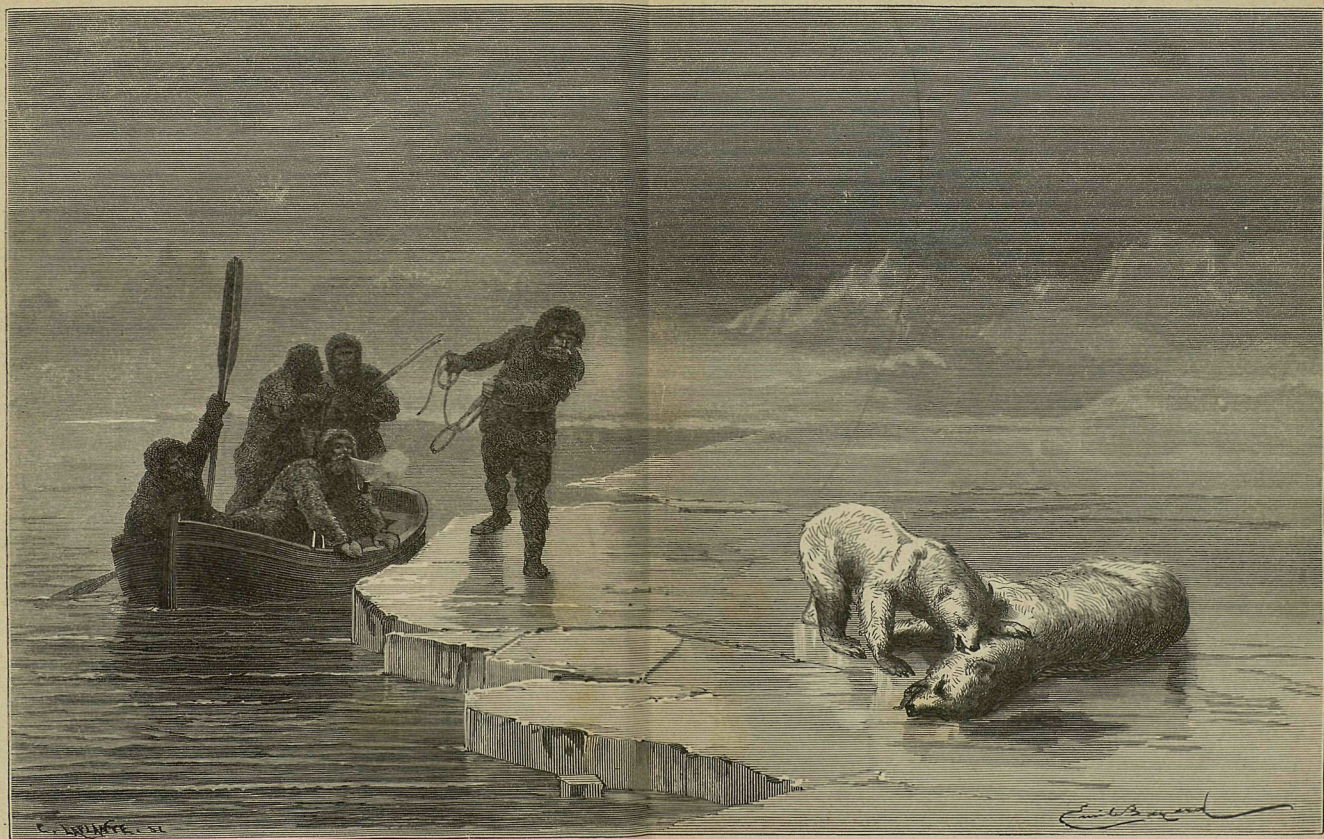

рень сталъ пристально присматриваться къ прочности своего новаго пристанища и зорко вглядывался во всѣ его углы. Вѣжа, такая же приземистая и неуклюжая какъ и ея хозяинъ — лопарь, сколочена была изъ тонкихъ жердей и досокъ, положенныхъ въ наклонномъ положеніи и такимъ образомъ, что вѣжа шире всего становилась посерединѣ, а на обоихъ концахъ она сѣуживалась и образовывала двѣ узкія боковыя стѣны съ двумя отверстіями. Въ эти отверстія, прикрытыя плохими дверми, страшно дулъ и рвался порывистый вѣтеръ, а плоскую крышу, которую ради тепла, какъ и всю вѣжу, обложилъ лопарь торфомъ, буря стала уже съ одного конца приподнимать, и Кастрень удивлялся только, какъ эта вѣжа можетъ выдержать всѣ зимнія бури. Ему казалось, что вотъ-вотъ, одинъ, другой порывъ, и вѣжа будетъ снесена до основанія. Но русскій промышленникъ спокойно сидѣлъ около него и говорилъ, что опасаться нечего.

— Авось и не разнесетъ... кажись, что затихаетъ, — говорилъ промышленникъ, смотря на приподнятый уголъ крыши. — Вы думаете, лопарская вѣжа невыносливая? — обратился онъ къ Кастрену. — Нѣтъ, — она выдержитъ много невзгодъ. Наши русскіе, которые живутъ на тундрѣ, перенимаютъ теперь у лопаря, какъ постройку этой вѣжи, такъ и самый его костюмъ.

— Отчего же это?

C. W. WHITE. sc.

Emil B. ...

— Житель тундры,—продолжалъ промышленникъ, отвѣчая на вопросъ Кастрена,— сегодня здѣсь, а черезъ мѣсяць, черезъ два Богъ вѣсть гдѣ очутится. Не стало оленю корма и потянулъ олень въ такую даль, что верстъ за сто, за полтора ста будетъ. Гдѣ же тутъ ставить домъ или избу, а доски и жерди взвалилъ на сани, да и отправляйся — куда придется; торфъ же есть повсюду на тундрѣ. Осѣдлые лопари, вонъ, строятъ и дома; но тѣ вовсе и не занимаются оленеводствомъ и живутъ уже ближе къ морю, по окраинамъ тундры. Въ самой-же тундрѣ, особенно туда, въ глубь ея, нельзя безъ оленя и нельзя не кочевать.

— Въ этой наскоро сколоченной вѣжѣ, — защищалъ промышленникъ пріютъ лопаря, — было-бъ только что ѣсть лопарю, а тамъ — пусть ихъ воютъ сѣверные вѣтры и шумятъ непогоды, лопарская семья вполне счастлива и только еще безмятежнѣе, еще слаще спитъ она у огня и подставляетъ ближе къ нему свои спины. Ёда или пища для лопаря, — это вся его забота и вся его жизнь. Если обезпечилъ онъ себя лѣтомъ и у него имѣются рыбные запасы, которые особенно бережно онъ хранить въ кладовой, устроенной сбоку вѣжки на высокихъ столбахъ, тогда онъ выйдетъ поглядѣть иногда, не стащили ли волки или собаки его запасовъ, да навернется разъ въ мѣсяць къ морю или на океанъ осмотрѣть становище промышленника, ввѣренное его надзору; а

все остальное время, и день и ночь, онъ спитъ, и сонъ — это его лучшая въ мірѣ утѣха. Нужда и голодъ — вотъ что не даетъ ему покоя и поднимаетъ его на лыжи, чтобы гоняться за дикимъ звѣремъ. Но на лыжахъ, — говорилъ какъ бы восклицая промышленникъ, — когда взлетаетъ лопарь на горы и оттуда стремглавъ спускается въ долины, тутъ можно только дивиться ему и сказать, что онъ не знаетъ соперниковъ. Онъ весь точно перерождается, и мѣшковая его одежда и его манеры, его движенія, даже его взглядъ, все принимаетъ иной видъ; и тутъ вы не узнаете его сонную и неповоротливую фигуру. Трудно ожидать отъ него подобной прыти, но какъ ни будь вы сами ее увидите.

— Правду ли я говорю, — сказалъ промышленникъ, обратившись съ улыбкою къ лопарямъ. Но тѣ только молча и какъ-то робко кивнули въ отвѣтъ головами.

Они уже сытно поѣли и, не снимая своихъ одеждъ, размѣщались на ночлегъ, завертываясь, вмѣсто одѣялъ въ оленьи шкуры. Пригрѣвшись у очага, ихъ примѣру послѣдовали Кастрень и промышленникъ. Закутавшись въ олений плащъ, словоохотливый промышленникъ продолжалъ говорить о характерѣ, о бытѣ и о промыслахъ лопарей, а Кастрень, несмотря на страшную усталость, внимательно слушалъ занимательный рассказъ знатока — промышленника и спрашивалъ

его обо всемъ съ любопытствомъ, интересуясь каждой бездѣлицей.

— Съ страшнымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ лопарь Иванова дня (24 іюня),—говорилъ промышленникъ.—Съ этого дня наступаетъ обыкновенно на тундрѣ весна и наступаетъ время отправляться на промыселъ. А на промыслахъ, тамъ не жизнь, а просто масляница для лопаря. Тамъ есть онъ одни только вкусные, жирные куски, бросая остальное собакамъ; и тамъ ужъ въ теплѣ и холѣ подъ берестовой вѣжей не помѣшаютъ его сладкому сну мириады комаровъ и оводовъ, отъ которыхъ бросается въ воду и животное. Онъ спитъ себѣ, растянувшись въ своей сѣрой юпѣ и сѣромъ колпакѣ, да только разъ въ день или два выѣдетъ съ товарищами на карбасѣ въ море, и, осмотрѣвъ снасть, наберетъ цѣлыя кучи разной лакомой трески и полтасы. Тамъ онъ обезпеченъ пищей вполне, и любитъ служить работникомъ у русскаго промышленника; такъ какъ у промышленника есть и хорошая лодка, и крѣпкія снасти и все сполна, а самому-то, при бѣдности, живя на тундрѣ, трудно имѣть всѣ эти орудія и быть хозяиномъ отъ себя.

— А какія тамъ на океанѣ орудія или снасти?—спросилъ Кастрень.

— Самыя простыя, такія же почти какъ и у всѣхъ рыбаковъ,—говорилъ промышленникъ.—Собственно говоря, есть только два орудія: одно—

это снасти или снаряды для ловли трески и полтасы, а другое для ловли семги. Снасти для трески и полтасы незатѣйливыя и состоятъ просто изъ толстыхъ бичевокъ съ поплавками, которые держатся на водѣ и къ которымъ прикрѣпляются такія же бичевки съ крючьями на концѣ. Бичевки съ крючьями посредствомъ грузилъ или каменье въ опускаются въ воду, а на крючья насаживаются червяки или кусочки той же трески и полтасы. Для семги же служатъ обыкновенныя большія сѣти съ длинными мѣшками, которыя настораживаются у устья рѣки и становятся такимъ образомъ, что широкое отверстіе сѣти обращается всегда къ морю. Рыба въ осеннюю погоду идетъ изъ моря въ теплыя воды рѣки въ громадномъ количествѣ—и мѣшки сѣтей кишатъ семгой.

— А можно теперь еще застать лопарей на морскомъ берегу,—спросилъ Кастрень.

— Ну, едва-ли,—отвѣтилъ промышленникъ.— Теперь тамъ начались ужъ такія бури и ураганы, что если и есть еще кто, такъ и тѣ только убираютъ свои снасти, да спѣшатъ и торопятся въ путь. Настоящая буря на тундрѣ не даетъ и понятія о тѣхъ ураганахъ,—теперь оттуда и звѣрь бѣжитъ. Въ вѣжѣ на тундрѣ спасеніе отъ нихъ,—заканчивалъ свои воспоминанья, кутаясь въ плащъ, промышленникъ.—Это что за буря,—говорилъ онъ,—дунула, рванула разъ, да и затихла сейчасъ. Нѣтъ, тамъ день, другой, третій.

да все крѣпче и крѣпче и такъ цѣлую недѣлю рветъ, вотъ это такъ буря. А это какая буря...— замѣчалъ промышленникъ, отходя уже ко сну и уминаясь поближе къ огню.

Буря дѣйствительно стала уже затихать, и утомленный, измученный Кастрень подъ тихій послѣдній шопоть ея также крѣпко заснулъ вслѣдъ за своимъ собесѣдникомъ и на другой день проснулся довольно поздно, почти подъ вечеръ. Лопари, какъ и вчера, стояли уже у очага, крыша была починена, а промышленникъ пилъ чай и поздравилъ Кастрена съ зимнимъ саннымъ путемъ.

— Снѣгъ выпалъ по колѣно,—говорилъ промышленникъ,—и дорога въ Архангельскъ чудесная. Ъдемте вмѣстѣ, — предложилъ онъ Кастрену,—завтра и ъдемъ. Къ морю отправляться не къ чему, а лопарей теперь встрѣтимъ и на тундрѣ. Отпируемъ здѣсь сегодня свадьбу, да на утро и въ дорогу.

— Какую свадьбу?—спросилъ удивленно Кастрень.

Но не успѣлъ промышленникъ объяснить Кастрену, что въ вѣжѣ, въ которой они сидятъ, свадьба, какъ около двери неожиданно раздался шопоть, стукъ и громко слышались слова: „Господи Іисусе!“

Кастрень такому возгласу изумился; но промышленникъ и лопари знали въ чемъ дѣло и

одинъ изъ лопарей, ухмыляясь подошелъ тихо къ двери, и, просунувъ въ щель свою скуластую фizioномію, какъ будто сердясь, сказалъ грубо, „что за люди—не вижу“. Изъ-за двери показался полтинникъ. Лопарь взялъ его, посмотрѣлъ на рукѣ, потеръ имъ одинъ глазъ и, зажмуря другой, опять сказалъ „не вижу“. Ему дали и на другой глазъ полтинникъ, но онъ, схватившись за горло, сказалъ, что горло болитъ; явился платокъ и, повязавшись имъ, онъ съежился, сморщился и сталъ жаловаться на то, что прозябъ. Ему поднесли водки и, вдосталь наподчивавшись ею, онъ отошелъ, но дверь не отворилъ, и его мѣсто заступилъ сейчасъ же новый лопарь.

Всѣ лопари, ослабившись, сидѣли и стояли тихо, мыча только по временамъ какія-то односложныя и двухсложныя замѣчанія, а другой лопарь, снова продѣлавъ ту же комедію, какъ и первый, отворилъ дверь и сказалъ: „войдите и посмотрите“ только тогда, когда слышались изъ-за двери слова: „идемъ отъ заморскаго кушца, у котораго улетѣла золотая птишка и спряталась тутъ“.

Вереницей, гуськомъ, держа другъ друга за плечи, входили съ шумомъ гости въ вѣжу, и впереди всѣхъ, что есть мочи топая ногами, шелъ женихъ, котораго сзади осаживали, какъ оленя, и кричали постоянно „тиру... тпру...“

Кастрень взглянулъ на женщину, желая увидѣть между ними невѣсту, но невѣсты не было. У очага, понутивъ голову, смиренно сидѣлъ ея отецъ и притворялся спящимъ. Гости направились къ нему и, желая разбудить, тронули его слегка пальцами по головѣ. Старикъ скорчился и, открывъ глаза, попросилъ на починку головы. Его одарили, и снова тронули, онъ снова сморщился и попросилъ уже на починку носа, а потомъ шеи и т. д., и его все дарили,—женихъ не отказывалъ ему ни въ чемъ. Дарилъ женихъ тутъ же и другихъ родственниковъ. И вотъ, спустя нѣкоторое время, показалась съ закрытымъ лицомъ невѣста. Впереди ее шла сваха и вела ее за руку, а она шла медленно и точно боялась и конфузилась. Подойдя къ жениху и не открывая невѣстиного лица, сваха попросила подарка и, получивъ его, открыла и сказала: „не это ли та пташка?“ Женихъ ослабившись, подошелъ ближе и отвѣчалъ: „она самая“. Тогда вся компанія точно оживилась, и свать, дернувъ руку жениха къ себѣ подмышку и повернувъ ее кистью вверхъ, а ладонью внизъ, сдѣлалъ шагъ съ женихомъ къ невѣстѣ, а сваха, сдѣлавъ то же съ невѣстой, приблизилась къ жениху; и затѣмъ, чуть только женихъ и невѣста дотрогивались руками другъ до друга — ихъ отхватывали, и потомъ, снова подводя, снова отдергивали,—и такъ до трехъ разъ.

Женихъ взглядывалъ на невѣсту, а невѣста, точно русская дѣвушка, постоянно краснѣла и потупляла глаза. У очага явилась водка, затѣялось стряпанье и пошла гульба. Мужчины всѣ были у огня, а женщины сидѣли немного поодаль. Спустя часъ, другой, послѣ нѣсколькихъ угощеній, лопари стали разговорчивѣе, не стѣснялись уже присутствіемъ Кастрена и промышленника, и одинъ лопарь, сидѣвшій подлѣ Кастрена, расхваливалъ ему свою жену и говорилъ, что въпродолженіе тридцати - лѣтней жизни онъ ни разу не сказалъ ей иначе, какъ—„моя шташка“, лопарь—вожакъ Кастрена, тоже на веселѣ, объяснялъ ему, какъ лопари любятъ своихъ женъ и какъ не уважаются только жены бездѣтныя.

Шумъ, разговоръ и угощенье все усиливались и усиливались, и промышленникъ, обращаясь къ Кастрену, замѣтилъ, что эта гульба пойдетъ теперь у нихъ дня на два, на три.

— А когда же самая свадьба? — спросилъ Кастрень.

— Свадьба въ церкви, когда случится, когда будутъ въ Колѣ, или гдѣ есть церковь, а завтра здѣсь будетъ своя свадьба, но уже безъ всякихъ обрядовъ и веселье начнется въ юртѣ у жениха. Женихъ съ завтрашняго дня—батракъ, работникъ за невѣсту на тестя и работникъ на цѣлый годъ. Жить же онъ ужъ будетъ своимъ домоу.

— А постомъ у нихъ не случается свадебъ?—
спросилъ Кастрень.

— Нѣтъ, — посты они строго чтутъ и только ѣдятъ бѣлыхъ куропатокъ, полагая, что это не больше какъ летучая рыба. Многіе изъ нихъ, — говорилъ промышленникъ, — знаютъ уже молитвы, и хотя еще очень суевѣрны, но отъ язычества остались у нихъ одни только колдуны; а о шаманахъ, что у самоѣдовъ, простылъ уже и слухъ. Впрочемъ, колдуны ихъ — тѣже шаманы и приемы колдуновъ вполне напоминаютъ шамановъ, — говорилъ промышленникъ. — При гаданьяхъ колдуны также впадаютъ въ безчувственное состояніе и, по убѣжденію лопарей, душа колдуна разлучается съ тѣломъ и, блуждая повсюду, она развѣдываетъ, гдѣ лежитъ украденная вещь, что за причина болѣзни и пр. Есть колдуны замѣчательные, и они ходятъ къ нимъ издалека — верстъ за сто, полтора. Колдуны эти раздражительны и, впадая въ безчувственное состояніе, раздражаются также скоро, какъ и лопари.

Рѣчь при этомъ опять затѣялась о лопаркахъ; старикъ-лопарь снова заговорилъ, что въ продолженіе тридцати-лѣтней жизни онъ ни разу не сказалъ женѣ иного слова, какъ — „моя птичка“; промышленникъ сталъ шутить съ одной изъ поблизости сидящихъ и, увидѣвъ лопарку чѣмъ-то занятую въ углу вѣжи, тихо подкравшись, онъ неожиданно хлопнулъ передъ ней въ ладоши.

Лопарка вспыхнула и поблѣднѣла, а промышленникъ хлопнулъ вторично, и лопарка, затрясшись вся и внѣ себя, точно фуриа, бросилась вдругъ на промышленника и стала его бить, царапать, кусать и тутъ же въ изнеможеніи повалилась на скамью. Но только что очнулась, какъ промышленникъ махнулъ передъ ея глазами платкомъ и скрылся. Она снова пришла въ неистовство и, не имѣя передъ глазами промышленника, стала бросаться, какъ сумасшедшая по вѣжѣ отъ одного къ другому и кого била, кого хватала за волосы. Кастренъ въ нетерпѣливомъ страхѣ ждалъ уже и своей очереди и вдругъ увидѣлъ, какъ она, вперивъ въ него свой дикій взглядъ, кинулась съ распростертыми руками на него и готова была уже вцѣпиться; но, къ счастью, два здоровыхъ челоѣка схватили ее, и обезсиленная она упала къ нимъ на руки.

Лопари при этомъ только шумѣли и кричали; нѣкоторые же пугливо, робко и бессмысленно озирались вокругъ, а иные уже спали, растянувшись у очага. Кастренъ и промышленникъ ушли сейчасъ же ночевать къ сосѣдямъ и, выходя изъ вѣжи, видѣли лопарей, которые валялись въ снѣгу у дверей вѣжи.

Промышленникъ былъ не радъ своему опыту и раскаиваясь, говорилъ, что подобнаго результата онъ не ожидалъ; но, вспоминая множество слышанныхъ и видѣнныхъ примѣровъ неистов-

ства лопарекъ, онъ разсказывалъ примѣры и еще рѣзче, и потомъ, улегшись у очага, онъ снова сталъ высказывать свои мнѣнія относительно лопарей. Онъ говорилъ, что лопарки весьма трудолюбивы и также, какъ и самоѣдки, прекрасно шьютъ, говорилъ, что многія изъ нихъ уже носятъ лѣтомъ сарафаны и заплетаютъ косы, что всѣ онѣ довольно хорошо говорятъ по-русски, и что только въ кругу русскихъ узнаешь всегда молчаливаго, робкаго и спокойнаго лопаря, но въ сношеніи съ другими лопарями онъ тотъ же русскій.

— И теперь они уже переняли много обычаевъ и обрядовъ чисто русскихъ...

— А какія у нихъ обряды при рожденіи и при похоронахъ?—спросилъ Кастренъ.

— При рожденіи нѣтъ ничего особеннаго, а покойниковъ они почитаютъ и, насыпая надъ ихъ могилами курганы, они ставятъ всегда тутъ же на могилѣ и сани, принадлежавшіе покойнику, и опрокидываютъ эти сани полозьями вверхъ.

— А не знаете ли, — спросилъ промышленникъ, — давно ли они приведены въ христіанство?..

— Да со временъ еще Іоанна Грознаго подобнымъ Трифономъ Печенѣжскимъ, — отвѣчалъ Кастренъ. — И нѣкогда они заселяли всю Скандинавію; нѣкогда, какъ говорить исторія, это было многочисленное племя, которое вмѣстѣ съ другими финскими племенами пришло, тѣснимое монголами, изъ внутренней Азіи, изъ-за Алтая,

и владычествовало на всемъ сѣверѣ, а быть можетъ оно владычествовало и по всей Европѣ. Позднѣйшія изслѣдованія и позднѣйшіе историки быть можетъ найдутъ въ немъ и аборигеновъ *) Европы, которые принадлежать къ кавказскому или тюркскому племени.

— Но теперь пока,—заканчивалъ свою рѣчь Кастрень,—теперь сохранилось въ русскихъ лѣтописяхъ одно только общее народное названіе финскому племени—„бѣлоглазая чудь“; и въ настоящее время дни существованія этого нѣкогда многочисленнаго племени почти уже сочтены. Собственно лопари, какъ мы видимъ, и какъ вы сами говорили, исчезаютъ совѣмъ: и въ Россіи, и въ Швеціи ихъ насчитываютъ теперь не болѣе, какъ тысячъ десять...

— Слышите ли поютъ русскую пѣсню,—сказалъ Кастрень. И уродливая русская пѣсня съ непріятнымъ дзвяканьемъ въ выговорѣ русскихъ словъ на о разносилась дико, среди гама и крика пировавшихъ лопарей, и Кастрень долго, внимательно вслушивался въ однообразный ея мотивъ.

На другой день съ разсвѣтомъ сани, запряженные шестеркой оленей, стояли уже у вѣжи и собравшіеся лопари угрюмо и молча пожелали промышленнику счастливаго пути.

---

*) А б о р и г е н ы — первоначальные или первобытные жители края.

Лопарь-вожакъ прочиталъ про себя „Отче нашъ“, и предъ Кастреномъ опять потянулася необозримая тундра, но уже покрытая бѣлой, снѣжной пеленой, и сытныя олени неслись по ней легко и плавно, какъ птицы.

САМОѢДЫ.

(Зима на тундрѣ).

Лютая, безконечная сѣверная зима вступила во всѣ свои права и разнеслась по тундрѣ страшными бурями и замatelyю или пургой. Спуталось въ снѣжныхъ вихряхъ небо съ землей, замело, засыпало и занесло глубокими снѣгами, по деревнямъ и городамъ, дома до крышъ, а морозъ,—о которомъ, какъ и о буряхъ, никто изъ жителей внутренней Россіи не имѣетъ и понятія,—крѣпко сжалъ и сковалъ въ одну общую льдину всю пустыню тундры.

Архангельскіе друзья и знакомые, описывая самыми мрачными красками дикую зимнюю пустыню, старались всячески отговорить Кастрена отъ путешествія; но надежда обогатить науку какими-либо открытіями воодушевила Кастрена рѣшимостью, и онъ готовъ былъ жертвовать самъ жизнью лишь бы достигнуть этого. Онъ переѣхалъ изъ Архангельска въ Мезень,—самый сѣ-

верный и далекий городъ на востокъ Россіи,—и отсюда началось его путешествіе по тундрѣ къ самоѣдамъ.

19-го декабря 1842 года передъ домомъ мезенскаго городничаго стояли олени санки съ рогожнымъ верхомъ; впереди ихъ сани открытыя, и четверка добрыхъ оленей, запряженныхъ какъ въ тѣ, такъ и въ другія, чуя путь, вытянули свои короткіе шеи и только помахивали вѣтвистыми красивыми рогами. Приземистый самоѣдъ, такой же съ виду какъ и лопарь, и также одѣтый, и съ такимъ же длиннымъ шестомъ въ рукахъ, называющимся у самоѣдовъ „хорей“, стоялъ молча, опершись на него, у переднихъ саней. На немъ былъ мѣшокъ изъ оленьей шкуры шерстью внизъ, извѣстный и во всей Россіи подъ именемъ „малицы“, а поверхъ малицы надѣтъ былъ другой мѣшокъ—„савикъ“, такой же какъ малица, но съ капишномъ. Ноги окутывались шерстяными чулками и поверхъ ихъ видѣлись отдѣльно узорчатые олени „нимы“, служившія ему въ видѣ саногъ.

Толпа любопытныхъ зрителей, мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и старыхъ, несмотря на сильный морозъ, окружала кибитку, заглядывала въ низенькія окна самаго дома и съ нетерпѣніемъ, кутая свои носы въ шубы, ожидала проѣзжающаго, чтобы посмотрѣть, какъ онъ будетъ усаживаться. Кастрень вышелъ и любопытные, засматривая ему въ лицо, одни охали и, мотая го-

ловами, спрашивали, куда онъ ѣдетъ? а знающій объяснялъ толпѣ, что проѣзжающій нѣмецъ и что, бывая у Алексѣя Васильевича, который прожилъ двадцать лѣтъ на тундрѣ, онъ все записывалъ, что тотъ ни говорилъ, къ себѣ въ книжку,—и, стало быть, онъ ищетъ золото и прочаго, что лежитъ въ горахъ“. Кастрень, вынувъ нѣсколько грошей нищимъ, вскочилъ въ кибитку; нищіе, оборотившись лицомъ къ церкви, молились, по обѣщанію одной старухи, за его благополучіе; и тутъ-же раздался благовѣстъ къ вечернѣ. Всѣ сняли шапки и стали креститься. Затѣмъ послышалось громкое „съ Богомъ“, самоѣдъ тронулъ единственную, длинную ременную возжу, далъ по толчку палкой каждому изъ оленей и олени мелко застучали копытами по убитой городской дорогѣ. Изъ Мезени дорога пошла на Сомжу, а оттуда потянулась она прямо къ сѣверу, и предъ Кастреномъ разостлалась неизмѣримая равнина Канинской тундры. Если-бы не вѣтеръ, который сметалъ снѣга, посылаемые благимъ небомъ на эту мрачную землю, то трудно было бы рѣшить, что находишься на землѣ,—она была также нага и бѣдна, какъ и мать ея—море, восточный берегъ котораго былъ видѣнъ, и сливался съ землей въ одну мрачную безконечную линію. Изрѣдка встрѣчался кой-гдѣ рѣденькій ельникъ, чаще попадался ивовый кустарникъ, который указывалъ обыкновенно на присутствіе

маленькаго ручья, тихо пробиравашагося по тундрѣ, и, вглядываясь тщательнѣй, можно было открыть небольшія возвышенности. Они иногда были обнажены совершенно; иногда же они покрывались тонкимъ, но крѣпкимъ снѣжнымъ черепкомъ, сквозь трещины котораго пробивался частый оленій мохъ. Вотъ все, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней мелькало передъ глазами Кастрена и о чемъ онъ, вспоминая потомъ, писалъ въ своемъ путешествіи: „земля была пуста и пустынна, почти какъ при началѣ творенія міра“.

Самоѣдъ, свистя по временамъ на оленей, тянулъ однообразную, какъ бы въ ладъ своей пустынѣ, дикую пѣсню,—что съѣлъ какой-то самоѣдъ, въ одинъ разъ, семь сырыхъ омулей *), что выпили такіе-то и такіе-то самоѣды, тамъ-то и столько-то вина; и ужъ наступила ночь, озарили пустыню яркія звѣзды, а онъ все импровизировалъ монотонно весь свой домашній бытъ и слышались чаще всего воспѣванія вина и сырой оленьей печени и оленьей крови. Онъ пѣлъ, какъ и всѣ дикіе народы, что ему приходило на умъ и что онъ любилъ, или что было по сердцу.

Олени неслись равномерной рысцой по снѣжной пустынѣ, которая мерцала изрѣдка какимъ-то страннымъ полусвѣтомъ, и нѣтъ возможности представить той ужасной тишины, какая царила

---

*) Рыба вродѣ сига.

вокругъ, иногда только нарушаемая лаемъ одинокаго песца или крикомъ блѣлой совы,—пѣвицы, достойной этихъ пустынь. Не было возможности думать, находясь на этой могилѣ природы, о присутствіи какой-бы то ни было жизни; но вотъ вдали, за сугробами и снѣжной гладью, освѣтился вдругъ чумъ или юрта самоѣда, а ямщикъ-самоѣдъ крикнулъ „сполоха“ и, прервавъ свою пѣсню, указалъ Кастрену на сѣверъ.

Кастрень выглянулъ, — это было сѣверное сіяніе.

Оно уже образовало на горизонтѣ неба ярко-свѣтящуюся дугу, которая волновалась и измѣняла по нѣскольку разъ свою форму; уже выбрасывались до середины неба и исчезали, и снова выходили и собирались въ пучки блѣдноватые лучи; уже стали изъ свѣтовой дуги появляться и огненные столбы; и вотъ они поднялись по одиночкѣ, затѣмъ зажглись вдругъ разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; зажглись радужнымъ переливомъ отъ кроваво-краснаго до зеленаго, до блѣдно-изумруднаго и до блѣдно-желтаго цвѣта. Подымаясь все выше и выше, они заволновались, заходили какъ живые, то исчезая, то снова являясь, и, наконецъ, слившись въ одно пламенно-мерцающее море, они скопились на срединѣ неба въ одинъ дивно-свѣтящійся куполъ, называемый вѣнецъ, который и озарилъ всю мертвую пустыню тундры какимъ-то волшебнымъ, фантастичес-

кимъ свѣтомъ. Всѣ очертанія вокругъ—дрожали, всѣ предметы, казалось, точно были созданы только одной мечтой и въ дѣйствительности ихъ не существовало; безмолвіе же ночи еще болѣе придавало всему сверхъ-естественность и таинственность; и, поглощенный этой картиной, Кастрень даже вздрогнулъ, очутившись неожиданно у чума и слыша русское ломаное привѣтствіе „торова“.

Самоѣды стояли около его кибитки, а нѣкоторые, освѣщенные какъ-бы бенгальскимъ огнемъ, двигались у чума и также обмѣнивались съ ямщикомъ Кастрена своимъ привѣтствіемъ „торова“.

— Торова,—сказалъ и Кастрень.

Хозяинъ и хозяйка отвѣчали ему тѣмъ же; и хозяинъ не сводилъ съ него своихъ прищуренныхъ, подслѣповатыхъ глазъ, а хозяйка посматривала то на него, то на своего мужа. Ямщикъ медленно отпрягалъ оленей. Сѣверное сіяніе, это весьма обыденное явленіе для самоѣдовъ, было на этотъ разъ, противъ обыкновенія, очень кратковременно; и не успѣлъ Кастрень налюбоваться имъ вполнѣ, какъ вѣнецъ сіянія началъ ежеминутно блѣднѣть и блѣднѣть, затѣмъ разорвалась и свѣтовая дуга, рѣже, короче и безцвѣтнѣе сдѣлались самые лучи и вскорѣ пошли по небесному своду разбрасываться одни широкія, блѣдныя, почти что пепельнаго цвѣта, свѣтящіяся пятна, которыя, сливаясь постепенно, образовали подъ конецъ одно бѣловатое, нѣжное облако.

Темная ночь поглотила все чудное явленіе и снова зимній мракъ одѣлъ пустынный ландшафтъ.

Кастренъ подошелъ къ чуму. Этотъ чумъ былъ не болѣе какъ конусообразный шатерь, составленный изъ жердей и обшитый оленьими одѣями, — однимъ шерстью наружу, а другимъ шерстью внутрь. Жерди, вбитыя въ землю въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, образовали круглое основаніе шатра и, связанныя крестообразно наверху, оставляли небольшую дыру для выхода дыма.

Кастренъ заглянулъ въ отверстіе, служащее дверью и прикрытое оленьей шкурой, — въ чумѣ было темно, какъ въ могилѣ и кто-то стоналъ. Онъ попросилъ огня, но отвѣта не было, — онъ повторилъ свою просьбу, — отвѣта опять таки не послѣдовало, и, ходя по чуму и наткнувшись на кучу хвороста, онъ самъ свалилъ его на очагъ и развелъ огонь. Ярko освѣтившаяся внутренность чума показалась Кастрену довольно уютной. Повсюду виднѣлись подушки, вездѣ въ два ряда уколочены были постели, полъ, для предохраненія отъ сырости и стужи, устилался твердыми постилками, сплетенными изъ прутьевъ бересты и метляка; поверхъ постилокъ лежали оленьи шкуры и на самомъ священномъ мѣстѣ, противъ двери, называющемся „синекуй“, черезъ которое не смѣтъ переступить самоѣдка, хранились разныя лучшія вещи и самые лакомые съѣстные при-

пасы. Кромѣ больного самоѣда, лежавшаго на одной изъ постелей, Кастрень замѣтилъ въ чумѣ и дѣвушку-самоѣдку, которая забившись въ уголъ, съ жадностью теребила и рвала зубами большой кусокъ мерзлаго сырого мяса, причѣмъ работала головою такъ, что волосы въ безпорядкѣ развѣвались около окровавленнаго ея лица. Она взглядывала, украдкой, съ выраженіемъ сильнаго страха и даже отчаянія на Кастрена, и походила въ это время на какого-то шевелящагося звѣрька. Но вдругъ, выраженіе лица ея измѣнилось и, положивъ въ сторону кусокъ мяса, она привела въ порядокъ волосы, открыла лицо и глаза ея засіяли какой-то радостью. Кастрень изумился, а дѣвушка была очарована, заблестѣвшей передъ огнемъ его серебряной табакеркой.

Въ это время вошли хозяинъ съ хозяйкой и за ними, спустя нѣсколько мгновеній, явился самоѣдъ—колдунъ или шаманъ, къ которому обращаются язычники-самоѣды, какъ къ священнику и какъ къ врачу.

Онъ вошелъ какой-то нетвердой, лукавой походкой, и странный, но вмѣстѣ съ тѣмъ красивый костюмъ его, освѣщенный пламенемъ, рѣзко бросался въ глаза. На немъ была замшевая рубаха (самбурча) съ красною суконною каймой, съ такими же выпушками по всѣмъ швамъ и съ такими же эполетами на плечахъ. Глаза и все лицо его покрывались доскутомъ сукна, такъ какъ

шаманъ или, какъ зовутъ его самоѣды—тади-
бей, проникаетъ въ тайны духовнаго міра толь-
ко внутреннимъ взоромъ; на головѣ же не было
ничего, и только узенькая лента изъ краснаго
сукна проходила по затылку, а другая по темени
для укрѣпленія лоскута, спускавшагося на лицо.
На груди висѣла желѣзная бляха, а въ ру-
кахъ тадибей держалъ небольшой круглый бара-
банъ, изукрашенный весь разными кольцами, ло-
скутками и оловяными фигурками.

Войдя, онъ прямо подошелъ къ больному и
сталъ спрашивать, не знаетъ ли онъ, кѣмъ на-
слана болѣзнь, кто его враги, съ кѣмъ больной
ссорился, дрался и т. д. Но больной только от-
рицательно моталъ головою и все время бессмыс-
ленно мычалъ. Тогда тадибей приступилъ къ сво-
ему чародѣйству: забивъ оглушительно въ бара-
банъ, онъ запѣлъ, вызывая невидимыхъ духовъ
тадебціевъ, нѣсколько таинственнымъ и ужа-
сающимъ напѣвомъ. Растягивая каждое слово и
каждый слогъ до безконечности, онъ пѣлъ: „Не
покидай, тадебцій, больного, ступай на верхъ,
ступай къ верховному владыкѣ къ Нуму и про-
си о вспомошествованіи“. И тадебцій, видимо,
по словамъ тадибея (какъ потомъ удалось узнать
Кастрену), исполнилъ его приказаніе и вернул-
ся съ извѣстіемъ, что Нумъ не сказалъ ни слова
и не далъ помощи. Тадибей при такомъ извѣстіи
упрашивалъ тадебція, чтобы онъ помогъ самъ;

по тадебціи отвѣчалъ: „какъ мнѣ помочь? вѣдь я меньше Нумы, я не могу помочь“. Тогда тадибей, не отставая въ своихъ просьбахъ, снова сталъ просить, чтобы тадебціи вознесся опять къ Нумѣ и умолялъ бы его неотступно о помощи и спасеніи; на это тадебціи будто бы отговаривался и совѣтовалъ тадибею отправиться къ Нумѣ самому“.

— Я не могу добраться до Нумы,—пѣлъ на это жалостнымъ тономъ тадибей,—онъ слишкомъ далеко отъ меня; если-бы я могъ добраться до него, я не сталъ бы просить, тадебціи, тебя; я пошелъ бы къ нему, но я не могу, такъ ступай-же къ нему ты самъ.

Послѣ такихъ увѣщаній тадебціи какъ-будто сжалился и сказалъ тадибею: „ну, для тебя я пойду, но Нумъ безпрестанно бранитъ меня и говоритъ, что не скажетъ мнѣ ни слова“.

Такъ, бесѣдуя долго съ невидимымъ тадебціемъ, тадибей замолкалъ по временамъ и барабанилъ слабѣе, точно вслушивался въ отвѣты тадебціи, а помощникъ тадибея дотягивалъ въ эти промежутки послѣднее слово пѣсни и дико, неподвижно смотрѣлъ въ какую то точку.

Окончивъ бесѣду, тадибей вдругъ заревѣлъ, забарабанилъ и въ какомъ то восторженномъ состояніи, точно видя видѣніе, онъ сталъ, конвульсивно подергиваясь, возвѣщать изреченіе оракула.

Онъ говорилъ, что болѣзнь произошла отъ од-

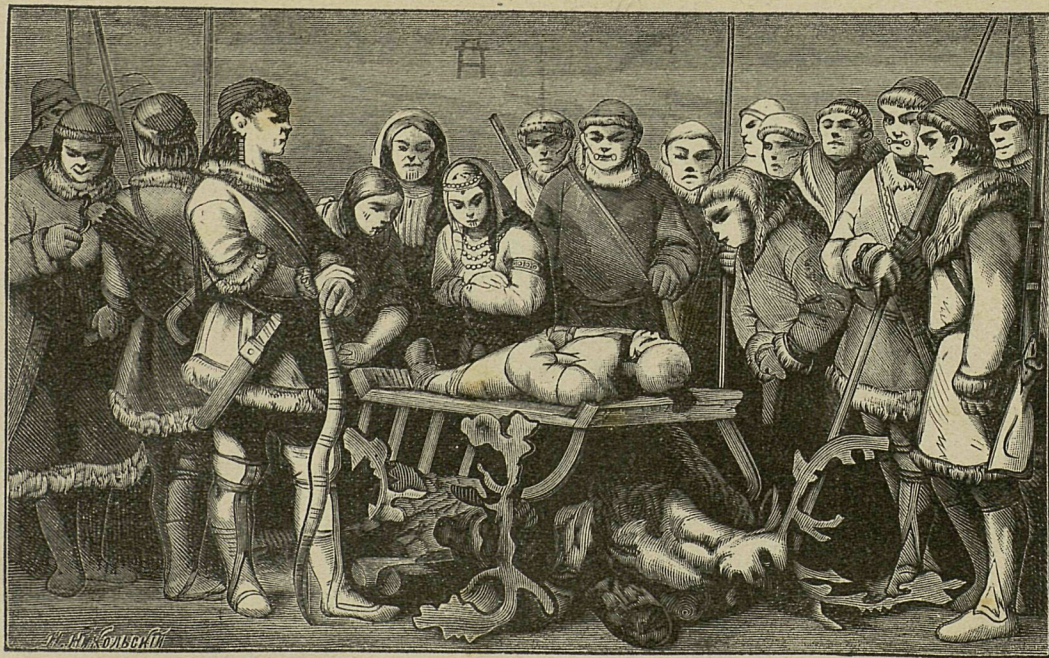

ного врага и, прося опять тадебціа, онъ насылалъ въ отмщеніе эту болѣзнь ея виновнику. За заклинаніями онъ вынулъ сушеную березовую губку и, вырѣзавъ изъ нее нѣсколько кусочковъ, онъ клалъ, зажигая эти кусочки, на больную ногу и, видимо, радовался, когда кусочки отъ тѣла отскакивали. Онъ говорилъ, что болѣзнь пройдетъ, что Нумъ смиловался и что болѣзнь перейдетъ на врага. Его блуждающій взглядъ и его дикіе жесты дѣлались при этомъ покойнѣе, сдержаннѣе и подъ конецъ, принявъ отъ хозяевъ жертву и удаляясь изъ чума, онъ еще разъ предвѣщалъ больному полное здравіе и долгую жизнь.

Но больной умеръ на другой же день и, какъ казалось Кастрену, онъ умеръ отъ антонова огня. Указывая на умершаго, Кастрень обвинялъ въ его смерти тадибея; но самоѣды не вѣрили Кастрену и говорили, что тадибей самъ ничего не можетъ сдѣлать, что онъ не больше какъ толмачъ невидимаго міра духовъ и тадебціевъ, а тадебціи дѣлаютъ и добро, дѣлаютъ и зло, и что все на свѣтѣ зависитъ отъ одного Нума.

И н ѣ к и (такъ зовутъ самоѣдокъ) обрядили покойника въ его лучшую одежду и, продѣлавъ въ чумѣ противъ дверей небольшое отверстіе, пронесли черезъ него умершаго, схвативъ его за голову и за ноги. Въ сани, принадлежащія покойнику, былъ запряженъ его любимый олень и, когда тѣло было вынесено и уложено, само-

ѣды всѣ кучею, съ дѣтьми и съ собаками окружили его и повезли хоронить.

Опустивъ покойнаго въ неглубокую яму, они бросили туда-же его ножъ, заблаговременно ими испорченный и иступленный; бросили разломанный на части хорей, которымъ погонялъ покойный оленей; бросили разбитую чашку, изъ которой онъ любилъ пить водку, и, полагая, что покойникъ будетъ въ могилѣ еще нѣсколько времени жить, и вещи его ему будутъ при этомъ случаѣ нужны, они засыпали ихъ вмѣстѣ съ нимъ землею и на курганѣ надъ могилой принесли въ жертву любимаго оленя, который привезъ къ могилѣ своего мертваго хозяина.

Жертва, обagrивъ курганъ, лежала у деревяннаго кумира или болванчика, называемаго хаге, знаменитый каменный представитель котораго находится у самоѣдовъ на островѣ Вайгачѣ и явился туда, имѣя человѣкоподобную форму и остроконечную голову, неизвѣстно какимъ образомъ. Самоѣды мазали свѣжей оленьей кровью губы болванчика, тыкали ему въ ротъ куски оленьей печенки, и сами, подчиваясь то сырой олениной, то водкой, едва затѣмъ притащились обратно въ свои чумы.

Оставивъ кочевье съ его свѣжимъ покойникомъ, Кастрень отправился на другой день далѣе по тундрѣ, по направленію къ Печорѣ, и по

дорогѣ говорилъ съ ямщикомъ-самоѣдомъ о покойникахъ.

Ямщикъ вѣровалъ, что со смертію кончается все для человѣка, что умереть человѣкъ и конецъ всему; вѣровалъ въ исключительное безсмертіе однихъ тадибеевъ, которые превращаются въ могилѣ въ такъ называемыхъ „и р м а т о в ѣ“, и скитаются ночью по землѣ, дѣлая людямъ то добро, то зло. Онъ говорилъ, что ихъ надо очень бояться и что не слѣдуетъ о нихъ много думать.

— И у меня, — сказалъ самоѣдъ, заканчивая свои рассказы о покойникахъ, — тому назадъ нѣсколько мѣсяцевъ братъ уѣхалъ на небо.

— Какъ такъ? — спросилъ Кастрень, желая узнать въ чемъ дѣло.

— Да поѣхалъ охотиться на волковъ и уѣхалъ туда, — былъ отвѣтъ самоѣда.

— Стало быть волки его съѣли и безъ вѣсти пропалъ, — замѣтилъ Кастрень.

— Нѣтъ, на небо уѣхалъ, — настаивалъ самоѣдъ и твердо вѣровалъ, что братъ его на небѣ.

Кастрень хотѣлъ продолжать еще разговоръ о покойникахъ, но недалеко на тундрѣ слышался лай собакъ, и олени, положивши свои вѣтвистые рога на спину и помахивая своими коротенькими хвостиками, полетѣли къ новому доху, или отдыху такой быстрой рысью, что самоѣдъ только засвистѣлъ и замахалъ съ радостью своимъ длиннымъ хореемъ.

Кочевье показалось издали въ какой-то тревогѣ: иньки сновали около чумовъ, сани были нагружены подушками и разными вещами, а подъѣзжая, Кастрень встрѣтилъ и самоѣдовъ, которые, поймавъ ближайшихъ къ чуму оленей, ѣхали уже къ своимъ стадамъ.

— Что это?—спросилъ Кастрень ямщика.

— На другое мѣсто,—слышался отвѣтъ,—въ дорогу; и ямщикъ указалъ на чумъ, который неожиданно на глазахъ Кастрена исчезъ и сваливался инькой на сани.

Первый разъ Кастрень видѣлъ оживленнымъ кочевье: тутъ, почти что голые, бѣгали ребятишки отъ чума къ чуму, тамъ иньки кричали и проворно работали, укладывая свои вещи и разбирая чумы; въ одномъ мѣстѣ разсерженный самоѣдъ сѣкъ своего кумирчика или хаге, за то, что тотъ не исполнилъ его просьбы; въ другомъ мѣстѣ самоѣдъ сколачивалъ старыя сани, а вдали заливались громкимъ пронзительнымъ лаемъ собачата, загоняя стада, и самоѣды ловко вскидывали мѣткія и крѣпкія петли на рога своихъ оленей.

Тяжело дышавшіе олени Кастрена, остановясь у чумовъ, хватали съ жадностью пухъ свѣжаго снѣга, а ямщикъ, вынувъ изъ-за пазухи бутылку съ водкой и подкрѣпясь любимымъ напиткомъ, продолжалъ объяснять Кастрену, что самоѣды уходятъ на новое мѣсто, такъ какъ не стало болѣе на настоящемъ для оленя корма, и олень ушелъ,

отыскивая мохъ, далеко, гдѣ будутъ его рѣзати волки и уйдетъ онъ затѣмъ еще далѣе...

— Чего-жъ они заторопились?

— День коротокъ—ночь скоро,—отвѣтилъ ямщикъ.

— А куда-жъ теперь самоѣды отправятся? — спросилъ Кастрень.

— А куда олень поведетъ, — отвѣчалъ ямщикъ,—олень лучше знаетъ, гдѣ мохъ лежитъ... гдѣ есть мохъ—тамъ и останвятся опять...

И въ долгихъ своихъ странствіяхъ по тундрѣ и на пути къ Печорѣ, Кастрень встрѣчалъ еще множество перекочевывающихъ съ мѣста на мѣсто самоѣдовъ, видѣлъ, какъ останавливается кочевье и вѣчная работница самоѣда—инька,—въ какихъ нибудь полчаса разбиваетъ и устраиваетъ свой чумъ; встрѣчалъ Кастрень на тундрѣ и русскихъ и зырянъ, которые ѣздятъ съ водкой и, спаивая самоѣдовъ, приобрѣтаютъ у нихъ за ничто разные мѣха и оленей; видѣлъ также, какъ кроткій, простодушный самоѣдъ, ради водки, поддается всякому обману и какъ живетъ онъ на тундрѣ, отгнанный русскими отъ рѣкъ, лѣсовъ и лучшихъ пастбищъ въ самую глубь пустыни, едва и кое-какъ промысляя на ней, то оленемъ, то рыбой. Вполнѣ безотрадной и даже ужасной казалась Кастрену эта жизнь, которую влачитъ самоѣдъ—вѣчно въ кабалѣ и вѣчно голодая; но самоѣдъ не ищетъ другой жизни, и всѣ попытки

Кастрена приручить къ себѣ самоѣда, ради легчайшаго изученія самоѣдскаго языка, остались безъ успѣха.

Самоѣдъ, живя въ избѣ Кастрена съ женой и съ дѣтьми въ одной изъ русскихъ деревень, говорилъ постоянно Кастрену: „ты живешь со мной ладно и я люблю тебя, но смилуйся и отпусти меня“. И такъ нѣсколько разъ Кастрень пытался удержать при себѣ самоѣда, ублаговоря его вдоволь и водкой, и деньгами, но самоѣда тянуло ежеминутно на тундру, въ чумъ, и Кастрень волей не волей долженъ былъ отказаться отъ своихъ удобствъ и устроить свой ученый кабинетъ въ чумѣ нищихъ самоѣдовъ, находившихся недалеко отъ деревни. При крикѣ дѣтей и лаѣ собакъ, живущихъ вмѣстѣ съ самоѣдами въ чумѣ, и при воѣ вѣтра, который задувалъ иногда и ночникъ, Кастрень изучалъ самоѣдскія нарѣчія и всматривался во всѣ мелочи самоѣдской жизни.

Обыкновенно въ чумѣ сидѣла передъ нимъ инька, сучившая изъ оленьихъ жилъ нитки, или чинившая малицу; сидѣлъ, жуя курительный табакъ и пощелывавая въ огонь, голодный самоѣдъ и тутъ же толклись голые ребятишки, стояли у очага, поднявши носы, маленькія шавки или собачата; и Кастрень спрашивалъ самоѣда, почему у нихъ считается нечистой инька, почему она не смѣетъ шагать черезъ одежду мужа, черезъ постель, черезъ синекуй и черезъ всякую

лежащую вещь; почему они инекъ быють, когда тѣ постоянно работаютъ, а сами самоѣды только спятъ; почему также, готовя ѣду, иньки ѣдятъ одни остатки отъ нее, почему на иньку, которая родить, самоѣдъ смотритъ, какъ на нечистую и скверную... и т. д. На все это самоѣдъ давалъ весьма неопредѣленные отвѣты и говорилъ: „инька переступить черезъ малицу, надо сдѣлать чистой ее, надо положить на очагъ, инька переступить черезъ синекуй, его надо освятить, — надо бросить на синекуй, зажженный уголь или губку...“

На распросы объ обрядахъ при рожденіи, свадьбѣ и другихъ, онъ также отвѣчалъ весьма неопредѣленно, ничего не объясняя, и на вопросъ, какъ даются при рожденіи имена, самоѣдъ отвѣчалъ: „какъ Нумъ укажетъ. Ты вошелъ, говорилъ онъ Кастрену, — и ребенка мы назвали „немзя“ (нѣмецъ); снѣгъ повалилъ, когда онъ родится, — назовутъ снѣгъ; пурга зашумитъ — и назовутъ ребенка пурга...“

Свадьбу же Кастрену пришлось видѣть передъ отъѣздомъ съ Печоры въ Сибирь, когда онъ оставлялъ самоѣдовъ и направлялся къ другимъ инородцамъ, — остякамъ.

Самаго свадебнаго стовора, когда свать торгуется съ женихомъ невесты о томъ, что женихъ за невесту обязанъ платить, Кастрень не засталъ; ему пришлось присутствовать на свадебномъ

пирѣ, — въ чемъ, впрочемъ, и заключается весь обрядъ самоѣдской свадьбы.

Пиръ свадебный, — это былъ чисто кровавый пиръ. Передъ чумами толпилась гурьба разряженныхъ самоѣдовъ и инекъ; въ серединѣ между ними стоялъ красивый олень. Ребятишки, засунувъ руки въ малицы, прыгали около него и радостно визжали, чую сладкое оленье мясо. Одинъ изъ распорядителей пира, напрягшись всѣмъ тѣломъ, держалъ оленя за рога, другой стоялъ наготовѣ съ ножомъ, иныки, собравшись молча нѣсколько поодаль, выжидали приказанія мужей, а самъ хозяинъ, уставясь противъ оленя съ обухомъ, улучалъ удобную минуту свалить его однимъ ударомъ. Олень свалился, а длинный ножъ попалъ ему прямо въ сердце, и въ одно мгновеніе вытащенный дыхательный каналъ взволновалъ всю толпу. Толпа заорала, и чуть не перервалась изъ за-этого лакомаго куска; но кусокъ по всѣмъ правамъ принадлежалъ родственникамъ жениха, и, разорванный на части, онъ въ ту же минуту исчезъ. Съ оленя живо сняли шкуру, разрезали животъ и, выбросивъ все несѣдобное, перевернули навзничъ. Онъ сталъ походить на длинную посудину, наполненную кровью, въ которой плавали печенки, легкія и сердце. Гости и хозяева, — всѣ съ длинными ножами, обступивъ оленя, хватали съ жадностью куски теплаго, дымящагося мяса, и, обмакивая ихъ въ кровь, съ

особымъ звѣрствомъ и наслажденіемъ ловко срѣзывали ножомъ небольшіе куски подлѣ самага рта. Свѣжая кровь такъ и струилась по поднятымъ рѣдкимъ, бородамъ и выгнутымъ шеямъ, а подслѣповатые, узенькіе глаза блестѣли, какъ искорки, и чашка водки, туманя ихъ глаза, довершала все блаженство.

Легкія и печонка служили десертомъ, но когда кончился пиръ у убитаго оленя, всѣ отпраздновались въ чумѣ, гдѣ кипѣлъ уже котелъ и полу-сырое мясо, разрѣзанное на части, подносилось на деревянномъ блюдѣ почетнымъ гостямъ а въ томъ числѣ и Кастрену. Женихъ и невѣста были тутъ же, и невѣста, одѣтая въ короткую оленью шубку, плотно обхватывающую верхнюю часть тѣла и окаймленную у кодынь собачьимъ мѣхомъ, представляла полный типъ самоѣдской красавицы и была лѣтъ тринадцати. Маленькое, круглое личико, большія губы, полныя и красныя щеки, бѣлый лобъ, черныя маленькіе глазки и черныя, длинныя косы до пятъ, — вотъ главныя ея достоинства. Костюмъ ея, какъ и всѣхъ самоѣдокъ, былъ изукрашенъ красными, синими и желтыми общивками, на ногахъ были пестрые штаны, оленьей кожи чудки и только двѣ нитки синяго стекляруса на головѣ отличали ее отъ другихъ дѣвушекъ.

Женихъ также не уступалъ въ красотѣ своей невѣстѣ: его широкія скулы, маленькіе глаза,

смуглый цвѣтъ лица, плоскій носъ съ широкими ноздрями, составлявшій съ низкимъ лбомъ прямую линію, и затѣмъ толстыя губы, окаймленные рѣденькой щетиной волосъ, и черная, какъ смоль, голова, вполне характеризовали его монгольское племя.

На пиру онъ также, какъ и всѣ его собраты, пилъ страшно водку и, несмотря на то, что во время пира его невѣста и другія дѣвушки пѣли самоѣдскія пѣсни, походившія напѣвомъ на кваканье лягушекъ, онъ вмѣстѣ съ остальной компаніей, заводилъ постоянныя драки, и ни съ того ни съ сего таскалъ сосѣда за волосы, а тотъ его. Пиръ завершился общей потасовкой, гдѣ не обращалось вниманія ни на полъ, ни на возрастъ: пьяные цѣплялись другъ другу въ волосы, таскали одинъ другого по чуму, шли на кулаки, дрались костями и все это, довершавшее пиръ и веселье, происходило безъ всякаго повода.

На другой день предъ Кастреномъ разыгрывался второй актъ этой драмы и все снѣжное поле передъ чумами было усеяно павшими героями и героинями предшествовавшаго пира. Многіе лежали безъ чувствъ, съ открытыми головами, уткнувшись въ снѣгъ, и вѣтеръ наметывалъ надъ ними сугробы. Нѣжнѣйшій супругъ ходилъ отъ одного лежащаго трупа къ другому, искалъ свою подругу и, находя, оборачивалъ ее спиной къ вѣтру и ложился рядомъ съ нею носомъ къ носу.

Другой ходилъ съ разбитымъ кофейникомъ въ рукахъ и вливалъ въ горло своей возлюбленной нѣсколько капель оставшейся водки; третій, наткнувшись на своего врага, давалъ ему нѣсколько толчковъ въ бокъ и отъ напряженія и раскачиванья падалъ тутъ-же и самъ. Иныхъ, сильно опьянѣвшихъ, привязывали къ санямъ и отправляли домой; а державшіеся на ногахъ и кое-что еще чувствовавшіе, замѣтивъ Кастрена, подошли къ нему и каждый силился что-то ему сказать, о чемъ-то спросить и всѣ разомъ требовали, чтобы онъ ихъ выслушивалъ.

Два самоѣда съ Печоры, возчики Кастрена, также были не трезвы и хотя стояли, готовые уже къ отѣзду, у саней, но всячески старались отговорить Кастрена отъ поѣздки и предвѣщали поэтому сильную непогоду.

Кастрень взглянулъ на небо, солнце уже показалось на горизонтѣ и огненно-красныя облака, занимавшія большую часть небосклона и мерцавшія какимъ то особеннымъ свѣтомъ, дѣйствительно, казалось, были подозрительны и не сулили хорошаго дня. Но, выдержавъ уже много бурь и непогодъ и освоясь съ ними, въ продолженіе своего долгаго странствованія по тундрѣ, Кастрень рѣшился отправиться въ дорогу и теперь. Онъ съ радостью оставилъ пустынную Печору, о которой говорятъ всѣ, что „она создана не Богомъ, а образовалась уже послѣ потопа“; онъ

прѣзжалъ послѣдній разъ окружавшія ее низменныя пространства и думалъ только о томъ, какъ бы добраться скорѣе до Урала. Самоѣдовъ онъ уже изучилъ, проживъ съ ними на ихъ тундрѣ болѣе года и его интересовали другіе народы, живущіе за Ураломъ. Но Ураль былъ еще далеко. Признаки, предвѣщавшіе непогоду на тундрѣ у Печоры, стали обозначаться яснѣй и яснѣй и не успѣлъ Кастрень отѣхать верстъ десяти или пятнадцати отъ чумовъ, какъ возчики и самъ уже Кастрень вструхнули не на шутку. Буря закрутила метелью всю снѣжную даль, понесла съ страшною силою цѣлыя снѣговья тучи и вотъ стала грознѣй и порывистѣй подходить ближе и ближе, заслонила вокругъ горизонтъ, и исчезли изъ глазъ въ снѣговомъ водоворотѣ и небо, и земля. Кастрень видѣлъ, какъ возчики остановились, какъ, подойдя другъ къ другу, они долго о чемъ то совѣтовались, долго покачивали головами, хотѣли, какъ казалось, идти къ нему, а потомъ снова разсѣлись по своимъ саямъ и сердитѣе только замахали своими хореями и быстрѣе старались подвигаться впередъ. Но вѣтеръ крѣпчалъ, порывы становились все чаще и чаще. Кастрену трудно уже было дышать и глядѣть и, встревоженный, онъ подозвалъ возчиковъ и спросилъ: „сколько проѣхали“? — Мы не знаемъ, гдѣ мы и ничего не видимъ, — былъ ихъ печальный отвѣтъ; и каждый разъ, остано-

ливаясь и сгребая снѣгъ съ себя и съ Кастрена, они повторяли тѣ же ужасныя слова и, тащась шагомъ, видимо блуждали, направляя оленей то въ одну, то въ другую сторону. Они припадали къ землѣ, старались опредѣлить дорогу по направленію вѣтра, всматривались въ струи снѣга и, наконецъ, набрали какъ то на рѣку, которая одному изъ нихъ была извѣстна. Онъ спустился по оврагу къ самой рѣкѣ; но прошло много времени и онъ не являлся; за нимъ отправился другой, и Кастрень одинъ одишенекъ, сидя въ своей кибиткѣ и заметаемый снѣгомъ, ждалъ въ нетерпѣливомъ страхѣ ихъ возвращенія; но прошло много страшныхъ мучительныхъ часовъ, — онъ уже полагалъ, что возчики бѣжали куда-нибудь отъ страха, или заблудились, или попали въ какія-нибудь ямы; но вернувшіеся опять повторили ему: „мы не знаемъ, гдѣ мы и ничего не видимъ“.

Наступило общее отчаяніе: Кастрень думалъ, что это его послѣднее путешествіе и путешествіе на тотъ свѣтъ; возчики безнадежно махали руками и обращались за спасеніемъ къ Нуму, а буря только визжала, да металась, какъ голодный волкъ по ровной пустынѣ и грозила засыпать путниковъ подъ однимъ снѣжнымъ сугробомъ, хороня ихъ въ этой могилѣ навѣки. Она какъ бы не знала на чемъ ей сорвать свою силу; и, перетаскившись черезъ рѣку, возчики опять стали поворачивать то вправо, то влево, разъ

пять прѣзжали назадъ къ той-же самой рѣкѣ и совсѣмъ выбились изъ силъ, совсѣмъ рѣшились остановиться и отдаться на произволъ судьбы, предлагая Кастрену единственное спасеніе—укрыться подъ санями, подъ снѣговымъ сугробомъ, продѣлывая въ немъ постоянно дыру для воздуха,—и Кастрень соглашался, видя одинъ исходъ,—но вдругъ олени круто поворотили и, не смотря на всѣ усилія возчиковъ направить ихъ на востокъ, они, видимо чужь донесшійся по вѣтру изъ чумовъ дымъ, усиленно потянули черезъ сугробы и подснѣжныя кочки на западъ.

Возчики ободрились и черезъ нѣсколько мгновений въ одинъ голосъ прокричали: „чумы—чумы видать“... Въ чумѣ, когда сидѣлъ уже Кастрень у огня, старшій возчикъ поглядѣлъ на него и многозначительно сказалъ „не я, а онъ—Нумъ, спасъ тебя въ эту ночь“... Кастрень долго однако не могъ прійти въ себя, долго не могъ опомниться; ему все что-то мерещилось; онъ точно находился въ какомъ-то бреду и въ довершеніе всѣхъ потрясеній, въ глубокую полночь, когда уже все спало крѣпкимъ сномъ, слышался передъ чумомъ какой-то трескъ. Кастрень привсталъ, приподнял тихо дверь, и ужасъ объялъ его снова. Странное и страшное зрѣлище явилось передъ нимъ какъ во снѣ. Вокругъ небольшого костра, разложеннаго передъ чумомъ, что-то двигалось, кривлялось и это что-то было

до того уродливо, что могло бы смутить самого смѣлаго и чуждаго всякихъ предразсудковъ чело-
вѣка. Это что-то было не болѣе двухъ аршинъ,
оно тихо ковыляло на необычайно короткой но-
гѣ, слонялось во все стороны и точно крутилось
на мѣстѣ, затѣмъ садилось, скрестивъ ноги, у огня,
и, постукивая таинственно по очагу, издавало
протяжный и заунывный звукъ: „у....у....у....!“

Кастренъ разбудилъ возчика; тотъ поглядѣлъ
на чудище; и оказалось, что это было самоѣд-
ское заклинанье вѣтровъ,—это была самоѣдская
колдунья.

На другой день она рассказала Кастрену нѣс-
колько самоѣдскихъ преданій и вѣрованій, и пре-
даніе о шаманѣ Уріерѣ. Рассказала, „какъ жилъ
въ старину на землѣ тадибей, по прозванію Урі-
еръ; и былъ онъ тадибей надъ тадибеями, му-
дрецъ надъ мудрецами, врачъ надъ врачами, вѣ-
щущъ надъ вѣщунами; и много онъ объѣхалъ
странъ, много видѣлъ народовъ, и было у него
множество оленьихъ стадъ; но наскучили ему
труды и напасти земной жизни и сказалъ онъ:
„здѣсь оленеводство дѣлается все хуже, а ловъ
съ каждымъ годомъ уменьшается, звѣрь стано-
вится все рѣже и рѣже, а воровство, обманы и
всякая неправда напротивъ умножаются, не хочу
жить болѣе на этой жалкой землѣ, поищу лучше
отчизны на небѣ“; и, сказавъ это, онъ взлетѣлъ
съ своими женами на небо и тамъ нашелъ и

сильныхъ оленей, и отличный мохъ и много звѣрей, и все, что только можетъ пожелать человѣкъ“.

Это преданіе рѣзко обрисовало передъ Кастреномъ несчастную жизнь самоѣда, какъ и другія преданія и вѣрованія, рассказанныя старухой — колдуньей, которыя одинаково были одно другого безотраднѣй и одно другого печальнѣй. Кастренъ испыталъ самъ все ужасы тундры, видѣлъ близко все невзгоды самоѣдской жизни, и ему не казалось послѣ этого ужаснымъ или невѣрнымъ самое страшное и самое безотрадное изъ вѣрованій самоѣдовъ, „что Богъ смерти царить надъ землею, елисейскія же поля находятся подъ нею, въ ея нѣдрахъ, и тамъ живетъ добрый и счастливый народъ, называющійся сиртеями“. 3 ноября 1843 года Кастренъ увидѣлъ впервые давно жданный Уралъ во всемъ его великолѣпнѣи и „князь Урала“ *), поднявъ свое бѣлое чело, красовался на небѣ среди тысячи мерцающихъ звѣздъ.

— А, видишь, князь нынче кротокъ... а онъ не всегда таковъ, — сказалъ сопровождавшій Кастрена самоѣдъ.

Онъ тутъ-же объявилъ, что недавно погибъ на Уралѣ его братъ; что бури рвутъ на Уралѣ цѣлыя

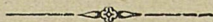
---

*) Княземъ Урала, или господиномъ Урала, самоѣды называютъ каждую высокую вершину Уральскаго хребта.

скалы, низвергаютъ каменья, и „надо бояться князя,—онъ грозный князь“...

Буря застигла Кастрена, но по ту сторону Урала, и черезъ три дня Кастрень былъ на тундрѣ сибирской, на тундрѣ у остяковъ.

О С Т Я К И.

(Весна на тундрѣ).

Май уже былъ на исходѣ. Солнце стало почаще заглядывать, подольше заставаться надъ мрачной тундрой и дни замѣтно начали прибывать. Оленные остяки, то есть тѣ, которые водятъ оленей и которыхъ въ числѣ остяцкаго народа весьма немного, давно уже потянулись за оленемъ чрезъ снѣжную тундру къ берегамъ Ледовитаго океана; а остяки-рыбаки, бросали звѣриную зимнюю охоту и собирались къ рѣкамъ. Время наступало горячее, прибыльное, и надо было запастись рыбой, заплатить ею долги русскимъ барышникамъ, которые снабжаютъ остяка хлѣбомъ и разными вещами; а главнѣе всего требовалось насытить отошавшіе за зиму желудки и утолить поскорѣе голодъ.

По всѣмъ притокамъ Оби, по всѣмъ берегамъ озеръ и рѣкъ показались разставленные остяцкія

сѣти и верши; повсюду остячки чинили невода, и, вставая утромъ, остякъ будиль свою жену, говоря ей: „подай сѣть, подведи собаку“. Затѣмъ, отправляясь къ озеру, или къ рѣкѣ, онъ проби-
валъ п е ш н е м ъ рыхлый ледъ, запуская подъ ледъ свою сѣть, и, дрожа всѣмъ тѣломъ, яростно вшивался въ первую попавшуюся живую, трепещущую рыбу.

Но сѣверная весна идетъ быстро, солнце, броса-
вая непрерывно лучи, творить чудеса, и не успѣвъ еще остякъ насладиться первымъ уловомъ, какъ ледъ посинѣлъ, подтаявшій снѣгъ сталъ на тун-
дрѣ проваливаться, отовсюду потекли мутные, илистые ручьи; вскорѣ затѣмъ, спустя день-дру-
гой, тронулась Обь, зашумѣли ея безчисленные притоки, волнуясь и пѣнясь выступила вода изъ береговъ,—она бурлила и рвалась повсюду, куда только могла направиться по ровной, гладкой тун-
дрѣ. Остякъ кричалъ уже своей женѣ: „убирай скорѣе сѣти, убирай верши“, и прятался въ свой зимнякъ или зимнюю юрту; но вода усиливалась, подступала и къ зимняку, и остяку приходилось, спасаясь отъ наводненія, бѣжать на возвышенныя мѣста и уходить въ далекія опушки лѣсовъ. Чер-
ная же тундра, не такъ еще давно ледяная и снѣжная, превращалась мгновенно въ какую то безбрежную, безконечную пустыню водъ,—слива-
лись болота съ озерами, озера съ рѣками, а Обь раскинулась верстъ на сто и казалась какимъ то

моремъ. Прохода и проѣзда не было нигдѣ. Обитателями тундры явились всевозможныя породы болотныхъ и водяныхъ птицъ. Они громадными стаями налетали изъ теплыхъ южныхъ странъ, и прежде всѣхъ показался дикій лебедь—кликунъ, который высоко летѣлъ, направляясь къ океану, сопровождаемый тѣснымъ караваномъ своихъ собратьевъ; за нимъ, не прошло и дня, потянулись вереницы гусей, закрикали утки, пролетѣли журавли, и въ какую-нибудь недѣлю заперстрѣла водяная пустыня цѣлыми тучами новыхъ обитателей, а весенній воздухъ огласился разнообразными пѣснями. Но остякъ не чувствовалъ и не находилъ ни мелодіи въ этихъ пѣсняхъ пернатыхъ, ни прелестей въ роскошной веснѣ,—онъ только радовался добычѣ, которая его ждетъ; онъ весело гикалъ и весь сіялъ, когда раздавался порѣкъ плескъ большой рыбы. И только стала вода сбывать, только обнажились зазеленѣвшіе пригорки и показались рѣчные берега,—остяки нагрузили на рты или сани всѣмъ своимъ имуществомъ, положили на нарты берестяной чумъ, сѣти, невода; въ особыя—же нарты уложили семейнаго кумира или божка, одѣтаго въ остяцкій костюмъ съ разными тесьмами и украшеніями, и поволоклись черезъ жидкую, промокшую тундру, то на собакахъ, то на оленяхъ на новыя мѣста. Нѣкоторые расположились по притокамъ Оби, иные, и даже большая часть, по рѣ-

камь впадающимъ въ Обь; а вотъ и на самой Оби, на небольшомъ островѣ дымятся берестяные остяцкіе чумы, сушится на веревкахъ цѣлыми рядами рыба, остяки бредутъ съ неводами по отмели, небольшая кучка столпилась на берегу,—не видать ни женщинъ, ни ребятишекъ, и стоитъ между остяками пріѣхавшій къ нимъ Кастрень; рядомъ же русскій мелкій барышникъ и провожатый остякъ-христіанинъ. Барышникъ, видимо, явился обирать остяковъ. Онъ грозно смотритъ на нихъ, а добродушные остяки, понуря головы, молча окружили его и робко взглядываютъ своими подслѣповатыми глазами, то на него, то на Кастрена. Въ ихъ жалкихъ, изнуренныхъ фигурахъ, вовсе не признать тѣхъ сыновъ могучаго сѣвера, о которыхъ въ старину ходило въ русскомъ народѣ повѣрье, какъ о людоедахъ и великанахъ. Въ ихъ вялыхъ лицахъ и движеніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго признака отваги или смѣлости, и они, хотя и погружаютъ по обычаю новорожденнаго младенца въ снѣгъ, какъ бы посвящая его всѣмъ суровостямъ сердитаго сѣвера и закаляя съ ними на борьбу; но не вскормлены и не закалены они суровой природой, а скорѣй подавлены и забиты ею, какъ забиваетъ и не даетъ она жизни ни растенію, ни дереву. Вотъ они—большеголовые, маленькіе, на тонкихъ худыхъ ногахъ, стоятъ боязливо, какъ вкопанные, тихо говорятъ между собою, еще тише отвѣча-

ютъ на вопросы, и, точно прячась въ самихъ себя, съежились, сморщились, и глядятъ, какъ-бы выпрашивая у всѣхъ одну защиту и помилованіе.

— Много наловили рыбы?—спрашиваетъ ихъ Кастрень.

— Нѣтъ, мало,—едва внятно проговариваетъ старикъ-остякъ.

— Какъ же ты жену теперь сыну купишь,—замѣчаетъ барышникъ.

Остякъ кланяется, просить хлѣба, табаку, водки; говорить, что сынъ самъ достанетъ жену, что онъ увезетъ ее, и что у него у самого есть дочери, да никто не покупаетъ ихъ; и снова старикъ заключаетъ отвѣтъ свой поклонами и просьбой—хлѣба, табаку и водки.

— А ты увезъ себѣ жену, или купишь?—спрашиваетъ его Кастрень.

— Они всѣ воруютъ себѣ женъ, — ввернулъ свое слово барышникъ.

— Нѣтъ, бачька, я не крадь жены. Мнѣ отецъ по шестому году купилъ ее; съ тѣхъ поръ и живу съ нею.

— Она, вонъ, — говорилъ старикъ, указывая на закрытый чумъ и предлагая такимъ образомъ посѣтить его чумъ и убѣдиться въ его словахъ. Берестяной, низенькій, четырехугольный чумъ, съ высокой остроконечной крышею, сдѣланной изъ

ивовыхъ стволовъ, обшитыхъ съ помощью гибкихъ древесныхъ кореньевъ берестю, казался безплодентъ, и только клубящійся изъ закоптѣлаго отверстія дымъ, напомнилъ Кастрену вѣчный инородческій очагъ съ висящимъ надъ нимъ котелкомъ, съ собаками, съ голыми вокругъ ребятишками и съ вѣчной суетней вѣчныхъ работницъ-женщинъ, стряпающихъ и тутъ же шьющихъ и нянчающихъ. Ребятишки, какъ только отворилась дверь и вошелъ Кастрень, мигомъ побросались одинъ за другимъ, пролѣзая какъ бы въ щели, между спинами матерей и стѣнами чума, а женщины, взглянувъ, оторопѣвши, на Кастрена, притаились каждая на своемъ мѣстѣ и каждая за своей работой. Старуха варила въ котлѣ стерлядь, одна изъ женщинъ, по виду дѣвушка, зашивала пестрый суконный малахай, который остяки носятъ лѣтомъ, другая чинила сѣть, и наконецъ еще двѣ женщины, забравшись въ уголъ, ѣли съ жадностью мелкую трепещущую рыбку, и чавкали на весь чумъ, не обращая ни на кого вниманія. Посоливъ рыбку, они вкладывали ее хвостикомъ къ себѣ въ ротъ, и только забьется или дрогнетъ туловище во рту, какъ головка, отрѣзанная зубами, откакивала и рыбка хрустѣла въ зубахъ, а новая солилась и быстро заступала мѣсто проглоченной.

— На здоровье эта ѣда остяку и сибиряку, — говорилъ барышникъ и объяснялъ Кастрену, что

сырая рыба предохраняетъ сибиряка и остяка отъ разныхъ болѣзней и отъ скорбута.

Кастрень попробовалъ ее, но она показалась ему отвратительной и онъ просилъ сварить для него вкуснаго налима или какого-нибудь лососика. Старуха захлопотала по этому случаю пуще прежняго, а Кастрень, разглядывая обстановку остяцкаго чума, усѣлся подлѣ очага на берестяной постилкѣ. Обстановка чума была такая же, какъ и у самоѣдовъ: тѣ же стояли идольчики или хаге, по остяцки называемые лонгъ, также были вымазаны у нихъ губы и морды, только не оленьей кровью, какъ у самоѣдскихъ, а рыбьимъ жиромъ, тѣ же, затѣмъ, висѣли по стѣнамъ чума совики, или зимнія одежды изъ оленьей шкуры, зовущіяся у остяковъ гусемъ, та же торчала около совика малица, именуемая по остяцки паркой; и повсюду на всемъ этомъ лежала толстымъ слоемъ копотъ и нечистота, характеризующая остяка между инородцами больше, чѣмъ кого бы то ни было. У рыбаковъ-лапландцевъ было грязно, но рыбаковъ-остяковъ точно пропитанъ былъ грязью, а его чумъ, съ валявшимися повсюду внутренностями и головами рыбъ, походилъ на помойную яму. Въ одномъ мѣстѣ торчали какіе-то грязные лохмотья, въ другомъ рыбныя кишки, перемѣшанныя съ чешуей, тамъ виднѣлись кости; затхлая же и удушливая вонь отъ рыбы и дымъ отъ очага довершали все остальное. Скитаясь

давнымъ давно по инородческимъ чумамъ, Кастрень сидѣлъ теперь спокойно и въ этой чумной атмосферѣ и, вглядываясь во все окружающее, онъ посматривалъ только то на барышника, то на старика остяка. Старикъ, — старшина въ этомъ ко-чующемъ остяцкомъ родѣ, все еще вымогалъ или вымаливалъ у барышника, всѣми правдами и неправдами—хлѣба, табаку и водки. Другіе остяки также кланялись и тоже, вельдъ за старикомъ, издавали какіе-то молящіе звуки.

— Я тебѣ, бачька, — говорилъ старикъ, — и зимнюю всю рыбу отдамъ и на будущій годъ будетъ рыба твоя.

— Врешь, братъ, врешь... обманешь... — плутовато подстрекала старика на разныя выпрашивания и общанія барышникъ.

— Право, бачька, не обману... клянусь тебѣ лонгомъ (то-есть остяцкимъ идоломъ или божкомъ), все твое будетъ, никому не отдамъ... — и остякъ распинался клятвами и готовъ былъ поклясться самой страшной остяцкой клятвой надъ ноздрей медвѣдя, котораго чтутъ остяки какъ бога и, произнося клятву, говорятъ всегда: „пусть сожретъ меня медвѣдь, если я клянусь ложно“. Но барышникъ казался непоколебимымъ: онъ все еще помахивалъ головой, какъ будто не вѣря; потомъ, наконецъ, надумалъ новую придирку и сталъ говорить, обращаясь къ остякамъ, что рыбы у нихъ пока нѣтъ, что, стало быть, и отдать

то имъ не изъ чего будетъ, и что они никогда не расплатятся, такъ какъ по старому счету или забору они много должны.

— Расплатимся, бачька, право расплатимся,— опять распинался за всѣхъ тщедушный старикъ...—одинъ годъ... другой годъ... и расплатимся... Я, бачька, выглядѣлъ на одной рѣкѣ, недалеко отсюда, хорошее мѣсто... завтра же туда перейдемъ... тамъ много рыбы... хорошая рыба... все тебѣ будетъ... очень хорошая рыба... А сегодня, бачька, и птица будетъ... птицеловы со вчерашняго дня на тундру поѣхали... твоя будетъ...

Барышникъ осклабился, чувствуя новую прибыль; но еще разъ качнулъ головой и, не то соглашаясь надѣлать остяковъ хлѣбомъ, не то нѣтъ, отправился съ ними по кладовымъ. Кладовыя были устроены около каждаго чума на высокихъ столбахъ въ томъ же родѣ, какъ устроены они у лапландцевъ. Барышникъ, осматривая запасы, все охалъ и хулилъ рыбу, а начавши отбирать—распоряжался ею какъ своимъ собственнымъ добромъ, и мелкую рыбу — щуку, окунь, стерлядь и другую отбрасывалъ хозяевамъ; крупную же—осетра и лососину остяки откладывали для него.

— А что, не закинуть ли на счастье неводъ и сѣти,—проговорилъ барышникъ, обобравши всю рыбу и входя обратно въ чумъ.—Не объѣхать ли и верши, пока птицеловы вернутся; все равно къ завтраму съ этихъ мѣстъ надо ихъ снимать.

— Ну-ка,—крикнулъ онъ на остяковъ:—И, въ ожиданіи щедрости барышника, остяки заторопились, поволокли все, что было,—невода, сѣти, и отъ стараго до малаго принялись за работу.

— Не успѣть до ночи,—замѣтилъ Кастрень.

— Хлѣбъ остяку нуженъ, онъ неутомимъ,—день и ночь работаетъ,—отвѣчалъ барышникъ,—а вотъ, когда будутъ хлѣбъ и запасы, тогда его и съ мѣста не сдвинешь: онъ только и дѣло, что сидитъ поджавши ноги у чувала, глядитъ на огонекъ да жуетъ или курить табакъ, а не то поѣсть салыкъ, т. е. мучную похлебку, заправленную рыбимъ жиромъ, полакомится лепешками, испеченными въ золѣ, и спитъ затѣмъ, да бьетъ полѣномъ жену, приговаривая: „дѣлай хорошо то, да дѣлай другое“... Жена тогда все одна работаетъ... Онѣ у остяковъ хуже скота работаютъ,—говорилъ барышникъ, указывая на женщинъ.

— А, вотъ, поглядите, какъ теперь проворны то стали,—продолжалъ расходившійся сибирякъ, пробираясь за Кастреномъ изъ чума.

Остяки тащили въ это время со всѣхъ чумовъ свои незатѣйливыя рыбацкія снасти. Кастрень поглядѣлъ на снасти,—онѣ были тѣ же, что и у русскихъ, т. е. сѣти, невода и потомъ одна еще какая-то мѣшковидная сѣть, которую Кастрень видѣлъ въ первый разъ. Прикрѣпивъ эту сѣть къ лодкѣ и положивъ въ нее камень, остякъ, вы-

ѣхавъ на середину Оби, опустилъ сѣть на дно, и поѣхалъ внизъ по теченію. Приподымая по временамъ конецъ сѣти, остякъ узнавалъ попадалось-ли что, и, благодаря обилію рыбы въ Оби, она попадалась даже и въ такой снарядъ. Другіе остяки, кто съ сѣтью, кто съ неводомъ, въ двухъ или трехъ вѣткахъ проскользнули быстро черезъ Обь въ небольшіе рукава рѣки, гдѣ были разставлены верши; и замелькавшія тамъ и слѣтъ человѣческія фигуры вдругъ оживили предъ Кастреномъ ровный горизонтъ блестящей на солнцѣ пустыни. Крикъ и плескъ раздавались по всѣмъ направленіямъ. Барышникъ молча слѣдилъ за движеніемъ каждой вѣтки; его духъ виталъ уже въ этой пустынѣ, какъ коршунъ, надъ остяцкой добычею,—барышникъ жаждалъ осетра или лосося, и когда вытаскивали невода и сѣти, онъ нагибался и смотрѣлъ пристально на воду,—пѣшится и бурлитъ ли она отъ всплеска большой рыбы, или нѣтъ. И долго такимъ образомъ на берегу острова тихо стоялъ, выжидая добычи, барышникъ, а въ противоположной сторонѣ долго раздавались надъ ней вдали по Оби уханье и стоны работающих остяковъ. День же былъ на исходѣ, солнце близко стояло около горизонта; барышникъ поглядывалъ также и въ другую сторону, откуда, по указанію остяковъ, должны были явиться птицеловы; и вотъ затрещалъ въ одномъ мѣстѣ на Оби камышъ, показались изъ-за него

вѣтка, другая,—но это вернулись остяки со снятыми вершами. Къ нимъ навстрѣчу подѣхаль и остякъ съ мѣшковидной сѣтью, а тутъ подплыли и остальные рыболовы съ неводомъ и сѣтями; и барышникъ, отбирая на берегу крупную рыбу, думалъ теперь только о птицеловахъ. Онъ все еще мычалъ и хотя затаенно любовался однимъ крупнымъ осетрикомъ, но мыча приговаривалъ постоянно: „плоха... плоха нонѣ у васъ рыба... что-то еще птицеловы привезутъ...“

— Нѣтъ, бачька,—кратко возражали перемокшіе и уставшіе остяки,—сегодня твое счастье—рыба удалась хорошая... когда-бъ каждый разъ такая... Пожалуйста, бачька, дай хлѣба и водки... дай,—приставали остяки.

— А, вотъ, будетъ птица,—дамъ хлѣба... а не будетъ,—не дамъ,—стоялъ на своемъ прижимистый сибирякъ; и послѣ многихъ общаній со стороны остяковъ и снисходя къ просьбѣ Кастрена, онъ отправился, наконецъ, на свое судно, досталъ бытылку водки и сталъ всѣхъ подчивать. Остяки давились отъ счастья каждымъ глоткомъ, и одинъ, выпивши чашку, просилъ дать другую и для отца.

— Да, вѣдь, твой отецъ не живъ,—замѣтилъ барышникъ.

— Нѣтъ, бачька, онъ живъ... онъ прошлый годъ умеръ... онъ въ чумѣ лежитъ.

Въ чумѣ, дѣйствительно, на почетномъ мѣстѣ, стояло изображеніе умершаго остяка, которое одѣвали по утрамъ въ костюмъ покойнаго, раздѣвали и клали спать, затѣмъ кормили, т. е. ставили во время обѣда передъ нимъ пищу и, также какъ и самоѣды, остяки вѣрили и были убѣждены, что покойникъ живетъ еще по смерти въ могилѣ три года и всѣми вещами, которыя съ нимъ въ могилу положены, онъ пользуется также, какъ и при жизни.

Барышникъ сходилъ, посмотрѣлъ на изображеніе, но лишнюю чашку водки все таки не далъ. Кастрень угостилъ остяковъ своей водкой и остяки отблагодарили его прекрасными налимками и стерлядями. Они были весьма радушны и услужливы, предлагали Кастрену кто что могъ, и послѣ двухъ чарокъ сдѣлались разговорчивѣе. Не такъ ужъ боязливо и вяло отвѣчали они Кастрену на его распросы о рыбной ловлѣ; объясняли, что лучшую, крупную рыбу забираютъ у нихъ Обдорскіе, Березовскіе и Тобольскіе купцы или барышники, что мелкую они вялятъ и сушатъ себѣ на зиму, а нѣкоторую часть пускаютъ въ пруды и озера, выбирая ее оттуда для продажи уже осенью. Говорили, что ясакъ или подать въ казну они платятъ богатыми шкурками пушного звѣря, что у нихъ есть въ Обдорскѣ князь, а въ каждомъ родѣ старшины, которые собираютъ ясакъ; говорили, что прежде у нихъ было много

князей, а Екатерина II утвердила только двухъ князей, изъ которыхъ одинъ остался и живетъ теперь около Обдорска,—князь Матвѣй Ивановичъ Тайшанъ.

„Знатный князь,—толковали остяки, медаль золотая на шеѣ“...

— А рыба то, братцы,—возобновлялъ опять барышникъ разговоръ о рыбѣ,—рыбу то нонѣ сажать вамъ въ пруды и озера не придется...

— Да, бачька, правда твоя,—повторилъ за барышникомъ старикъ-остякъ, — рыбы мало... плохъ сталъ на Оби уловъ. Наши теперь все по притокамъ ловятъ да по другимъ рѣкамъ... тамъ она лучше ловится... завтра и мы туда уйдемъ... А вонъ и птицу везутъ,—проговорилъ старикъ, указывая на подъѣзжающихъ птицелововъ. Вѣтка, нагруженная до половины гусями и утками, подошла къ берегу.

— Сегодня,—говорилъ, охая и качая головой, птицеловъ-остякъ, — четыре раза забрасывали сѣти, а не пришлось собрать и двухъ десятковъ... вся птица улетѣла кормиться на другія мѣста... ягоды на тундрѣ и не видать, да и травы то нѣтъ...

— Чѣмъ же вы теперь расплачиваться будете,—страшаль барышникъ. Но забравши и птицу, онъ надѣлилъ остяковъ небольшимъ количествомъ хлѣба и водки, общая середь лѣта пріѣхать еще

разъ, и уже приказывалъ имъ завтра же перебираться на другія мѣста.

Надѣленные остяки просили еще,—кто табаку, кто горшковъ, остячки приставали за иголками, бусами, и старый пріятель-барышникъ, снабдивъ ихъ себѣ не въ убытокъ, пошелъ пировать съ ними въ ихъ чумы. Остяки, съ говоромъ и шумомъ, съ хлѣбомъ и водкой, засѣли, жажда салька или мучной похлебки, у очаговъ, а кучи живой трепещущей рыбы остались покинутыми и забытыми на берегу. Они золотились, залитыя яркими лучами заходящаго солнца. Кастрень, умащиваясь на ночлегъ въ своей лодкѣ, долго глядѣлъ на эти золотистыя кучи, за которыми горѣла тѣмъ же золотомъ Обь; а тамъ за ней искрились, точно раскаленные щиты, болота и озера самой тундры; и казалось, конца, не будетъ этому блеску и этимъ огненнымъ массамъ. Лучъ не гаснулъ,—онъ только медленно тускнѣлъ, покрываясь красноватымъ отливомъ, а въ природѣ было такъ тихо, такъ страшно тихо, что, несмотря на шумъ и говоръ, жужжавшій изъ остяцкихъ чумовъ, Кастрень чувствовалъ всю дикость, всю могильную пустоту окружавшей пустыни. Она воскресла вновь передъ его глазами со всѣми ея ужасами, она была, несмотря и на весну, такая же неприступная, мрачная, какъ и всегда; и Обь,—этотъ богъ остяцкій, котораго чтутъ остяки больше всѣхъ боговъ,—эта мать-кормилица, какъ

зоветь ее сибирякъ, казалась Кастрену, съ ея однообразными илистыми берегами, одной изъ безотраднѣйшихъ рѣкъ земного шара. Широкая, заросшая невысокими камышами и кое-гдѣ ракичникомъ, она катила тихо грязныя мутныя воды и наводила на человѣка тоску и уныніе. Ни звука, ни плеска не было слышно, и какой то неопредѣленный блѣсоватый сумракъ, которому трудно подыскать и названіе, висѣлъ надъ ней вмѣсто звѣздной ночи, вмѣсто яркаго дня. Это была ни бллая ночь, ни темный день; небо казалось не голубымъ, не синимъ, а какимъ то блѣсоватымъ, и только въ одномъ мѣстѣ на горизонтѣ оно окрасилось краснобагровымъ пятномъ. Тамъ, на этомъ мѣстѣ, зашло солнце. Но вотъ не прошло часу — мучительнаго, мертвящаго часу; не успѣло краснобагровое пятно померкнуть и потускнѣть, какъ снова посеребрился около него блѣдно-желтоватый небосклонъ, проглянулъ солнечный лучъ и утренній вѣтерокъ, прошуршавъ по камышамъ, нарушилъ легкій сонъ болотной птицы. Пронеслась вдали по Оби громкая пѣсня лебедя, закричали гдѣ то на болотѣ гуси, закрикала неистово на всѣ голоса подымавшаяся откуда то стая утокъ, а тутъ, встрѣчая солнечный восходъ, залилась звонкой пѣсней и маленькая зяблица. Но, спустя мгновеніе, снова затихло, замерло все вокругъ, и пустыня при яркомъ весеннемъ свѣтѣ дня была такъ же, какъ и прежде, дика и без-

жизненна и даже голосъ человѣка раздавался на ней какъ то печально и страшно. Онъ казался голосомъ погибающаго, голосомъ несчастнаго.

Кастренъ пробрался въ чумъ и разбудилъ своего вожака. За нимъ проснулись и остяки, поднялся барышникъ и закипѣло кочевье торопливыми сборами. Остяки быстро, неумоимо работали около каждаго чума, остяки же связывали попарно лодки, клали поперекъ на эти лодки доски, ставили затѣмъ на эти доски чумы, и не больше какъ черезъ часъ Кастренъ направился вверхъ по Оби, сопровождаемый этимъ страннымъ караваномъ переселяющагося кочевья.

Остяки провожали его разными привѣтствіями; но къ ночи Кастренъ былъ снова одинъ съ своимъ вожакомъ кормчимъ, и нигдѣ, ни откуда не доносился до него ни одинъ признакъ жизни. Кормчій рассказывалъ безконечныя исторіи о чудскихъ богатыряхъ, остяцкихъ и татарскихъ князьяхъ, о Ермакѣ и Кучумѣ; а Обь все тянулась тѣми же пустынными, необитаемыми берегами. И такъ прошелъ день, другой, прошла и недѣля; проскользнулъ разъ ночью остякъ на вѣткѣ, таща за собой другую вѣтку. На вопросъ кормчаго, — „что везешь?“ проѣхавши сажень, онъ отвѣтилъ едва внятно: — „мертвый былъ зимусь, — везу хоронить“. За этой же встрѣчей опять шли невыносимые, безрадостные часы и дни, и только голосъ кормчаго напоминалъ Кастрену о существѣ

человѣка. Кормчій рассказывалъ, то о разныхъ приключеніяхъ, бывшихъ съ нимъ на тундрѣ, то объ остякахъ, которые на его опытный взглядъ казались ему самымъ честнымъ и самымъ справедливымъ народомъ. Онъ говорилъ, что между остяками нѣтъ воровъ и они не знаютъ замковъ и запоровъ, говорилъ, что они помогаютъ другъ другу и не просятъ никогда милостыни, но что они бѣдны и ихъ притѣсняютъ русскіе...

И Кастрень выслушивалъ нѣсколько разъ одинъ и тотъ же рассказъ; спрашивалъ или затѣввалъ разговоръ объ одномъ и томъ же и самъ, чтобы занять какъ-нибудь время, а время шло все-таки медленно... однообразно... Пустыня была нѣма... и, глядя на ея безграничность, не разъ становилось на сердцѣ и жутко, и холодно. Показался однажды, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, барышническій амбаръ на Оби, въ которомъ хранятъ барышники или кунцы, скупаемую ими у остяковъ рыбу; попались потомъ зимняки, или зимнія остяцкія юрты, изъ которыхъ, завидѣвши Кастрена, остяки скрылись тотчасъ же и ушли куда то въ сосѣдній лѣсокъ. Кастрень вышелъ на берегъ, вошелъ въ юрту, которая хотя была и прочтѣе сложена, чѣмъ берестяной чумъ, но видъ ея былъ такой-же невзрачный и неутѣшительный. Это была небольшая низенькая землянка, въ углу ея стоялъ открытый закопѣлый глиняный очагъ; въ стѣнѣ видѣлось въ видѣ окна

отверстіе, затыкаемое зимою кускомъ льду, и одна стѣна, какъ мѣстопробываніе всего семейства, увѣшена была камышевыми циновками. Кастрень посидѣлъ въ юртѣ, подождалъ, думая—не придетъ ли кто изъ остяковъ, но остяки не являлись. Лодка Кастрена снова тихо двинулась впередъ, оставляя по Оби едва замѣтный слѣдъ. На Оби стали понемногу показываться кусты, деревья, берега повышались, и въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ Оби и отъ одного остяцкаго стана, войдя въ лѣсъ, Кастрень нашелъ подъ сѣнью густыхъ листовнищъ цѣлое общество остяцкихъ боговъ, около которыхъ по деревьямъ развѣшено было множество оленьихъ шкуръ и роговъ,—это была остяцкая кумирня. Далѣе Кастрень встрѣчалъ остяковъ уже христіанъ, носившихъ крестъ для виду и поклонявшихся своимъ идоламъ; встрѣчалъ цѣлыя деревни остяковъ осѣдлыхъ, живущихъ въ избахъ на подобіе русскихъ; и тутъ Кастрень видѣлъ остяка не обманываемаго и притѣняемаго, а научившагося обманывать, плутовать и живущаго заурядъ съ русскимъ.

Съ Оби Кастрень отправился еще на Енисей, и плыть по немъ внизъ по теченію на лодкѣ, которая тащилась собаками. Онъ ѣхалъ на дальшій сѣверъ къ Толстому носу; побывалъ на пути въ рыбацкомъ лагерѣ князя маленькаго самоѣдскаго народа—юраковъ; пробрался съ самоѣдами на Толстый носъ; но на обратномъ пути чуть не

замерзъ, и въ ревматизмахъ, окончательно простуженный, съ зубною болью, съ стрѣляніемъ въ ушахъ и обезсиленный настолько, что не могъ писать письма, онъ отправился, страдая грудью, на югъ Сибири. Вернувшись оттуда черезъ годъ въ Гельсингфорсъ, Кастренъ умеръ въ 1855 году.

Таймурская земля и сибирскіе самоѣды или самоѣдь.

(Путешествіе Мидендорфа и ловля песца).

осмотрите на карту или на глобусъ. Вы увидите въ Сибири, тамъ гдѣ впадаетъ Енисей и Лена, громадный клинъ земли далеко выдающейся въ Ледовитый океанъ. Это—Таймурская земля или Таймурія. Земля эта до того страшна и неприступна, что даже сибирскіе инородцы, которые свыклись со всѣми ужасами тундры, прикочевываютъ на два лѣтніе мѣсяца только къ окраинамъ ея; но въ середину, въ глубь этой пустыни не проникалъ, кромѣ звѣря, никто. Смѣлые мореплаватели хотѣли объѣхать ея берега; Овцынъ и Прончищевъ рѣшились на этотъ опасный подвигъ; но не доѣхали и до половины. Они видѣли начало Таймурской тундры, видѣли у береговъ бѣлыхъ медвѣдей, дикихъ оленей, на морѣ же китовъ и бѣлугъ, но затертые въ юнѣ

и полѣ льдами, они едва спаслись и съ большими усиліями вернулись обратно. Прончищевъ попла- тился за эту попытку жизнью: и, казалось-бы, что послѣ такого примѣра и послѣ тѣхъ ужасовъ, которые претерпѣли Овцынъ и Прончищевъ, едва ли вслѣдъ за ними найдется человѣкъ, который, внѣ всякихъ выгодъ и пріобрѣтеній, рискнулъ бы на этотъ шагъ; но такой явился,—это былъ Харитонъ Лаптевъ. Онъ отправился тѣмъ же морскимъ путемъ, и потерпѣлъ ту же неудачу, какъ и Прончищевъ. Едва, однако, оправившись отъ перенесенныхъ бѣдствій, онъ снова, на слѣдующій же годъ, возобновилъ свое путешествіе, и на этотъ второй разъ онъ чуть не погибъ. Выброшенный на берегъ и потерявъ судно, онъ провелъ страшный мѣсяцъ въ дикой пустынѣ и лишился отъ холода и голода большей части своихъ спутниковъ. Оставшіеся въ живыхъ на- грузили часть сохранныхъ запасовъ на сани, которыя везли голодные собаки, и тащась по льду и по снѣгу въ продолженіи 25 дней, они кое-какъ добрались до своей прежней зимней стоянки. Двѣнадцать человѣкъ умерло на пути отъ холода и истощенія, остальные же съ трудомъ возстановили свою окончательно изнемогшую силу и здоровье. Но неутомимый Харитонъ Лаптевъ не сробѣлъ и передъ этими испытаніями; и съ весной онъ снова пустился въ путь и на этотъ разъ не моремъ, а уже сухимъ путемъ, на са-

няхъ; онъ объѣхалъ Таймурскую землю и совершилъ такимъ образомъ одно изъ самыхъ опасныхъ путешествій, когда либо совершенныхъ человекомъ.

Въ наше время, спустя уже сто лѣтъ, обезсмертилъ свое имя такою же предприимчивостью ученый естествоиспытатель Мидендорфъ.

Въ 1843 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, при 30° морозѣ, Мидендорфъ, датскій ученый Брандтъ, одинъ топографъ и три туруханскихъ казака, оставили границу лѣсной области и по Енисейскому льду направились на сѣверъ. Зимніе морозы и выюги на тундрѣ были еще въ полной силѣ: и на первыхъ же порахъ, не успѣвъ Мидендорфъ достигнуть самоѣдской стоянки, какъ его спутники заболѣли корью. Корь свирѣпствовала повсемѣстно; она не щадила самыхъ отдаленныхъ юртъ; и Мидендорфъ, уложивъ больныхъ въ ящики, обшитые оленьими шкурами, перебирался, тихо подвигаясь впередъ, отъ одной инородческой стоянки къ другой, пока не заболѣлъ и самъ. Онъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія и, скоро выздоровѣвши, снова быстро собрался въ путь и сталъ разыскивать стоянку самоѣдскаго племени, которое заранѣе было выслано правительствомъ ему на помощь. Бродя отъ одного мѣста къ другому и далеко блуждая по сторонамъ, онъ насилу нашелъ эту самоѣдскую стоянку; но совершенно вѣдъ назначеннаго мѣста и вѣдъ всякой возможности быть

полезной ему чѣмъ бы то ни было. Онъ еще и самъ долженъ былъ помогать самоѣдамъ и служить имъ въ качествѣ врача: изъ 35 человекъ семь умерло; всѣ же остальные, за исключеніемъ одного, были больны. Кромѣ больныхъ корью, съ однимъ изъ самоѣдовъ сдѣлался припадокъ весьма странной болѣзни, встрѣчаемой только между сибирскими самоѣдами, живущими на дальнемъ сѣверѣ и испытывающими болѣе всѣхъ отсутствіе тепла и солнца. Самоѣдъ, какъ замѣтилъ Мидендорфъ, передъ припадкомъ этой болѣзни, которая состоитъ въ непреодолимой алчности къ насыщенію себя человѣческимъ мясомъ и кровью, сталъ сперва дѣлаться мрачнымъ, молчаливымъ, страннымъ и какъ бы нечувствительнымъ: дикіе глаза его сверкали и, долго чего то ища, пристально останавливались на одномъ и томъ же предметѣ, потомъ задумчивость перешла въ безпамятство и вслѣдъ за этимъ послѣдовало замѣшательство, при которомъ съ необыкновеннымъ звѣрствомъ онъ бросился на людей и сталъ ихъ грызть. Два казака и Мидендорфъ насилу его связали и отвели въ одѣльный чумъ. Болѣзнь эта, по замѣчанію многихъ, есть не болѣе какъ результатъ безвыходно-мрачнаго состоянія духа. Скучная жизнь, мрачная природа сдѣлали и самый типъ сибирскаго самоѣда весьма серьезнымъ, суровымъ; на видъ онъ кажется какимъ-то недоуаннымъ, дикимъ; узенькіе глаза самоѣда строго

глядятъ изъ подъ широкихъ вѣкъ и нависнаго лба; безбородый, скуластый, съ клоками прямыхъ щетинистыхъ волосъ на головѣ, онъ походитъ въ инныя минуты на звѣря; но въ сущности этотъ ужасный типъ, спеленатый сѣверными полярными выюгами и бурями, такъ же кротокъ и тихъ, какъ и другой его собратъ Остякъ, и въ иныхъ случаяхъ онъ даже нѣжнѣе и человѣчнѣе его. Сибирскій самоѣдъ дѣтей своихъ осыпаетъ постоянно поцѣлуями, съ женой весьма ласковъ и каждому гостя, въ знакъ пріязни, встрѣчаетъ всегда цѣлованіемъ въ обѣ щеки. Онъ рослѣе и статнѣе остяка, одѣвается въ оленью шкуру довольно чисто и тепло; во всемъ же остальномъ, — по вѣрѣ и обычаямъ похожъ на нашихъ мезенскихъ самоѣдовъ, и также вполне вѣритъ, что медвѣдь вовсе не звѣрь и что подъ его косматой одеждой скрывается человѣческій образъ, одаренный свыше божественной силой и мудростью. Самоѣдъ поэтому вспоминаетъ всегда о медвѣдѣ съ благоговѣніемъ, называетъ его не иначе какъ „прекрасное животное“, „мохнатый старикъ“, „отецъ шубъ“, а если когда на охотѣ и привѣтствуетъ его пулей или стрѣлой, то, наговаривая ему при этомъ множество различнаго рода комплиментовъ, вполне увѣренъ, что медвѣдь не можетъ въ такомъ случаѣ разсердиться ни на его стрѣлу, ни на пулю. Жизнь свою сибирскій самоѣдъ также влачить, какъ и мезен-

скій, перекочевывая за своими оленьими стадами съ мѣста на мѣсто, и также существуетъ то оленемъ, то охотою на разнаго пушнаго звѣря и преимущественно на песца. Песецъ, по туземному выговору п е с ц ѣ, какъ-бы выродившаяся собака, съ синоватымъ густымъ голосомъ, похожъ на лисицу. Онъ доставляетъ самоѣду самую обильную ловлю, и вслѣдствіе этого самоѣдъ придумалъ для него разныя загороды, силки, капканы, западни, кулемки, а зачастую охотится на него и съ ружьемъ. Мидендорфъ, отправившись разъ съ самоѣдомъ на охоту, замѣтилъ песца у одного нѣскольکو оттаявшаго озера. Песецъ, интересно вытащивъ на ланкѣ изъ воды рыбу, бѣжалъ къ своей норѣ, замѣтая пушистымъ хвостомъ свой слѣдъ. Бѣлая, серебристая шерсть сверкала на солнышкѣ и рѣзко отличалась отъ окрестнаго снѣга. Повертывая по временамъ головкой и обшухивая окрестный воздухъ, онъ настораживалъ свои круглыя уши, и, видимо, струя воздуха донесла уже до чуткаго его носа незнакомый, враждебный запахъ человѣка. Почуявши этотъ запахъ, онъ припалъ сперва къ снѣгу, какъ-бы желая скрыть свое присутствіе, но, видя близость охотниковъ, рѣшился бѣжать, а затѣмъ опять припалъ, и зорко вглядываясь своими черными глазками въ своихъ враговъ, онъ напрягъ все свое вниманіе, слѣдя за ихъ движеніями. Но охотники были уже на разстояніи ружейнаго

выстрѣла и только что растерявшійся звѣрекъ задумалъ уходить, какъ, запримѣтивъ ружейное дуло и не находя въ побѣгѣ никакого спасенія, мгновенно прикурнулъ окончательно головкой въ самый снѣгъ, закрылъ мордочку тщательно своими лапками, и такъ и замеръ, точно желая слиться въ одно съ окружающимъ снѣгомъ. Вѣрно пущенная пуля попала однако прямо ему въ голову и звѣрекъ, подкинутый на воздухъ, завертѣлся въ послѣднихъ предсмертныхъ судорогахъ. Онъ, обгаренный весь теплою красною кровью, растянулся и распустилъ свой хвостъ на томъ же самомъ снѣгу, въ который и прятался. Бѣлая, красивая его шкурка напоминала Мидендорфу родину песка — полярныя льды, откуда бѣжить песецъ по тундрѣ, гоняясь за разной мышью и отыскивая рыбу; напомнила другого также полярнаго звѣря—бѣлаго медвѣдя и, наконецъ, собственный трудный путь въ эти страны, гдѣ ждетъ его одна, быть можетъ, гибель и смерть. Онъ не опасался ни голода, ни разныхъ изнуреній и лишеній; ему не разъ приходилось, подкарауливая болотную дичь, пролеживать по цѣлымъ ночамъ и суткамъ въ лапландскихъ болотахъ; онъ зналъ, что, какъ пѣшеходу, ему не трудно было утомить самаго крѣпкаго моржебойца; собственными руками онъ могъ построить лодку, умѣлъ ею управлять, и, будучи превосходнымъ стрѣлкомъ, вполне надѣялся, что не

уйдетъ отъ его пули никакая дичь, подступившая на извѣстное разстояніе. Но его могла погубить въ пустынь какая-нибудь сѣверная болѣзнь, а онъ испытывалъ уже болѣзнь и не одну.

„Разъ, пишетъ Мидендорфъ, мы лежали, полужарытые въ снѣгу, у рѣки Новой подъ 72° сѣверной широты и поджидали самоѣдовъ. Между тѣмъ я въ подзорную трубу замѣтилъ холмъ, отдаленіе котораго отъ насъ топографъ полагалъ верстъ на 30. Я подвязалъ лыжи, сбросилъ шубу, надѣлъ татарскую рубаху сверхъ бѣлья, повѣсилъ двухствольное ружье черезъ плечо и, захвативши нѣсколько инструментовъ, пустился съ казакомъ въ путь. Шли, шли; видимъ, и холмъ тоже идетъ. Это показалось намъ страннымъ. Наконецъ мы пришли на то мѣсто, гдѣ видѣли холмъ, но теперь увидѣли только мерцанье въ своихъ глазахъ: на насъ напала снѣжная слѣпота. Сверхъ того вѣтеръ перемѣнился, и снѣжная пыль, попеременно съ магически-волнующимся туманомъ сѣвера, покрыла равнину. Чтобы воротиться домой, намъ осталось одно средство: опредѣлить направленіе компасомъ. Во все время однакожь мы замѣчали, что послѣдній холмъ былъ нашимъ спутникомъ. Слепота не убывала, а туманъ прибывалъ. Однакожь, я вынулъ подзорную трубу и глядь—подъ самымъ носомъ у насъ пляшутъ наши шалашъ и сани. Около часу шли мы прямо на нихъ. Туманъ разсѣялся и шалаша какъ

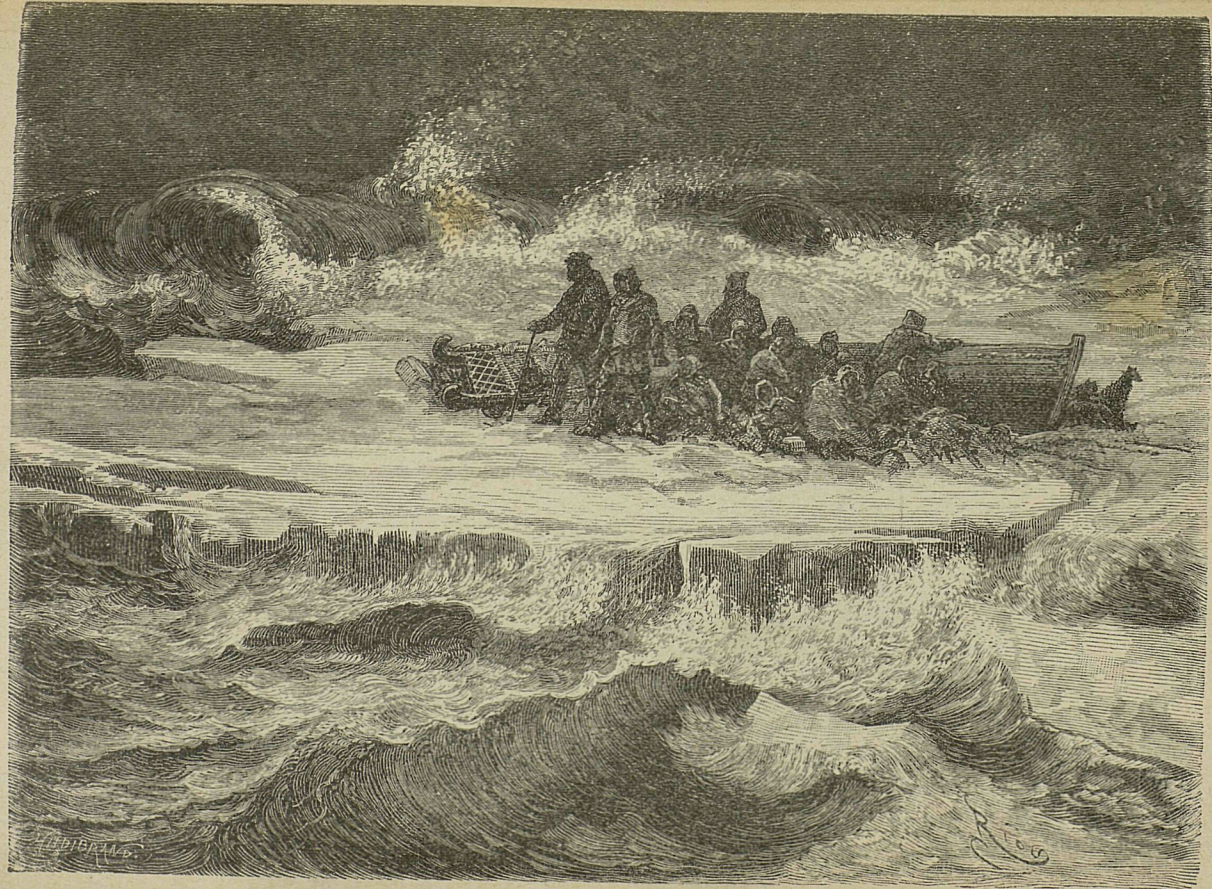
не бывало! Что дѣлать? Наконецъ, ничего не стало видно: мы совершенно ослѣпли. Кругомъ густой туманъ. Силы наши истощились, мы легли, дьявольски мерзли и утѣшались бесѣдою о томъ, какъ мучительно замерзнуть до смерти. „Шалашъ“,—вдругъ вскричалъ мой казакъ, посмотрѣвши въ подзорную трубу. Въ самомъ дѣлѣ я увидѣлъ шалашъ, однакожъ мелькающій и пляшущій, притомъ вдвое больше настоящаго. Мы пустились со всѣхъ ногъ. Пробѣжали дальше, нежели зрѣніе въ трубу можетъ хватать при такомъ туманѣ. Туманъ опять разсѣялся и передъ нами опять ничего не стало. Тутъ я догадался въ чемъ дѣло, и вспомнилъ нѣкоторыя приключенія путешествовавшихъ по сѣвернымъ морямъ. Я съ точностію взялъ направленіе по компасу; мы сдѣлали еще версть десять и нашли шалашъ“.

Туманы, о которыхъ говоритъ Мидендорфъ,—въ продолженіи всего мая мѣсяца и всего пути до рѣки Таймура, окружали его постоянно. Снѣжные, густые они наполняли ежедневно мутную атмосферу; и незаходившее солнце вечеромъ и ночью имѣло видъ и форму пламени огромной лампы, выходящей изъ земли и свѣтящейся въ паровой банѣ. Солнечные лучи были также ежедневнымъ явленіемъ. Они поднимались вертикально вверхъ, играли радужными цвѣтами и въ срединѣ расширялись въ побочныя солнца. Въ іюнѣ эти снѣговые туманы переходили въ паровые и

падали на землю въ видѣ дождевой пыли. Мидендорфъ былъ уже въ это время на рѣкѣ Таймурѣ, построилъ самъ лодку; но рѣка все еще на вскрывалась и сильныя бури сметали только снѣгъ съ вершинъ холмовъ. Впрочемъ, на солнечной сторонѣ ноги вязли въ распутившейся глинтѣ, а ручьи шумѣли кругомъ. 30 іюня рѣка однако вскрывалась, а 7 іюля Мидендорфъ направился по ней въ Ледовитый океанъ. Весны точно не было, а сразу наступило лѣто или, вѣрнѣе сказать, не лѣто, а какая-то борьба между тепломъ и холодомъ. Борьба эта продолжалась почти постоянно въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, и таймурская тундра представляла сухую возвышенность, покрытую лишаями и травой. На склонахъ и на обвалахъ у рѣки и озеръ растительность развивалась невѣроятно быстро и кто хотѣлъ бы, по выраженію Мидендорфа, видѣть, какъ растетъ трава, тотъ долженъ ѣхать на Таймуръ. Только что раскрывшійся цвѣтокъ, какъ будто предчувствуя близость осени, отцвѣталъ на другой же день. 30 іюня зелень на Таймурѣ была едва замѣтна, а 3 іюля цвѣли различныя виды растений и они быстро шли одни за другими. Мидендорфъ ловилъ уже и бабочекъ; но несмотря на это, не достигнувши и моря, путешественники чувствовали не разъ болѣзни, недуги, недостаточность пищи и въ страшныхъ трудахъ совершенно истощили всѣ свои силы. Лодка шла на всѣхъ парусахъ и,

когда она врѣзывалась въ постоянно встрѣчающіяся отмели, людямъ приходилось входить, при вѣтряной погодѣ, въ холодную воду, и переходить на берегъ по тянущимся илистымъ косамъ. Уже два мѣсяца путешественники не знали палатки, и проводили ночи, развѣшивая защиту на веслахъ и шестахъ. Къ тому же рыбная ловля стала скудна, и вмѣсто заготовленія новыхъ запасовъ, приходилось тратить прежде заготовленные, а море со всѣми ужасами было еще впереди, крайнія лишенія и бѣдствія грозили еще худшимъ; но путешественники мужественно подвигались впередъ и 24 августа они достигли моря и плыли по немъ до 76° сѣверной широты. Тутъ же, къ концу августа, зима стала приближаться чрезвычайно быстро,—сѣверныя и южныя теченія воздуха, какъ два борющихся великана, подымали страшныя, невообразимыя бури одна за другой, и надо было торопиться обратнымъ путемъ. Этотъ обратный путь разразился надъ Мидендорфомъ всѣми свирѣпостями Таймурской земли. День и ночь шли попеременно то снѣгъ, то крупа; холодъ, сырость и голодъ, мучили до изнеможенія, а буря то разбивала лодку объ утесъ, то обдавала ее волной и покрывала всю льдомъ и сосульками, то превращала, наконецъ, промокшее платье путешественниковъ въ обледенѣлую кору; а рыболовная сѣть и двухствольное ружье доставляли припасовъ все менѣе и менѣе. 8 сентября Миден-

дорфъ, охотившійся по высотамъ за куропатками, увидѣлъ въ трубу серебристую полосу,—это таймурское озеро покрывалось уже льдомъ. Путешественникамъ, которые плыли по немъ, приходилось спѣшить, пока ледъ не преградить пути; но наступило совершенное безвѣтріе, и Мидендорфъ съ изумленіемъ увидѣлъ, какъ только что пройденное лодкой пространство заволакивалось тонкимъ сплошнымъ слоемъ льда. Грозила очевидная опасность замерзнуть среди озера, и, повернувъ по этому лодку къ берегу, путешественники стали сначала пробиваться черезъ свѣжій тонкій слой льда, потомъ прорубили и болѣе старый ледъ; и оставалось уже до берега нѣсколько сажень, какъ ледъ зашумѣлъ, задвигался, сжалъ лодку, точно въ тиски, и раздробилъ ее окончательно. Съ нею погибли и сѣти, и многое другое, и единственная надежда путешественниковъ на спасеніе заключалась въ ихъ скорой встрѣчѣ съ кочующими на рѣкѣ самоѣдами. Путешественники сработавши поэтому на скоро салазки, отправились въ путь; но погода стояла ужасная, острия окраины льда какъ бы строгали сани и не болѣе какъ черезъ 3 версты сани сломались; бессонница же, голодъ и тревога истощили послѣднія силы Мидендорфа и 11 сентября онъ уже почувствовалъ положительную невозможность продолжать путь. Рыболовныя сѣти погибли, болѣзнь Мидендорфа лишила путешественниковъ послѣдняго источника

добывать пищу, и они, наконецъ, пришли къ убѣжденію, что какъ Мидендорфа, такъ и ихъ единственное спасеніе—въ бѣгствѣ и въ встрѣчѣ съ кочующими самоѣдами. Мидендорфъ не могъ двигаться: онъ долженъ былъ устроиться въ пустынѣ и найти мѣсто, защищенное отъ вѣтра. И, вотъ, путешественники раздѣлили припасы, въ видѣ остатковъ крѣпкаго бульона, на пять равныхъ частей, голодную собаку Мидендорфа, дрессированную для зоологическихъ цѣлей и составлявшую ходячій запасъ мяса, прирѣзали; затѣмъ сообща съѣли костяной наваръ, и раздѣливъ опять мясо на равныя части, съ узелками платья на спинѣ отправились въ путь. Большой предводитель ихъ остался такимъ образомъ совершенно одинъ въ дикой и холодной пустынѣ близъ 75° сѣверной широты. Вскорѣ послѣ отхода спутниковъ, все озеро покрылось льдомъ, улетѣлъ на югъ и подорожникъ, распѣвавшій доселѣ свои пѣсенки, а поднявшаяся пурга занесла снѣгомъ и убѣжище больного Мидендорфа. Силы его окончательно разрушились: въ теченіе трехъ дней онъ уже не могъ подняться съ мѣста, чтобы достать себѣ воды; въ безсонныя ночи уродливая фантазія разыгрывалась въ страшныхъ, ужасающихъ образахъ, онъ думалъ, что сходить съ ума; тягостное чувство, сдавившее его грудь, дѣлалось невыносимымъ; но вдругъ промелькнула спасительная мысль. Мидендорфъ зажегъ кое-какъ

остатки дровъ, разстаявъ на огнѣ нѣсколько снѣгу, влил въ него изъ естественно-историческихъ препаратовъ спиртъ и, успокоившись этимъ напѣткомъ, заснулъ крѣпкимъ сномъ и проснулся затѣмъ съ возобновленными силами. Такимъ образомъ онъ провелъ восемнадцать дней среди опасности умереть съ голоду или замерзнуть; но съ возстановленіемъ здоровья возобновился и аппетитъ. Мидендорфъ съѣлъ кожаная вещи, посуду изъ бересты и дерева; попалась какъ-то случайно куропатка, и, подкрѣвленный этою пищею, хотя еще слабый, онъ рѣшился отправиться на поиски припасовъ, которыя были зарыты въ землю, когда они шли на Таймуръ. Уложивъ въ маленькія сачки платье, ружье, порохъ, дробь и записную книжку, онъ покинулъ свое убѣжище, и вполчасъ медленно, шагъ за шагомъ, и часто отдыхая, онъ смотрѣлъ безнадежно вдаль, думая, что спутники его вѣроятно погибли; но, вдругъ, къ полудню, на одномъ изъ склоновъ горъ, показались передъ нимъ три точки. Эти точки двигались и приближались. То былъ Тойчунъ, самоѣдскій старшина, которому Мидендорфъ помогать въ кори, потомъ одинъ изъ спутниковъ и трое саней.

На четвертый день послѣ этого счастія передъ Мидендорфомъ зачернѣлась на горизонтѣ, точно ярмарка, самоѣдская стоянка, съ ея безчисленными высокими санями и оленями. Встрѣтивъ съ цѣлованіемъ Мидендорфа, съ цѣлованіемъ же

самоѣды проводили его и въ обратный путь на югъ. Всѣ путешественники страдали разнаго рода ревматизмами, у всѣхъ онѣмѣли и потеряли всякое осязаніе оконечности на рукахъ и ногахъ, а у топографа пошла болѣзнь дальше и пальцы на ногахъ покрылись пузырями, какъ отъ обжога. Вскорѣ за Мидендорфомъ снялись, какъ перелетныя птицы, всѣмъ своимъ дикимъ кочевьемъ и самоѣды; и осталась страшная таймурская пустыня, какъ была, недоступная и грозящая чело-вѣку одними бедствіями и смертью.

ЮКАГИРЫ.

(Лѣто на тундрѣ и охота на оленя).

БЫла весна. На Анюѣ, притокѣ рѣки Колымы, въ маленькомъ кочевьѣ небольшого народца юкагировъ свирѣпствовалъ голодъ. Ни въ одной юртѣ, ни въ одной семьѣ не осталось отъ зимнихъ запасовъ ни куска оленины; а сонливый юкагирь, ворочавшійся доселѣ съ боку на бокъ у своего очага и взвалившій всю работу на жену, рыскалъ теперь день и ночь по тундрѣ, высматривая оленя. Несчастный юкагирь возлагалъ на него всѣ свои надежды. Въ оленѣ было все его спасеніе; и, казалось, давно уже наступила пора для весенняго хода этого животного, когда оно, заѣдаемое въ лѣсу комарами и мошками, бѣжитъ громадными стадами мимо юкагирскихъ кочевьевъ на обильную лишаями тундру, къ прохладнымъ морскимъ берегамъ. Въ прежніе годы въ это время юкагиры наслаждались уже спокойно его свѣжимъ мясомъ, си-

дѣли на берегу рѣки и распѣвали счастливо свои импровизированныя пѣсни; но теперь былъ годъ иной. Бѣдный юкагирь не разъ переплывалъ Анюй, всматривался своими узенькими глазами въ туманную, сѣроватую даль; не разъ оглядывалъ свои стрѣлы и ножъ; но олень все еще нигдѣ не показывался, повсюду ходили одни и тѣже слухи, что его нигдѣ не видать и повсюду, по всѣмъ берегамъ Анюя, голодный юкагирь, а также тунгусъ и якутъ бродили отъ холма къ холму и ждали оленя съ часу на часъ. У юкагировъ истреблялись уже для пищи домашніе олени, было съѣдено все, что возможно, приходилось приниматься, наконецъ, и за послѣдняго друга—собаку; но, вотъ, какъ-то на зарѣ, вдали за Анюемъ, слышался легкій стукъ отъ бѣгущаго стада. Кочевье встревожилось: повыходили на берегъ женщины и дѣти, переплыли Анюй вооружившіеся юкагиры, и, прячась въ засаду за камнями и холмами, на своихъ маленькихъ, легкихъ лодкахъ, они уже лихорадочно жаждали смертельного боя; уже на горизонтѣ на всѣхъ высотахъ показался движущійся лѣсъ оленьихъ роговъ, и олени шли подъ предводительствомъ опытнаго сильного самца прямо на Анюй. Казалось, что не миновать имъ сдѣланной засады, и они подходили уже къ ней весьма близко; но опытный самецъ точно по воздуху отгадалъ стерегущую его гибель, онъ остановился, поглядѣлъ, постоялъ, будто о чемъ

то подумалъ, и неожиданно, круто взявъ въ сторону, скрылся со всѣмъ стадомъ, на глазахъ юкагировъ, за ближайшія горы. Смятеніе и ужасъ объяли все кочевье: безвыходность и голодъ грозили теперь юкагирамъ неминуемой смертью и юрты огласились отчаяннымъ крикомъ и стономъ. Женщины падали, бились о землю и рвали на себѣ волосы, дѣти кричали и плакали, мужчины же подымали безнадежно руки кверху и, точно молясь, издавали какой то вой, и только онѣмѣвшіе старики смотрѣли тихо, со слезами на глазахъ, на тѣ горы, куда ушли олени стада. Могила заживо лежала у ногъ юкагира; но голодный человѣкъ забываетъ и лѣнь, и всякую опасность, онъ дѣлается предприимчивѣе и лукавѣе всякаго животнаго въ мірѣ и находитъ пищу, поддерживая свое существованіе, самымъ удивительнымъ образомъ. Онъ и ѣсть не ѣсть, и питается, то травами, то деревьями, и открываетъ такіе источники, про которыя трудно и вообразить себѣ. Впрочемъ, передъ юкагирами была рѣка, стало-быть и рыба, наступило лѣто и темнѣвшая тундра наливалась кое-гдѣ морошкой и другими ягодами; а по болотамъ кричали гуси, утки, и голодному юкагиру можно еще было перебиваться кое-чѣмъ со дня на день. Нѣкоторые однако, совершенно истощенные и обезсиленные, умерли, а остальные дѣятельно хлопотали, бродя по тундрѣ, по рѣкѣ и добывали кто что могъ. Мужчины прино-

сили иногда немного рыбы, иногда дичи, а женщины собирали ягоды, травы и разѣискивали весьма искусно въ норахъ, вырытыхъ особою порою мышей (мышью—экономомъ) какіе-то мучнистые коренья, изъ которыхъ варили зачастую довольно сытную похлебку. Такъ голодъ, благодаря лѣту, былъ утоленъ; юкагирь, напѣвая заунывную импровизированную пѣсню, полеживалъ опять подъ вечеръ на берегахъ Анюя и вспоминалъ съ своимъ товарищемъ о могущественныхъ предкахъ. Омаки, предки его, были народъ сильный, какъ онъ говорилъ, вели сто лѣтъ тому назадъ войны съ сосѣднимъ храбрымъ народомъ чукчами и частью пали на войнѣ, а частью поморила ихъ страшная болѣзнь—оспа, отъ которой и разсѣялись они, то между тунгусами и русскими, то удалились, какъ передаютъ старики, на острова Ледовитаго океана. Онъ воспѣвалъ своихъ предковъ, а новая бѣда висѣла надъ нимъ. Жаркіе дни лѣта вступили въ полную силу и міріады комаровъ, оводовъ и мошекъ, которыхъ справедливо причислялъ Кастрень къ семи египетскимъ казнямъ, кишили цѣлыми тучами. Дымъ окуры, или большія кучи сваленнаго мха, листа и сыраго лѣса, дымились, зажигаемые около пастбищъ и человѣческихъ жилищъ; дымъ отгонялъ докучливую мошку, но олень, заѣдаемый ею, бѣжалъ, спасаясь, въ воду. Сушая же бѣда была на самой тундрѣ. Тутъ, только-что зазеленѣвшій листъ на

тальникѣ пожелтѣлъ и засохъ, ягоды пропали, птица, ища корму, снялась съ болотъ и улетѣла на другія мѣста, олень также потянулъ въ сторону, вдоль береговъ Анюя, и тундра въ продолженіе этихъ немногихъ лѣтнихъ дней, подъ палящими лучами солнца, засохла, мѣстами сдѣлалась черная, мѣстами сѣрая, красная и точно только подготовлялась къ зимнему мраку и выюгамъ. Туманы съ густыми болотными испареніями висѣли надъ ней удушливымъ слоемъ и ни шестеста, ни звука не слышать было въ этой замерзшей пустынѣ. Въ нѣсколько дней погибла только-что явившаяся жизнь; въ нѣсколько дней лишень былъ бѣдняга юкагирь своего жалкаго временнаго спасенія,—и, тащась или перекочевывая теперь за оленемъ, онъ уже ѣлъ черезъ три дня на четвертый и жилъ весь въ будущемъ, всѣ помышленія его ограничивались слѣдующей засадой,—вторымъ или осеннимъ ходомъ дикаго оленя. Отъ этого второго хода зависѣла вся пища на долгую зиму и все его существованіе. Второй же оленій ходъ, отъ холодныхъ береговъ Ледовитаго океана опять обратно въ лѣса, долженъ былъ наступить весьма скоро. Рѣзкій сѣверный вѣтеръ нагонялъ уже и дожди и бури, дни замѣтно стали убывать, и вотъ, въ одинъ случайно явившійся солнечный день раздался по кочевью крикъ: „олени, олени идутъ“.

Застучали стрѣлы и луки, побѣжали юкагиры.

кто въ чемъ былъ, прямо на лодки и тихо, но быстро помчались по Аною на то мѣсто, которое должны были переплывать олени. Одинъ берегъ былъ немного крутъ, но сухъ, съ камнями и маленькими заливами, на другомъ была песчаная плоская отмель, удобная для выхода оленя изъ воды и переправа оленя на этомъ мѣстѣ казалась несомнѣнной. Подобной переправы на далекомъ протяженіи Аноя нигдѣ не существовало. Юкагиры спрятались подъ вѣтромъ въ заливы, за каменья, и кусты, нѣкоторые изъ нихъ подымались, выглядывали смотрѣть, „бѣгутъ ли олени“, — и олени, точно туча, ровной, сплошной массой неслись черезъ холмы и долины, какъ разъ на ждущую ихъ засаду. Это небольшое животное, съ толстымъ неуклюжимъ туловищемъ, на короткихъ ногахъ, съ такой же вытянутой совершенно впередъ шеею, бѣжало весьма плавно и граціозно легкой иноходью, и передній сильный во́жакъ, украшенный подъ шеей длиннымъ волосомъ вродѣ бороды, стучалъ вмѣстѣ съ шумящимъ стадомъ довольно звонко по замерзшей землѣ. Иные олени, бѣлые, какъ и всѣ животныя арктическаго полюса, которыхъ защищаетъ природа этимъ цвѣтомъ отъ жестокихъ холодовъ, иные же какъ и лѣтомъ, все еще бурые, показались на бѣгу своими вѣтвистыми лапчатыми рогами; и этотъ вождѣленный стукъ уже близко раздавался надъ ухомъ юкагира. Юкагиръ прилегъ, притаил-

ся, смотрѣлъ изъ-за своего камня и куста во всѣ глаза, слушалъ, затаивъ совершенно дыханіе, и потрогивалъ иногда свои весла и ножъ. Все было на готовѣ, все чувствовало приближеніе и роковой часъ. И вотъ раздался на берегу топотъ, затѣмъ храпъ и сопѣнье уставшаго стада, потомъ, спустя минутъ пять, разнесся нѣкоторый плескъ, — это вожакъ попробовалъ переходъ; опять черезъ нѣкоторое время плескъ и потомъ еще и еще, и зашумѣли и покрылись воды Анюя безчисленнымъ количествомъ несчастныхъ головъ. Въ одно мгновеніе вылетѣли юкагиры на своихъ маленькихъ, легкихъ лодкахъ прямо на встрѣчу имъ, въ одно мгновеніе засверкали надъ головами ножи и стрѣлы и началась схватка, кровожаднѣй которой нѣтъ и названія. Съ быстротою молніи стучали ножи по черепамъ и ребрамъ, съ гикомъ и крикомъ бросался юкагирь отъ одного оленя къ другому; олени защищались рогами, зубами и задними ногами, самки старались передними ногами прыгнуть на край лодки; одна лодка опрокинулась, и юкагирь тонулъ; но ухватясь за сильнаго оленя, онъ вдругъ пронесся съ нимъ на берегъ, положивъ его однимъ взмахомъ на берегу, и снова былъ на водѣ, и снова блисталъ его ножъ направо, налево. Бой продолжался, не смолкалъ. Иной охотникъ ложилъ шестой, седьмой десятокъ, другой переходилъ и за сотню, и волны Анюя, пѣнясь, окрасились въ темно-красный цвѣтъ

Н. Никольский

и кровь струилась у береговъ. Убитыхъ возили юкагиры на особыхъ челнокахъ и связывали ихъ ремнями, раненые приплывали къ берегамъ и дѣлались добычею стрѣлковъ; и на волнахъ, и на берегу кипѣла адская рѣзня: и стукъ роговъ, и крикъ охотниковъ и смертный храпъ оленей, все за одно сливалось въ какой то хаосъ и далеко шель гулъ и стонъ по всей пустынѣ.

Въ кочевьѣ была возня, суматоха; женщины и діти бѣжали изъ него смотрѣть на бой; голодные собаки летѣли стремглавъ лизать дымящуюся кровь; и всѣ радостно трепетали при видѣ этого давножданнаго зрѣлища и у всѣхъ было одно чувство—жажда мяса и крови. Юкагиръ насчитывалъ на свой чумъ, на свою семью по сто, по полтораста штукъ, которыхъ онъ убилъ въ какихъ нибудь полчаса, и, наѣвшись послѣ боя вплотную, онъ завалился теперь, наконецъ, на богатырскій, долгій сонъ, а жена принялась за уборку и стала одна работать съ утра до ночи. Тутъ, вскорѣ послѣ добычи, очутился у юкагира и табакъ, показалась и бутылка винца; и, развеселясь, пиликалъ онъ на самодѣльной скрипичѣ, охотно таскаясь всю зиму отъ сосѣда къ сосѣду. Онъ, насытившись, не замѣчалъ и красной лисицы (огневки), бѣгающей около самой его юрты, его не заботило ничто; и только жена брала каждый день сохранявшихся оленей изъ водъ Аноя и то вялила оленье мясо, то коптила

его, то морозила. Самый лакомый кусокъ—олений языкъ она отдавала на съѣденіе мужу, а олении шкуры, (зовущіеся юкагирами равдуга), весьма искусно выдѣлывая, продавала русскимъ, и доставала на нихъ и хлѣбъ, и котлы и все необходимое для жизни. Олени рога также шли на продажу, и русскіе промышленники покупали ихъ для китайцевъ, которые употребляютъ эти рога въ пищу и дѣлаютъ изъ нихъ какія-то желе. Сѣверный олень распространенъ по всему крайнему сѣверу всего свѣта и на югъ въ Россіи спускается до Уфы, гдѣ охотятся на него башкиры; въ Сибири ходитъ онъ по монгольскимъ альпамъ до бассейна Амура, и всѣхъ инородцевъ сѣвера онъ одѣваетъ и кормитъ; а юкагиръ только и живетъ однимъ имъ исключительно. Для юкагира охота на оленя составляетъ всю его сонливую и незатѣйливую жизнь.

ЗЕМЛЯ ЧУКЧЕЙ И КОРЯКОВЪ.

(Ярмарка въ селѣ Островномъ).

Куда отправляетесь? — спрашиваютъ Колымцы, выѣзжающихъ изъ Колымска торговцевъ.

— На край свѣта... на Анюй... — отвѣчаетъ предприимчивая толпа сибиряковъ.

— Съ Чукчами будемъ торговать... въ Островное, — раздается въ догонку поясненіе изъ послѣднихъ промчавшихся саней.

И невеселый, и опасный путь свой, по безконечно растянувшейся впереди тундрѣ, сокращаютъ ѣдущіе торговцы разказами о страшныхъ происшествіяхъ, случавшихся на тундрѣ, о томъ, какъ одинъ заблудившійся караванъ чуть-было не погибъ, замеченный снѣгами. Пересыпаютъ они эти разказы всякаго рода былями и небылицами, разными вымыслами и сказками; говорятъ и о Чукчахъ; находятся и такіе, которые бывали въ самой землѣ Чукчей и Коряковъ; а

вотъ одинъ сибирякъ вспомнилъ и о томъ, что онъ слышалъ про Чукчей отъ дѣда.

— Бѣдовый народъ,—прежде всего замѣчаетъ начавшій свой рассказъ сибирякъ. Сказывалъ дѣдъ, что только въ Америкѣ такой народъ есть,—индѣйцами называется. И лѣтъ двѣсти тому назадъ про нихъ и знать у насъ не знали, да казаки якутскіе провѣдали, а по ихъ то слѣдамъ и торговцы пошли. И страшны въ ту пору были эти Чукчи, и на людей не походили: губы у всѣхъ были прорѣзаны, а изъ прорѣзей то этихъ торчали моржевые клыки; и Чукчи да Коряки—это не то, что Самоѣдянинъ, или Остякъ,—это здоровый, отчаянный народъ. Якутскіе воеводы когда пошли на нихъ съ войскомъ, такъ Чукчи впереди Коряковъ, впереди всѣхъ шли и дрались, какъ бѣшеные. Дрались они и между своими народцами,—только и слышать бывало, что Чукчи грабятъ да разбойничаютъ. Юкагировъ, тѣхъ вонъ въ конецъ разорили,—говорилъ сибирякъ, вспоминая рассказы Юкагировъ о ихъ войнахъ съ Чукчами.

— Да и нашему брату доставалось,—замѣчалъ другой сибирякъ.

— Доставалось мнѣ,—сказывалъ дѣдъ,—крѣпко доставалось. Разъ на ярмаркѣ всѣхъ нашихъ торговцевъ чуть было не перекололи. Это вотъ лѣтъ уже шестьдесятъ или семьдесятъ, какъ сдѣлали съ ними договоръ обо всемъ, а то, бывало,

явятся торговцы на торгъ, а они сейчасъ пики впередъ, да и держать на концѣ пикъ то, что у нихъ торгуютъ; и чуть сдѣлалъ кто не такъ, или обманулъ Чукча, такъ онъ тутъ же пикой того и пырнетъ.—Да они и теперь безъ властей живутъ и ясака не платятъ,—разсуждалъ сибирякъ, — а что и когда вздумается, то въ видѣ ясака и приносятъ; да и то одни богатые. Въ ихъ же землѣ,—тамъ каждый самъ себѣ законъ, а предводители ихъ—тѣ уны—тѣ только такъ себѣ считаются предводителями, а сдѣлать-то ничего не могутъ,—все рѣшаютъ всѣ вмѣстѣ.

— Проѣзжалъ я, братцы, ихъ страну вдоль и поперекъ, — отъ Колымы до Берингова пролива, и отъ Камчатки до Ледовитаго океана; два раза проѣзжалъ,—говоритъ сибирякъ, бодро шагая съ товарищами по сугробамъ, около уставшихъ оленей.

— Ледяная, мерзлая страна,—продолжалъ онъ послѣ долгаго молчанія.—Здѣсь лѣтомъ вотъ хоть снѣгъ спадаетъ, траву увидишь, птицы разныя налетаютъ, а тамъ, вѣдь, только орлы да соколы носятся, лѣта же и не видалъ никто.

И бывалый сибирякъ описываетъ своимъ товарищамъ землю Чукчей и Коряковъ самыми страшными красками, говоритъ, что 20 іюля тамъ нѣтъ еще и признака лѣта, а съ августа снова уже наступаетъ зима; что лежать тамъ не только на горахъ, но въ оврагахъ и долинахъ никогда нетающія громадныя массы снѣга; и какъ пе

реѣдешь Колыму, такъ и пойдеть тундра, покрытая горами, скалами да каменьями, и чѣмъ дальше, все больше и больше, и такъ вплоть до Берингова пролива. И нѣтъ ни на горахъ, ни въ долинахъ, ни деревца, ни кустика; торчитъ только по разсѣлинамъ скалъ и между каменьями мохъ, да встрѣчается мѣстами лиственница или кедровникъ, съ выснувшимися изъ подъ снѣга шишками и иглами; и дико, мрачно кругомъ, точно мертвая страна, замѣчаетъ сибирякъ, ни звука никакого не слышать, и не движется ничего. По ночамъ страшно завываютъ голодные волки, шумить пурга, а не то раздается иногда, точно выстрѣлъ, трескъ развалившейся отъ сильнаго мороза скалы; бури же тамъ и ураганы—на Колымѣ и бывать такихъ не бывало.

— Да, братцы, — добавляетъ въ заключеніе своихъ описаній бывалый сибирякъ, — много тамъ горя и страху навидишься. Случалось испытать такіе ужасы, что, какъ вспомню, такъ и теперь дыбомъ волосъ становится. А вотъ и тамъ люди живутъ, и свыклись совсѣмъ, и переносятъ все; да еще такъ переносятъ, точно и не чувствуютъ ничего. Смотришь, бывало, — буря, ураганъ, ни земли, ни неба не видать, а Чукчъ и Корякъ караулятъ свои олени стада верстъ за десять, за четырнадцать отъ юртъ, и лежатъ, какъ ни въ чемъ не бывало подъ маленькими шалашиками. Буря и шалашикъ сорветъ, и его снѣгомъ

занесеть, а онъ вслушивается только въ отдаленный вой своихъ непріятелей волковъ, да караулить оленей отъ нихъ. И ни почему ему ни сорокаградусный морозъ, ни ураганъ,—все онъ вынесетъ... Да вотъ и на ярмарку въ Островное — мы ѣдемъ: мучаемся — и только жадность наша да корысть ведетъ насъ по этимъ пустынямъ; и, Богъ вѣсть, доберемся ли въ живыхъ, а Чукчъ и Корякъ, шутя, тамъ будутъ,—они цѣлый годъ бродятъ изъ конца въ конецъ по своей землѣ, и двухъ недѣль на мѣстѣ не стоятъ,—имъ это все равно.

И сибирякъ сталъ, влѣдъ за этимъ, объяснять своимъ товарищамъ, что у Чукчей и Коряковъ есть по четыре и по пяти тысячъ оленей, и что кормъ для оленя составляетъ самое важное для Чукчей, такъ какъ олень и одѣваетъ, и кормить и возить его. Шкура оленя, — говорилъ сибирякъ, — идетъ на одежду, на юрту, изъ роговъ его дѣлаются разные орудія; жилы сушатъ и дѣлаютъ изъ нихъ нитки; кости вымачиваютъ въ тюленьемъ салѣ и жгутъ ихъ вмѣсто топлива; внутренности очищаютъ, наполняютъ саломъ и ѣдятъ, да и жесткая кожа, которая на ногахъ оленя, и та идетъ на обшивку лыжъ. Олень,— это главное ихъ богатство, замѣчалъ сибирякъ и переходилъ къ рассказамъ объ осѣдлыхъ Чукчахъ и Корякахъ, которые бѣдны и которые не имѣютъ оленей и ѣздятъ на собакахъ. Говорилъ,

что осѣдлые находятся въ зависимости отъ кочевыхъ и что Чукчи живутъ сѣвернѣе рѣки Анадыри, а Коряки южнѣе. Говорилъ также, что Чукчи предприимчивѣе Коряковъ, и что они торгуютъ даже и въ Америкѣ. Туда переплываютъ они черезъ Беринговъ проливъ на своихъ легкихъ, кожаныхъ лодкахъ, или баидахъ, и тамъ вымѣниваютъ у Американцевъ мѣха и моржевые клыки. Разсчитывалъ затѣмъ сибирякъ и барышъ Чукчей, и, жадно вслушиваясь въ его слова, торговцы переносились уже мыслью на ярмарку въ Островное, пересчитывали и свои барыши, обсуждали, что и какъ изъ ихъ товара лучше теперь идти. Но вотъ какъ то ночью слышался вдали протяжный вой нѣсколькихъ сотъ собакъ, разнесся затѣмъ глухой бой шаманскихъ барабановъ, показались и огни,—это было Островное. Маленькая крѣпостца, или село, съ нѣсколькими лачужками, расположенными на небольшомъ островѣ Малаго Аюя, круглый годъ никѣмъ не посѣщаемое и пустое, представляло въ настоящую минуту весьма живую, но вмѣстѣ съ тѣмъ какую то фантастическую и дикую картину. Около русскихъ лачужекъ, на изрядномъ отъ нихъ разстояніи, хаотически, безпорядочно тянулись всевозможнаго вида палатки съѣхавшихся дикарей. Повсюду подымались изъ этихъ палатокъ высокіе столбы красноватаго искристаго густого дыма, повсюду виднѣлись разнообразныя кучи нартъ

и саней; и въ одномъ мѣстѣ между палатками и нартами двигались человѣческія фигуры, освѣщенные огненнымъ свѣтомъ пылающихъ костровъ, въ другомъ толпились стаи собакъ, тамъ, опять вырисовывались на фонѣ блестящаго свѣта темныя вѣтви красивыхъ оленьихъ роговъ, — и все это, сверху залитое зелеными, синеватыми и бѣлыми лучами сѣвернаго сіянія, копошилось, двигалось, шумѣло и кричало. Слышались и чукотскіе, и якутскіе, и корякскіе и юкагирскіе голоса, слышался по временамъ и свистъ, и гиканье и какой то дикій стонъ предвѣщающихъ что-то шамановъ, разносилась въ заключенье гдѣ то и протяжная пѣсня сибиряковъ; и этотъ гулъ, и гамъ, и эта разношерстная толпа, среди далекой сѣверной пустыни, сразу возникали передъ глазами, и сразу представлялись во всей своей наготѣ. Тутъ стоялъ Якутъ, Тунгусъ, тутъ же и Юкагиръ, и съ длинной пикой сибирскій казакъ; и рядомъ рѣзко обозначались изъ-за огня та тупрo ванные пестрые лица корякскихъ женъ и за ними живописная группа сѣверныхъ атлетовъ—Чукчей и Коряковъ. Вотъ онъ, этотъ стройный, высокаго роста дикарь, покрытый отъ горла до колѣнъ тяжелой куклянкой, или охотничьей изъ оленьей шкуры рубашкой, ловко перехваченной на талии крѣпкимъ и толстымъ ремнемъ. Рубашка оторочена внизу длиннымъ чернымъ мѣхомъ и украшена мѣстами пестрыми

бусами, кусочками красного сафьяна и блестящими металлическими пластинками. Мѣховые шапки и высокіе сапоги изъ тюленьей шкуры довершаютъ все остальное въ костюмѣ, а изъ подъ большой волчьей шапки съ наушниками рѣзко выдаются смуглыя скулы, бойкіе глаза и короткіе, черные какъ уголь волосы. Чукчѣ смотритъ открыто и честно; но на лицѣ его видна какая то задумчивость; остальная группа дикарей также чѣмъ то должно быть смущена, о чемъ то толкуетъ, машетъ руками, и блестятъ предъ огнемъ ихъ длинныя пики и большіе ножи.

— Что то недоброе вѣщаютъ шаманы, — объясняли это смущеніе русскіе торговцы. — Ишъ, какъ разбушевались, — говорятъ они, прислушиваясь къ глухимъ, заливающимся звукамъ шаманскихъ бубновъ.

— Падежъ на оленей, — предполагаютъ одни изъ торговцевъ.

— Жертвъ требуютъ идолы, — вотъ что, — объясняютъ другіе.

— Нѣтъ, не то и не другое, — утвердительно произноситъ бывалый сибирякъ. — Жертвы они съ радостью приносятъ, вотъ только табакъ неохотно бросаютъ при переходѣ черезъ горы, а то родится человѣкъ — сейчасъ въ жертву оленя, умереть — опять жертва, случится-ль какое несчастье или радость, — все жертвы... Нѣтъ, тутъ должно быть что то особенное, — рѣшаетъ сибирякъ.

И дѣйствительно, второй ужъ день, какъ у Чукчей и Коряковъ, во всѣхъ почти палаткахъ приносятся жертвы, повсюду бьютъ оленей, висятъ уже кое-гдѣ на длинныхъ жердяхъ принесенныя въ жертву собаки, а тутъ вѣсть проносится и о томъ, что шаманы требуютъ въ жертву какого то Чукча.

Всѣ любопытствуютъ развѣдать,—кого хотятъ приносить въ жертву; но колымскіе и якутскіе купцы, или торговцы, опредѣлили уже цѣнность своимъ товарамъ, вошли въ соглашеніе съ Чукчами и Коряками и на завтра должна открыться ярмарка.

— Смотри,—говорятъ другъ другу торговцы, заинтересованные уже ярмаркой и забывшіе про жертву Чукча,—смотри не прорывайся: цѣна намъ будетъ хорошая—шестнадцать лисьихъ и двадцать кунныхъ шкуръ положено за два пуда табаку,—надо держаться крѣпко, не уступать ничего за оленьи шкуры, — тѣ нонѣ нипочемъ должны быть,—вишь сколько ихъ навезли и сколько бьютъ еще на эти жертвы.

— Не спускай цѣны, — повторяютъ торговцы ежечасно, и хотя звуки шаманскихъ барабановъ или бубновъ, неумолкая, становятся свирѣпѣе и громче, но русскій чиновникъ обошелъ уже съ небольшимъ конвоемъ всѣхъ Чукчей, собралъ, какую они дали ему,—дань, а затѣмъ утромъ, въ день ярмарки, раздался благовѣстъ къ обѣднѣ, и

русскіе отправились въ небольшую островную церковь. Обѣдня отошла и на маленькой башенкѣ острога поднялся флагъ, — знакъ открытія ярмарки.

Задвигались и засуетились какъ инородцы, такъ и русскіе. Чукчи, вооруженные дротиками, стрѣлами, луками, а нѣкоторые и ружьями, устанавливаютъ свои нагруженные товарами сани, полукругомъ около крѣпости; русскіе суетятся, спѣшатъ стать противъ нихъ же; и вотъ все на время замолкаетъ, и, затаивъ дыханіе, всѣ ждутъ колокольнаго звона, по знаку котораго начинается торговля. Чукчи стоятъ совершенно покойно, русскіе же отъ нетерпѣнія едва уже держатся на ногахъ, и лишь только раздастся вождедѣльный колокольный ударъ, какъ опрометью они бросаются всѣ впередъ. Нагруженные самымъ страннымъ образомъ табакомъ, котлами, ножами, бусами и другими произведеніями, нужными для Чукчей и Коряковъ, они толкаются, кричатъ, и падаютъ. Вотъ одинъ торговецъ, желая быть первымъ у чукотскихъ саней, перескакиваетъ черезъ другого, тотъ сбиваетъ съ ногъ третьяго; въ одномъ мѣстѣ торговецъ растянулся на снѣгу и разронялъ всѣ свои товары, тамъ опять какой то потерялъ шапку, рукавицы и, несмотря на тридцатиградусный морозъ, летитъ, сломя голову, восхваляя еще издали на русскомъ, чукотскомъ и якутскомъ языкахъ удивительную доброкачест-

венность своего табака и необыкновенную прочность своего котла. Чукчи же и при такой азартности, все таки молча, спокойно выжидаютъ русскихъ около своихъ саней и съ какою то непоколебимою важною, выслушиваютъ всю болтовню. Они качаютъ повременамъ головой и нисколько не теряясь, безъ всякихъ вѣсовъ, вѣрно, на рукѣ взвѣшиваютъ предлагаемый табакъ; не берутъ табакъ, если въ пудѣ недостаетъ хоть четверти фунта и пристально и зорко осматриваютъ всѣ пріобрѣтенныя вещи.

Тутъ Чукчъ уличаетъ торговца въ обманѣ и не беретъ недостающій по назначенному вѣсу табакъ, тамъ, опять, Чукчъ замѣтилъ въ котлѣ изьянъ, въ другомъ мѣстѣ бракують ножи, волчьи шкуры; и при всемъ этомъ сохраняется полнѣйшее хладнокровіе и строго слѣдится за оцѣнкой.

— Хорошъ котель, очень хорошъ, лучшаго ни у кого не найдешь, — кричитъ торговецъ. Но Чукчъ, отвергая котель, машетъ рукой, и торговецъ бѣжитъ къ другимъ санямъ, предлагаетъ другому Чукчу котель и, сговариваясь въ послѣдности, второпяхъ, вмѣсто чернобурой лисицы, хватаетъ красную, а далѣе, опять, вмѣсто пуда табаку отдаетъ два и уже потомъ, уходя вечеромъ съ ярмарки, почесываетъ затылокъ, да приговариваетъ постоянно: — „бѣдовый народъ, бѣдовый, ничего съ нимъ не подѣлаешь“. Нѣкоторые, впрочемъ, возвращаются совершенно до-

вольные,—кто пріобрѣлъ превосходныя медвѣжьи шкуры, моржевые ремни и клыки, кто санныя полозья изъ реберъ кита, чемоданы изъ тюленьихъ шкуръ и одежду изъ шкуръ сѣверныхъ оленей, а вотъ одинъ торговецъ хвастается своимъ собратьямъ и американскими мѣхами.

— Ишь ты,—говорить онъ, — какая лисичка то серебряная, а песецъ то этотъ, а росомаха то какова,—чмокаетъ онъ отъ удовольствія, перекладывая одну шкуру за другой. А бобрикъ то,—кричитъ онъ, высоко подымая хорошую бобровую шкуру...—Ну, а на это что скажете!—воскликаетъ торговецъ, нѣжно поглаживая молодую куницу,—соболь, настоящій соболь, — другого такого и по всей ярмаркѣ не найти.

— Это все американскіе мѣха, — замѣчаетъ бывалый сибирякъ, — это Чукчи у Эскимосовъ на табакъ намѣняли. Въ Сибири такой куницы и не водится.

— А вотъ я такъ моржевыхъ клыковъ и оленьихъ роговъ для китайцевъ понабралъ, — отзывается одинъ торговецъ изъ Якутска.

— А я, братцы, все съ Тунгусами да съ Юкагирами обороты велъ: этотъ народъ проще, чѣмъ Коряки,—разсуждаетъ еще одинъ изъ Якутскихъ купцовъ:—съ ними дѣло способнѣе вести,—заключаетъ онъ.

Такъ заканчиваютъ русскіе торговцы первый день ярмарки, помышляя затѣмъ объ удачахъ

завтрашняго дня; а нашъ бывалый сибирякъ колымецъ нашель уже знакомыхъ Чукчей и Коряковъ, и, предлагая имъ тайный, запрещенный товаръ—грибы-мухоморы, отправился съ однимъ изъ молодыхъ торговцевъ къ Корякамъ на свадьбу. Коряки, приглашавшіе его на свадьбу, прѣхали на собакахъ и нисколько поэтому не чувствовали той печали, которая царствовала въ лагерь Чукчей. Тамъ, въ бродившихъ неподалеку стадахъ, валились олени, цѣлыми десятками и тревога, производившаяся по этому случаю шаманами, была необычайная. Чукчи запирали уже шамановъ въ отдѣльный чумъ и, сомнѣваясь въ истинности вдохновенія, беспощадно били ихъ и сѣкли; но шаманы, мужественно перенося этотъ искусь, твердо стояли на своемъ и истолковывали волю злыхъ духовъ однимъ и тѣмъ же изреченіемъ.

— Злые духи требуютъ въ жертву тіуна — предводителя Чукчей,—носился слухъ между Коряками, и бывалый сибирякъ узналъ объ этомъ прежде, чѣмъ вошелъ въ тотъ чумъ, гдѣ была свадьба. Въ свадебномъ чумѣ хотя и говорили объ этомъ, но только вскользь, такъ какъ гости уже собрались, и сибиряка съ товарищемъ приняли хозяева весьма гостепріимно и ласково. Круглый чумъ Коряка, обтянутый оленьими шкурами и такой же по устройству, какъ у Чукчей, былъ довольно великъ: вокругъ очага, помѣща-

лось до двадцати отдѣльныхъ пологовъ. Пологи эти были сдѣланы изъ оленьихъ шкуръ; въ каждомъ изъ нихъ находится котель, и жара и духота отъ горящаго китоваго жира была невыносимая. Тамъ помѣщались зашитые въ оленьихъ мѣшкахъ ребятишки и почти нагія женщины; вокругъ же очага, въ самой серединѣ чума, засѣдала толпа смуглолицыхъ коряковъ, а около пологовъ стояли татуированныя жены хозяина. Коряки видимо заняты были корытами съ маньялой, вареной олениной, мерзлымъ саломъ и прочими лакомствами, а также и обсужденіемъ какихъ то спорныхъ вопросовъ свадебнаго этикета. Невѣсты и жениха нигдѣ не было видно,—они находились въ одномъ изъ пологовъ. Гости ѣли, пили и когда все было ими уничтожено, то вдругъ неожиданно раздался мѣрный бой туземнаго барабана, и въ ту же минуту входный занавѣсъ приподнялся. Вошелъ высокій корякъ съ охапкой ивовыхъ прутьевъ. Онъ началъ раздавать ихъ всѣмъ присутствующимъ и въ это время барабанный бой не смолкалъ; но какъ только церемонія окончилась, барабаникъ сталъ вполголоса пѣть какой то музыкальный речитативъ, который мало по малу перешелъ въ дикую и энергическую пѣсню. За этимъ произошло нѣкоторое волненіе, занавѣси всѣхъ пологовъ поднялись, при входѣ въ каждый изъ нихъ помѣстились по двѣ и по три женщины съ ивовыми вѣтвями, и за-

тѣмъ корякъ, почтенной наружности, вышелъ изъ перваго отъ дверей полога, ведя за руку неvěсту и жениха. Съ ихъ появленіемъ общее волненіе дошло до неистовства: барабанъ оглушительно и часто забилъ во всю силу, гости загорланили насколько кто могъ; и тутъ же по сигналу, данному почтеннымъ корякомъ, неvěста бросилась въ первый пологъ и начала быстро бѣгать вокругъ юрты по всѣмъ пологамъ, открывая, раздѣляющія ихъ между собою занавѣси. Женихъ тотчасъ же пустился за нею въ погоню, но женщины, стоявшія у входа каждаго полога, хватали его за ноги, опускали занавѣси, били прутьями; воздухъ оглашался барабаннымъ боемъ; криками поощренія, смѣхомъ и звуками тяжелыхъ ударовъ, наносимыхъ несчастному жениху. Женихъ однако рвался впередъ и съ удивительнымъ терпѣніемъ, спотыкаясь, подымался на каждомъ шагу, выпутывался изъ занавѣсей, которыя ежеминутно летѣли ему на голову и въ глаза; и вотъ неvěста пробѣжала весь кругъ и укрылась въ послѣднемъ пологѣ, а женихъ не достигъ еще и половины.

— Что, братъ, хотѣлъ бы такъ вѣнчаться, — говорилъ сибирякъ, своему товарищу, — а женихъ то этотъ, — продолжалъ сибирякъ, — можетъ годъ или два какъ ужъ работаетъ самую тяжелую работу въ чумѣ отца неvěсты и переносить, чтобы пріобрѣсть неvěсту, все что ни придется.

Но женихъ въ это время поборолъ все преграды и распахнувъ занавѣсъ, гдѣ скрылась невѣста, очутился подлѣ нее. Музыка прекратилась, гости начали расходиться; а гость сибирякъ подарилъ жениху и невѣстѣ по одному мухомору: остальные онъ успѣлъ уже промѣнять хозяину на мѣха. Поѣвши мухоморовъ, не долго до ухода сибиряка, Коряки порядочно отъ нихъ опьянѣли, а сибирякъ похвалялся на другой день своимъ товарищамъ пріобрѣтеніемъ американской куніцы.

На другой же день ярмарка шла еще оживленнѣе, чѣмъ въ первый, и торговцы, намѣнявъ опять разныхъ моржевыхъ клыковъ, оленьихъ шкуръ и тому подобнаго, вели подъ вечеръ мирную бесѣду о томъ, какъ и гдѣ Чукчи и Коряки что добываютъ и какимъ способомъ они ловятъ тюленей и моржей. Бывалый сибирякъ, какъ болѣе опытный, оживлялъ бесѣду разными рассказами изъ своихъ странствованій и, объясняя, что ловлей тюленей и моржей занимаются осѣдлые Чукчи и Коряки, говорилъ, что для ловли тюленей Чукчи употребляютъ родъ сѣтей, сплетенныхъ изъ ремней, моржей же, когда они выходятъ на берегъ, отрѣзая имъ путь отъ воды, бьютъ просто дротиками.

— Тоже вотъ и тюленя бьютъ на берегу, — досказывали въ свою очередь сибиряки товарищи. Разъ, — говорилъ одинъ изъ колымскихъ торгов-

цевъ,—видѣлъ я этотъ бой на Ледовитомъ океанѣ. Тюлени грѣлись на берегу, а Чукчи, замѣтивъ это, одѣлись въ бѣлая одежды, чтобы походить по цвѣту на снѣгъ, взяли копыя, да еще какія то палки съ прикрѣпленными къ нимъ медвѣжьими зубами и когда приблизились къ тюленямъ, легли на снѣгъ. На снѣгу они долго, желая усыпить тюленей, скребли по льду медвѣжьими зубами, и затѣмъ, мало по малу приближаясь ползкомъ къ звѣрю, бросились, наконецъ, на него съ копыями и убили.

— Вотъ и волка они хитростно убиваютъ,—разсуждали сибиряки,—свяжутъ толстый китовый усъ, заостренный съ обоихъ концовъ, въ маленькое кольцо, затѣмъ обольютъ кольцо водой, чтобы покрылось оно льдомъ, а потомъ веревку густо намажутъ жиромъ да и бросятъ для волковъ. Волкъ, какъ проглотитъ это кольцо, ледъ то въ животѣ растаетъ, а кольцо распрямится и внутренности то всѣ распоретъ.

— Да ловчаки они и себя убивать,—замѣчаетъ бывалый сибирякъ.—Посмотримъ-ка вотъ принесетъ ли себя въ жертву тунъ, или нѣтъ.

Но на слѣдующій день тунъ устроилъ оленій бѣгъ на призы и военныя игры. Чукчи, вооруженные луками, копыями, ружьями, въ панцыряхъ изъ китоваго уса, явились на это игрище. Производя стрѣльбу и схватки на ножахъ и копыяхъ, они представляли такое зрѣлище, въ которомъ

трудно было превзойти ихъ относительно храбрости, ловкости и искусства. Побѣдители занимали во время пира почетныя, первыя мѣста, а побѣжденные послѣднія. По окончаніи однако игрища и пира, тіунъ созвалъ всѣхъ родныхъ и родственниковъ и объявилъ, что для блага общаго онъ приносить себя въ жертву. Чукчи отговаривали, упрасивали его, наконецъ снова подвергали шамановъ испытанію, и снова слыша отъ нихъ то же изрѣченіе, что злые духи требуютъ въ жертву тіуна, молча, съ поникшими головами шли къ тіуну и убѣждали его не слушать злыхъ духовъ. Но тіунъ, какъ истинный герой—Чукчъ, легъ среди собравшихся друзей и родственниковъ и нанесъ себѣ глубокую рану прямо въ бокъ.

Вѣсть объ этомъ разнеслась мгновенно по всей ярмаркѣ, — пошли толки и обсужденія этого происшествія. Русскіе говорили: у чукчей и коряковъ это дѣло простое, — у нихъ родится ли слабый ребенокъ—убиваютъ его; сильно больного—убиваютъ, старика и дряхлаго тоже убиваютъ,—это имъ ни почемъ. „Сказано, — восклицали торговцы, — разбойники и душегубцы“. Но коряки и другіе туземцы смотрѣли на это убійство съ благоговѣніемъ, а самъ тіунъ вполнѣ признавалъ себя обязаннымъ исполнить этотъ долгъ даже и при послѣднихъ предсмертныхъ судорогахъ. Чукчи, видя его мученія, происходившія отъ неудач-

наго удара, доколотили тіуна заботливой и дружкой рукой. Съ особымъ глубокомысліемъ разсуждали они потомъ, глядя на трупъ и на большую рану, о тѣхъ мѣстахъ человѣческаго тѣла, гдѣ рана скорѣе можетъ лишить человѣка жизни, и, какъ знатоки, они порицали ударъ, который нанесъ самъ себѣ тіунъ.

До разсвѣта, всю ночь волновался весь чукотскій лагерь и на другой день, послѣ окончанія ярмарки, чукчи обрядили покойника въ бѣлыя оленье одежды, запрягли въ нарты его любимыхъ оленей и, разложивъ далеко за Островнымъ костеръ, повезли тіуна сжигать, или по ихъ обыкновенію, хоронить. На кострѣ, вмѣстѣ съ тіуномъ, положены были нарты, убитые олени, все оружіе тіуна, всѣ его вещи, и чукчи, окруживъ костеръ, зажгли его со всѣхъ четырехъ сторонъ. Высоко поднялось пламя горѣвшаго костра, и чукчи думали, что душа тіуна возносится вмѣстѣ съ этимъ пламенемъ прямо на небо, а колымскіе и якутскіе купцы, выѣхавшіе въ это время съ окончаніемъ ярмарки изъ Островного, завидя издали разстилавшійся по тундрѣ отъ костра густой дымъ, говорили между собой: — „Нипочемъ этимъ чукчамъ и корякамъ убить человѣка!“

— А вотъ креститься, — замѣчалъ колымецъ, — вотъ этого такъ боятся. Нонѣ на ярмаркѣ стали одного крестить, а онъ и выскочилъ изъ холод-

ной воды и сейчас же, недокрестившись, стали требовать табака и котловъ.

— Да они вѣдь только и крестятся, что для этого, — пояснилъ бывалый сибирякъ. — Они и крещенные вѣрятъ въ шамановъ и держатъ по двѣ и по три жены.

И пошли снова рассказы о чукчахъ, корякахъ и о разныхъ происшествіяхъ, бывшихъ на ярмаркѣ; и потянулись колымцы снова черезъ тундру вмѣстѣ съ якутскими купцами для продажи своихъ товаровъ въ Иркутскъ и въ Кяхту.

Тундра раскинулась опять вокругъ на далекій путь, и напуганному воображенію торговцевъ представлялись то кровожадные тѣни шамановъ, то недоступная, ужасная земля чукчей, то, наконецъ, воинственный, борящійся съ этою природой и нисколько не страшящійся ея, умный, смѣлый и отчаянный народъ чукчей и коряковъ; то тутъ же рядомъ—слабый остякъ, голодный юкагиръ, неповоротливый самоѣдъ, — и все это рисовалось въ одной общей нераздѣльной картинѣ, гдѣ выше всѣхъ, какъ человекъ, стоялъ чукчъ и корякъ. Но вотъ, послѣ нѣсколькихъ мучительныхъ и длинныхъ переѣздовъ, тундра стала исчезать, и вдали на горизонтѣ показались сизою сплошной тучей сибирскіе лѣса...

Передъ нашими читателями съ слѣдующей книжки явятся и обитатели — инородцы этихъ лѣсовъ.

ТОЛКОВАТЕЛЬ.

I.

Что такое этнографія.

Этнографія (отъ греческаго слова этнось — народъ и графейнъ — описать) значитъ народо-описаніе.

Изъ этихъ словъ мы видимъ, что этнографія — наука, которая занимается описаніемъ народовъ. Но народовъ на землѣ много, и народы эти рѣзко отличаются одинъ отъ другого и языкомъ, и образомъ жизни, и костюмомъ, и религіей и т. п. Надо, стало быть, описать или познакомиться съ каждымъ народомъ отдѣльно, а на этомъ основаніи надо невольно и раздѣлить все человѣчество на извѣстныя группы.

Чтобы описать каждый народъ, или каждую группу, надо также описать то мѣсто, на которомъ народъ живетъ, — то-есть описать его въ географическомъ отношеніи; затѣмъ надо описать, какъ онъ прежде жилъ и какъ онъ теперь живетъ, — то-есть въ историческомъ отношеніи, и наконецъ, разсмотрѣть тѣ условія или причины, вслѣдствіе которыхъ онъ жилъ и живетъ такъ, а не иначе.

Такимъ образомъ, изучивъ каждый народъ отдѣльно, цѣль этнографіи, какъ науки, не есть простое перечисленіе фактовъ изъ быта народовъ,—то-есть какъ народы живутъ, чѣмъ они занимаются и т. п., но объясненіе всего этого на основаніи простыхъ и общихъ законовъ природы.

Въ этомъ смыслѣ конечная или окончательная цѣль этнографіи обобщить всѣ явленія: языка народа, его чувства и мыслей, его нравовъ и обычаевъ, однимъ словомъ—его духовнаго и матеріальнаго развитія; обобщить, то-есть подвести ихъ подъ общіе естественные законы, которые одинаковы, или общи, для всѣхъ людей, живущихъ на землѣ. Посредствомъ этого обобщенія этнографія стремится представить отдѣльные народы и группы народовъ въ одномъ систематическомъ цѣломъ, въ связи одного народа съ другимъ и въ послѣдовательномъ переходѣ отъ части къ цѣлому; то-есть отъ народа, населяющаго какую нибудь страну, ко всему человѣчеству, которымъ заселенъ весь земной шаръ.

II.

На какія группы или племена раздѣляютъ жителей земли.

Этнографы, которые занимаются наукой этнографіи, раздѣляютъ жителей земли на нѣсколько

группъ, или племень, и вслѣдствіе разныхъ причинъ. Одни этнографы, вслѣдствіе однихъ причинъ, дѣлятъ однимъ образомъ, а другіе, принимая за основаніе своего дѣленія инныя причины, иначе и дѣлятъ. Такъ, одни этнографы принимаютъ въ основаніе своего дѣленія физическіе признаки людей и цвѣтъ ихъ кожи; другіе—сходство языка; третьи же раздѣляютъ географически, то-есть по мѣсту жительства, и четвертые, по черепу.

Гексли дѣлитъ человѣчество на пять племень, или расъ, по физическимъ признакамъ.

Фрид. Мюллеръ и другіе ученые—по языку.

Ретціусъ—по формѣ черепа.

Блуменбахъ же, дѣленіе котораго болѣе употребительно, чѣмъ другія, раздѣляетъ жителей земли по физическимъ признакамъ и мѣсту ихъ жительства на слѣдующія пять племень, или расъ:

1) Кавказская. (Къ ней принадлежатъ всѣ области Европы).

2) Монгольская. (Населяетъ сѣверъ и востокъ Азіи, Сѣверную Америку и часть Сѣверной Европы).

3) Американская. (Первобытные жители Америки).

4) Малайская. (На Остъ-Индскихъ и Австралійскихъ островахъ).

5) Эіопская. (Населяетъ Африку).

III.

Вслѣдствіе какихъ причинъ одни народы находятся въ дикомъ состояніи, а другіе цивилизованы.

Первоначально всѣ люди находились въ дикомъ состояніи. Въ этомъ насъ убѣждаютъ остатки оружія изъ камня и различныя вещи, отысканныя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили наши предки. Эти вещи и оружіе совершенно сходны съ тѣми, которыя употребляются у существующихъ и нынѣ дикарей. Такъ, наши предки жили въ пещерахъ или подъ открытымъ небомъ въ шалашахъ, прикрывались звѣриными шкурами и употребляли топоры и оконечности стрѣлъ, сдѣланныя изъ кремня. То же самое мы видимъ у Лопарей, Самоѣдовъ, Остяковъ, Чукчей и другихъ дикихъ народовъ, описанныхъ нами въ настоящей книгѣ. Тѣ же у нихъ шалаши, называемые чумы, тѣ же звѣриныя шкуры, которыми дикари прикрываются, или изъ которыхъ дѣлаютъ себѣ одежды; тѣ же, наконецъ, каменные наконечники стрѣлъ, которые еще не такъ давно стали замѣняться желѣзными.

Отъ дикаго состоянія наши предки сперва перешли къ охотнической или пастушеской жизни. Къ этому побудила ихъ забота о добываніи и сохраненіи себѣ пищи. Въ дикомъ состоя-

ній имъ были извѣстны нѣкоторыя животныя, которыхъ они употребляли себѣ въ пищу. Подобная пища, однако, была случайной; и дикари иногда ловили животное, или убивали его, а иногда оставались голодными. (Смотри рассказъ о голодѣ Юкагировъ). Желая не подвергать себя такого рода случайностямъ; дикари стали приручать животныхъ, годныхъ для пищи, и стали дѣлать ихъ домашними.

Болѣе полезными животными, какъ успѣли понять наши дикіе предки, были животныя жвачныя,—коровы, овцы, козы и проч. Эти животныя давали имъ мясо и молоко для пищи, кожу для одежды, жилы для нитокъ и т. п.

Но приручивъ животныхъ, наши предки не знали, какъ готовить запасы для пищи этимъ животнымъ (т. е. не знали употребленія сѣна); на этомъ основаніи имъ приходилось перегонять свои стада, съ мѣста на мѣсто. Эта жизнь нашихъ предковъ называется кочевой или номадной жизнью. Въ такой степени, или въ такомъ періодѣ развитія находятся у насъ въ Россіи Киргизы.

Кочевая жизнь возможна при обиліи хорошихъ пастбищъ и при небольшомъ населеніи. Но скудные пастбища, различныя непредвидѣнныя случайности,—какъ то засуха и тому подобное, а также и увеличившееся народонаселеніе, при которомъ неизбѣжно столкновеніе однихъ людей съ

другими, тоже нуждавшимися въ пастбищахъ,—заставили нашихъ предковъ-номадовъ заняться обработкою растеній. Обработанные растенія могли уже постоянно служить на пищу человѣку; но обработка растеній требовала ухода за ними, а отсюда и постоянной жизни на одномъ мѣстѣ,—т. е. осѣдлости.

Такимъ путемъ явилось земледѣліе и третья степень развитія, или начало осѣдлости и развитіе цивилизаціи. Послѣ каменныхъ орудій и орудій, сдѣланныхъ изъ смѣси, или сплава, олова и мѣди (т. е. бронзы), явилось употребленіе желѣза и явились прочно выстроенныя жилища.

Такъ отъ дикаго состоянія человѣкъ перешелъ къ осѣдлости и къ началу цивилизаціи. Но не всѣ люди жили на землѣ подъ одинаковыми условіями и обстоятельствами; не всѣ родились и выросли на какомъ-нибудь одномъ и томъ же мѣстѣ, а вслѣдствіе этого и не все человѣчество могло равно пройти или совершить поименованныя нами степени развитія. Въ то время, когда одни народы обитали среди мѣстности, богатой естественными произведеніями, и добывали себѣ пищу съ небольшимъ трудомъ, природа, окружавшая жизнь другихъ народовъ, была сурова, и естественныя произведенія ея скудны. Поэтому народы благодатной природы, имѣя досугъ, употребляли его на усовершенствованіе своей жизни; другіе же народы, лишеныя досуга, тратили все

свое время и всю свою энергію на необходимое добываніе пищи. Инымъ однако, изъ этихъ послѣднихъ, хотя съ большимъ трудомъ, но все таки удалось побѣдить суровую, малопроизводительную природу,—и они вышли изъ своего дикаго состоянія; иные же остаются въ дикомъ состояніи и до сихъ поръ. Примѣръ такой борьбы человѣка съ природой, гдѣ онъ долженъ былъ уступать природѣ, мы видимъ у народовъ сѣвера,—у нашихъ Остяковъ, Юкагировъ, Чукчей и другихъ. Впрочемъ, коснѣніе народа въ первобытномъ дикомъ состояніи можетъ получиться и отъ совершенно противоположныхъ причинъ. Такъ, дикое, первобытное состояніе мы видимъ среди народовъ Полинезіи и Африки, гдѣ природа крайне роскошна и крайне богата. Тамъ она даетъ человѣку такъ много и такъ легко, что въ немъ не является побужденій стремиться къ усовершенствованію способовъ добыванія пищи и къ расширенію жизненныхъ удобствъ. На этомъ то основаніи, какъ у дикихъ сѣвера отъ непрерывной и скудной борьбы съ природой, такъ и у дикихъ Полинезіи и Африки, вслѣдствіе окончательнаго отсутствія этой борьбы, искусство человѣка и его умъ остаются въ неподвижномъ состояніи, и человѣкъ изъ дикаго, первобытнаго положенія не выходитъ.

Вотъ причины, почему одни народы остались на землѣ и до сихъ поръ въ первобытномъ со-

стояній, другіе же находятся на второй ступени развитія, и третьи; осѣдлые—пользуются началами цивилизаціи.

IV.

Вслѣдствіе чего, чѣмъ ближе къ полюсу, тѣмъ болѣе исчезаетъ растительность и почему на тундрѣ береза маленькая, кривая и приземистая.

Для жизни растенія необходимы тепло и свѣтъ. Растеніе питается преимущественно водою и разными минеральными частицами земли, растворяемыми въ водѣ, а также атмосферой или воздухомъ, согрѣтымъ до извѣстной степени солнечными лучами. Растеніе питается водою въ то время, когда вода въ жидкомъ состояніи, жидкое же состояніе воды является только во время тепла; а такъ какъ на сѣверѣ солнечные лучи согрѣваютъ атмосферу на весьма короткое время и земля оттаиваетъ, а вода превращается въ жидкое состояніе не надолго, то и время для питанія растенія весьма непродолжительное. И чѣмъ ближе къ полюсу, тѣмъ холоднѣе, тѣмъ солнечные лучи согрѣваютъ землю менѣе и непродолжительнѣе, а вслѣдствіе этого и жизнь для растенія становится неудобной.

Поверхность земли оттаиваетъ, небольшимъ слоемъ, т. е. не глубоко, а поэтому корни растений идутъ поверхъ земли, углубиться въ нее не имѣ-

ютъ силу, и вслѣдствіе этого, а также и вслѣдствіе непрерывныхъ сильныхъ морозовъ и холодныхъ сѣверныхъ бурь, всѣ вѣтви и побѣги, выставляющіеся изъ подъ снѣга, замерзаютъ или умираютъ. Такъ, низкорослая береза, лиственница, кедровникъ и другія деревянистыя растенія сѣвера разстилаются по землѣ и не поднимаются выше одного или двухъ футовъ.

Лишай и мхи, — эти простѣйшія по строенію растенія, являющіяся подъ снѣгомъ и живущія на скалахъ, камняхъ, деревьяхъ и на всемъ томъ, что доставляетъ влагу, — эти растенія только и могутъ существовать въ изобиліи на нашемъ крайнемъ сѣверѣ, или на тундрѣ.

V.

Почему природа на крайнемъ сѣверѣ неблагоприятна для человѣка.

Главные условія человѣческой жизни — тепло и свѣтъ, а мы знаемъ, что на крайнемъ сѣверѣ холодъ стоитъ въ продолженіе девяти мѣсяцевъ и два мѣсяца въ году солнце не показывается совсѣмъ, т. е. два мѣсяца бываетъ ночь — темнота. Эта ночь, какъ и холодъ, по мѣрѣ приближенія къ полюсу, увеличиваются и, наконецъ, у полюса ночь продолжается ровно полгода, или шесть мѣсяцевъ. На этомъ то основаніи, то есть, вслѣдствіе отсутствія тепла и свѣта, чѣмъ ближе къ

полюсу, тѣмъ болѣе и болѣе исчезаютъ животное и растеніе, а человѣкъ, кромѣ тепла и свѣта, требуетъ также пищи, которая состоитъ главнымъ образомъ изъ животныхъ и растеній.

VI.

Почему на крайнемъ сѣвѣрѣ ночь лѣтомъ бываетъ два мѣсяца, а на самомъ полюсѣ полгода.

Земля, или земной шаръ, вращается около солнца такимъ образомъ, что одну половину года земной шаръ наклоненъ болѣе къ солнцу однимъ полюсомъ, а другое полугодіе—другимъ полюсомъ. При этихъ наклоненіяхъ солнце болѣе всего, и даже постоянно, находится надъ чертой, раздѣляющей эти половины земли, то есть надъ чертой, которая называется экваторомъ. Вслѣдствіе этихъ наклоненій земли и вслѣдствіе того, что солнце находится постоянно надъ экваторомъ, происходитъ то, что когда земной шаръ наклоненъ къ солнцу однимъ полюсомъ, то этотъ полюсъ будетъ освѣщенъ, а на другомъ полюсѣ въ это же самое время будетъ темнота или ночь, которая чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ болѣе уменьшается и дѣлается равномѣрнѣе съ днемъ.

Такимъ образомъ, когда земной шаръ наклоненъ къ солнцу южнымъ полюсомъ и солнце болѣе освѣщаетъ, такъ называемое, южное полуша-

ріе, тогда на сѣверномъ полушаріи ночи становятся длиннѣе, и чѣмъ ближе къ оконечности, или къ сѣверному полюсу, тѣмъ величина ихъ болѣе и болѣе превышаетъ величину дня. Такъ, напримеръ, когда въ Петербургѣ ночь продолжается въ ноябрѣ 19-ть часовъ, то въ это же время въ Мезенѣ она равняется суткамъ, въ Колѣ же, которая гораздо сѣвернѣе Мезени, два мѣсяца, а на полюсѣ—полгода.

VII.

Почему на крайнемъ сѣверѣ день лѣтомъ бываетъ два мѣсяца, а на самомъ полюсѣ полгода.

Прежде чѣмъ объяснить этотъ вопросъ, надо замѣтить, что земной шаръ, вращаясь или обходя въ теченіе года вокругъ солнца, въ то же время ежедневно вращается около себя или около своей оси, которая есть не больше какъ воображаемая линія, проходящая черезъ центръ земнаго шара и соединяющая полюсы.

Земной шаръ, вращаясь около своей оси, поворачивается или обращается къ солнцу то одной своей стороною, то другой. При этомъ, если мы проведемъ вокругъ земного шара линію не черезъ полюсы, а такимъ образомъ, что она будетъ находиться въ равномъ разстояніи отъ полюсовъ и раздѣлитъ земной шаръ пополамъ, тогда, про-

вода въ равномъ повсюду отъ нея разстояніи другую круговую линію, а за ней третью и т. д., мы увидимъ, что та круговая линія, которая раздѣлила земной шаръ пополамъ, будетъ самая большая линія, и тѣ круговыя линіи, которыя ближе къ ней, будутъ больше тѣхъ, которыя дальше отъ нея. Такимъ образомъ произойдетъ то, что чѣмъ круговыя линіи ближе къ полюсамъ, тѣмъ онѣ будутъ менѣе и менѣе, и, наконецъ, на самомъ полюсѣ превратятся въ точку. Если мы поставимъ предметъ на большую круговую линію, то понятно, что при томъ случаѣ, когда онъ скроется отъ солнца, во время вращенія этой большой линіи, онъ будетъ дольше находиться внѣ солнечнаго свѣта, чѣмъ тотъ предметъ, который бы мы поставили на меньшую линію, и тѣмъ болѣе чѣмъ тотъ, который стоялъ бы на крайней точкѣ или на полюсѣ. На полюсѣ, вслѣдствіе этого, предметъ будетъ освѣщенъ до тѣхъ поръ, пока полюсъ съ своимъ полушаріемъ наклоненъ къ солнцу и пока земной шаръ не наклонится къ солнцу другимъ полюсомъ.

Изъ этого ясно видно, что когда земля наклонена къ солнцу сѣвернымъ полюсомъ, тогда, по мѣрѣ, приближенія къ сѣверному полюсу, день становится больше, и въ то время, когда въ Петербургѣ день продолжается въ іюнѣ 19 часовъ, въ Мезенѣ онъ продолжится сутки, въ Колѣ,

которая гораздо выше Мезени, два мѣсяца, а на полюсъ—полгода.

VIII.

Вслѣдствіе чего сѣверная весна проходить быстро и лѣто на сѣверѣ короткое.

Солнце, какъ мы только что сказали, постоянно находится надъ экваторомъ; то есть земля, при вращеніи своемъ около солнца, обращена къ нему такимъ образомъ, что вертикальные солнечные лучи падаютъ на экваторъ, а косвенные—на полюсы. На этомъ основаніи тепло, или солнечный жаръ, болѣе всего приходится на долю экватора, или экваторіальныхъ странъ, и менѣе всего на полюсы, или полярныхъ странъ. Косвенные лучи солнца, падающіе на полюсъ, становятся вертикальнѣе, или менѣе косвенными, по мѣрѣ наклоненія полюса къ солнцу. Но такъ какъ полюсъ наклоняется къ солнцу до извѣстной только степени, и потомъ снова сейчасъ же наклоненіе уменьшается, то понятно, что едва солнечный лучъ дойдетъ до того предѣла вертикальности, когда онъ станетъ нагрѣвать землю сильнѣе и едва такимъ образомъ растаютъ льды, какъ наступаетъ лѣто, а затѣмъ, спустя непродолжительное время, вслѣдствіе отклоненія полюса, солнечный лучъ снова дѣлается косвеннѣе, и лѣто проходитъ; и чѣмъ ближе къ полюсу, тѣмъ оно короче, или же проходить скорѣе.

IX.

**Почему отъ мороза трескаются скалы и
каменья.**

(Явленіе, о которомъ упоминается при описаніи каменистой почвы земли Чукчей и Коряковъ).

Тепло имѣетъ то свойство, что каждый предметъ подѣ вліяніемъ его расширяется и, обратно, холодъ имѣетъ такого рода дѣйствіе на предметъ, что предметъ сжимается. Изъ всѣхъ предметовъ природы одна вода составляетъ нѣкоторое исключеніе изъ этого общаго правила. Наибольшее сжатіе воды отъ холода бываетъ при температурѣ 4-хъ градусовъ тепла, далѣе же, при болѣе сильномъ холодѣ, замерзая, вода уже не сжимается, какъ всѣ другіе предметы, а снова подлежитъ расширенію. На этомъ основаніи, вода, находящаяся въ бутылкѣ, при замерзаніи, разрываетъ бутылку; точно также вода, находящаяся въ щеляхъ скалъ и каменьевъ, въ то время, когда бываютъ сильные морозы, замерзаетъ, а скалы и каменья, отъ давленія расширяющейся воды, разрываются или лопаются.

X.

Отчего происходитъ сѣверное сіяніе.

Сѣверныя сіянія преимущественно видны въ полярныхъ странахъ, и, по замѣчанію нѣкоторыхъ

наблюдателей, они являются какъ у сѣвернаго, такъ и у южнаго полюсовъ въ одно и то же время. Видъ сѣверныхъ сіяній бываетъ различный; но чаще всего они имѣютъ тотъ видъ, который мы описали въ разсказѣ о самоѣдахъ.

До сихъ поръ явленія этого не могутъ объяснить ничѣмъ. Теперь извѣстно только, что явленіе это находится въ тѣсной связи съ двумя силами, называемыми магнетизмомъ и электричествомъ. Тѣсная связь съ ними замѣчена во-первыхъ на магнитныхъ стрѣлкахъ, имѣющихся въ компасахъ, которыя, при появленіи сѣвернаго сіянія, сильно возмущаются, или приходятъ въ движеніе (и чѣмъ сѣверное сіяніе больше, тѣмъ движеніе стрѣлки сильнѣе); во-вторыхъ же вліяніе сѣвернаго сіянія замѣчено и на электрическихъ телеграфахъ, которые во время сѣвернаго сіянія перестаютъ дѣйствовать.

Вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ, ученые полагаютъ, что сѣверное сіяніе есть явленіе, происходящее отъ электричества и магнетизма; а извѣстный ученый Гумбольдъ называлъ сѣверное сіяніе магнитною бурей.

XI.

Вслѣдствіе чего въ сѣверной части Оби и другихъ сибирскихъ рѣкъ, иной годъ много рыбы, а иной—мало.

Это явленіе происходитъ вслѣдствіе, во-первыхъ, затиранія устьевъ рѣкъ льдомъ; а во-вторыхъ, вслѣдствіе большого половодья. Когда при устьяхъ рѣкъ много накапливается льда, то рыбѣ трудно пройти въ рѣки изъ океана; когда же большое половодье, то вода въ рѣкахъ дѣлается мутнѣе, и рыба поэтому идетъ метать икру вверхъ по рѣкѣ, къ мѣстамъ, гдѣ вода сдѣлалась чище и теплѣе. Мутной воды рыба не любитъ, потому что жабры ея засариваются, а отъ этого становится дыханіе затруднительнѣе, и кромѣ того мутная вода своей тяжестью сдавливаетъ свободное движеніе жабръ. Замѣтимъ еще, что рыба идетъ вверхъ противъ теченія на томъ основаніи, что противотечущая вода давить на внутренности, чѣмъ облегчаетъ рыбѣ метаніе икры, затѣмъ вода силою своей скорѣе смываетъ съ яичекъ икры слизь, и, наконецъ, на чистыхъ и мелкихъ водахъ солнце живительнѣе пригрѣваетъ только что проклонувшуюся, или явившуюся на свѣтъ изъ икры рыбку. Отъ этого то каждый можетъ видѣть, что стада мелкихъ рыбокъ всегда носятъ многочисленнѣйшими партіями у окраинъ песчаныхъ береговъ.

XII.

Вслѣдствіе какихъ причинъ всѣ сѣверныя животныя бѣлаго цвѣта.

Причины, вслѣдствіе которыхъ животныя въ разныхъ странахъ имѣютъ различныя цвѣта, неизвѣстны пока никому; и ученые, слѣдуя наблюденіямъ и фактамъ, объясняли до сихъ поръ двумя способами.

Всѣ цвѣта, говорятъ ученые, въ ихъ разнообразнѣйшихъ оттѣнкахъ, зависятъ отъ свѣта. Чѣмъ болѣе свѣта, тѣмъ болѣе пользуются имъ животныя и тѣмъ поразительнѣе, пестрѣе и разнообразнѣе являются ихъ цвѣта. Только въ жаркихъ поясахъ, обладающихъ богатствомъ свѣта, можетъ родиться и жить испещренный пятнами тигръ, а обезьяны съ синими, желтыми и красными мордами встрѣчаются, какъ извѣстно, только подъ экваторомъ. Болѣе другихъ классовъ животныхъ подъ вліяніемъ лучей свѣта находятся птицы, и онѣ являются крайне разнообразные и развитые цвѣта. Вліяніе свѣта замѣтно также и на отдѣльныхъ частяхъ организма животнаго. Тѣ части, которыя по своему природному положенію болѣе подвержены вліянію свѣта, являются съ болѣе яркими и разнообразными цвѣтами,—такъ окраска спины животнаго всегда ярче окраски живота. Впрочемъ, не только въ животныхъ, но

даже и въ растеніяхъ мы видимъ, что во всѣхъ родахъ растений вѣнчикъ, обращенный къ свѣту, всегда наиболѣе разукрашенъ, чѣмъ все остальное. И на раковинахъ тропическихъ странъ, и тутъ замѣчается, что обѣ стороны различно раскрашены,—обращенная къ свѣту,—желтая, а нижняя — бѣлая. Это же можно замѣтить и на рыбахъ; у камбалы, напримѣръ, которая плаваетъ на одномъ боку, — бокъ, обращенный къ свѣту, окрашенъ, а поверхность другого бока совершенно бѣлая. Такъ, вслѣдствіе отсутствія свѣта, всѣ сѣверныя животныя покрыты бѣлымъ цвѣтомъ.

Это объясненіе причинъ той или другой окраски животныхъ существуетъ уже давно; другое же объясненіе мы находимъ у Дарвина и другихъ новѣйшихъ ученыхъ въ слѣдующемъ видѣ:

Размноженіе всѣхъ животныхъ, говоритъ Дарвинъ, идетъ такъ быстро, что, если бы оно могло совершаться безпрепятственно, тогда бы потомство любого изъ животныхъ могло въ болѣе или менѣе непродолжительное время покрыть собою весь земной шаръ. Одна треска ежегодно производитъ до милліона икринокъ. Это размноженіе сдерживается во-первыхъ ограниченнымъ количествомъ пищи и во-вторыхъ прямымъ истребленіемъ, которому подвергаются животныя со стороны своихъ непріятелей. Мы знаемъ, что одни животныя поѣдаютъ другихъ животныхъ. Понятно, что при этомъ будетъ имѣть преимущество то жи-

вотное, которое обладает большею силою, быстротою бѣга или полета, остротою зрѣнія, слуха и проч. Эти качества передаются, какъ изслѣдовано учеными, по наслѣдству; и такимъ образомъ, передаваясь по наслѣдству, они обезпечиваютъ дальнѣйшее существованіе тѣмъ животнымъ, которыя одарены ими наиболѣе. Такое обстоятельство ведетъ въ то же время къ усовершенствованію породъ, такъ какъ въ борьбѣ за существованіе уцѣлѣваютъ только сильнѣйшія и способнѣйшія, передавая эти качества и своимъ потомкамъ.

При этомъ надо однако замѣтить, что животныя не всегда могутъ спастись отъ непріятеля помощью приведенныхъ выше качествъ; иногда имъ приходится укрываться отъ враговъ, стараясь быть ими незамѣченными. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ для нихъ является существенно важнымъ подходить по своему цвѣту къ окружающимъ ихъ предметамъ. Для этой цѣли животному, жизнь котораго проходитъ на землѣ, всего выгоднѣе пріобрѣсть земляной цвѣтъ. Общеизвѣстнымъ примѣромъ могутъ служить нѣкоторыя земляныя лягушки, тетерева и проч. Для животныхъ, обитающихъ въ травѣ, или въ древесныхъ листьяхъ, слѣдуетъ принимать зеленые окрашивания, какъ можно болѣе сходныя съ естественнымъ цвѣтомъ травы и листьевъ. Примѣръ этого мы видимъ въ червяхъ и насѣкомыхъ, водящихся

на деревьяхъ. Особенно интересенъ подобнаго рода фактъ, сообщаемый однимъ ученымъ Уолесомъ о бабочкѣ весьма обыкновенной въ Индіи и Суматрѣ, называемой тамъ каллимма. Бабочка каллимма, садясь на кустъ, исчезаетъ какъ бы по волшебству; на самомъ же дѣлѣ ея голова и усики скрываются между сложенными крыльями, а крылья по формѣ, цвѣту и расположенію жилокъ съ большимъ трудомъ могутъ быть отличены отъ увядшаго листа съ его стебелькомъ.

Такимъ образомъ для животныхъ, живущихъ въ странахъ, большую часть года покрытыхъ снѣгомъ, является весьма важнымъ, для лучшей возможности укрываться отъ непріятеля, походить на снѣгъ. „Никто никогда не сомнѣвался, говорить знаменитый ученый Дарвинъ, что животныя, обитающія въ покрытой снѣгомъ мѣстности, принимаютъ бѣлый цвѣтъ для охраненія отъ непріятелей или для лучшей возможности приближаться къ своей добычѣ“.

Подобное приспособленіе настолько важно, что ученый Палласъ, путешествовавшій по Сибири, свидѣтельствуешь о сибирскихъ животныхъ, что они, какъ, напримѣръ, волкъ, лошадь, корова, лось, сѣверный олень и другія, постепенно, по мѣрѣ распространенія въ сѣверныхъ странахъ, постоянно покрытымъ снѣгомъ, съ приближеніемъ къ зимѣ, утрачиваютъ яркость своего окрашивания и становятся болѣе и болѣе блѣднаго цвѣта.

„Еслибы названные животныя, прибавляетъ къ этому Дарвинъ, постепенно распространялись въ странахъ, вѣчно покрытыхъ снѣгомъ, то ихъ блѣдное зимнее окрашиваніе постоянно переходило бы въ болѣе и болѣе бѣлое, пока по своему цвѣту не уподобилось бы совершенно снѣгу.“

Брэмъ объ окраскѣ животныхъ говорить: „Каждый наблюдатель непремѣнно замѣтилъ, что на всякомъ твореніи отражается не только отечество, въ обширномъ смыслѣ слова, но и то ограниченное пространство, на которомъ оно живетъ. Связь между животнымъ и той страной, въ которой оно живетъ, высказывается не только въ его организации, но и въ цвѣтѣ его шерсти. Общимъ правиломъ можетъ служить то, что цвѣтъ животного вполне соответствуетъ съ преобладающимъ цвѣтомъ его мѣстопребыванія. Необыкновенная польза, происходящая для животного отъ этого сходства цвѣтовъ, будетъ понятна, если мы припомнимъ, что хищное животное должно какъ можно незамѣтнѣе красться за своею добычею, а слабое животное стараться какъ можно лучше спрятаться. При этомъ Брэмъ приводитъ безчисленное множество примѣровъ. Смотри Брэма „Жизнь животныхъ“ стр. XXIII. Скажемъ теперь въ заключеніе, что изъ всѣхъ наблюденій ученыхъ,—на цвѣтъ животного видимо имѣютъ вліяніе не только свѣтъ, приспособленіе животного; но и возрастъ, и полъ, а также и прирученіе животного.

XIII.

Вслѣдствіе какихъ причинъ происходитъ людоедство, а у самоеди болѣзнь, при которой они жаждутъ человѣческой крови.

Въ странахъ, гдѣ человѣкъ съ особенными усиліями добываетъ себѣ пищу, людоедство объясняется недостаткомъ пищи. Такъ жители Огненной земли, при крайнемъ голодѣ, сѣдаютъ сперва своихъ старухъ, а потомъ и собакъ. Собаки для нихъ полезнѣе старухъ, такъ какъ собаки служатъ имъ при отысканіи пищи. Въ другихъ странахъ, какъ, напримѣръ, на нѣкоторыхъ островахъ Полинезіи и въ иныхъ мѣстахъ Америки, людоедство поддерживается и существуетъ или въ силу религіозныхъ обычаевъ, требующихъ приношенія человѣка въ жертву, или же вслѣдствіе презрительнаго отношенія къ чужимъ племенамъ, съ которыми вѣдъ постоянную войну, дикіе считаютъ своихъ враговъ наравнѣ съ животными.

Болѣзнь человекоѣденія у Самоеди ученые объясняютъ потребностью Самоеди въ употребленіи крови, какъ лекарственной необходимости; а затѣмъ признаютъ ее результатомъ безвыходно-мрачнаго состоянія духа, которое необходимо должно овладѣть Самоедью, какъ самымъ сѣвернымъ племенемъ, испытывающимъ болѣе другихъ народовъ отсутствіе солнца съ его свѣтомъ и теплотой.

XIV.

Вслѣдствіе какихъ причинъ шаманы вѣрятъ въ однихъ только злыхъ духовъ и почему они раздражительны.

Извѣстный ученый Лекки, въ своей книгѣ „Исторія рационализма въ Европѣ“ говоритъ: „Явленія природы, которыя дѣйствуютъ опустошительно, и явленія чрезвычайныя, необыденныя—объясняетъ далѣе Лекки—производятъ на умъ дикаря впечатлѣніе самое сильное. Поэтому, вспоминая о страшныхъ, грозныхъ явленіяхъ природы, объ ужасныхъ болѣзняхъ и тому подобномъ,—дикарь приходитъ къ сознанію присутствія въ мірѣ дьявольской силы. Въ темнотѣ ночи, въ зіяющихъ безднахъ, въ дикомъ эхо ущелій, въ блестящей кометѣ, во мракѣ затмѣнія, въ землетрясеніи, въ чумѣ, въ болѣзняхъ, однимъ словомъ во всемъ страшномъ, могучемъ и смертоносномъ,—дикарь видитъ естественную силу и невольно преклоняется передъ нею. Вполнѣ подвергнутый всѣмъ вліяніямъ природы, онъ живетъ въ постоянномъ страхѣ того, что онъ считаетъ прямымъ дѣйствіемъ злыхъ духовъ. Чувствуя ихъ постоянное присутствіе вокругъ себя, онъ, конечно, старается войти съ ними въ сношенія и расположить ихъ въ свою пользу приношеніями. Если какое либо великое несчастье разразится надъ

нимъ, или какая либо страсть овладѣтъ его умомъ, онъ естественно постарается воспользоваться ихъ властью и его возбужденное воображеніе убѣдитъ его, что онъ успѣлъ въ своемъ желаніи“.

О раздражительности шамановъ мы приведемъ слова одного медика, долго наблюдавшаго и изучавшаго жизнь шамановъ въ Сибири.

„Сухощавое сложеніе, блѣсовато - блѣдное лицо, нервный темпераментъ, глаза выразительные, полные внутренней жизни, лицо съ выраженіемъ озабоченнымъ, сосредоточеннымъ на чемъ то, какъ бы недовольнымъ и тоскующимъ, воображеніе сильное, мечтательность съ склонностью къ мистицизму, впечатлительность и раздражительность къ малѣйшимъ явленіямъ изъ всего окружающаго,—вотъ особенности“,—говоритъ докторъ,—„которыя съ дѣтства отгѣняютъ будущаго шамана“. „Эта натура, говоритъ онъ, въ обыденныхъ медицинскихъ наблюденіяхъ принадлежитъ къ тѣмъ натурамъ, которыя расположены къ истерикѣ, падучей болѣзни, пляскѣ св. Витта и т. п. нервнымъ страданіямъ. Поэтому, будущій шаманъ, поступая въ науку предшественниковъ, и изучая заклинанія, пѣсни, молитвы, и присутствуя при всѣхъ шаманствахъ, получаетъ еще большее расстройство нервовъ. Кромѣ того существующій обычай передъ шаманствомъ уединяться, поститься цѣлые дни, не ѣсть, принимать сильно дѣйствующія на нервы средства въ родѣ мухомора, да еще

обычай окружающих вскрикивать, подпрыгивать и т. п. напряженія организма, дѣлають шамана болѣзненнымъ и крайне раздражительнымъ“.

XV.

Вслѣдствіе чего дикари сѣвера любятъ табакъ и ѣдятъ мухоморы.

Всѣ народы испоконъ вѣковъ стремились усиливать дѣятельность чувствъ и мысли. Это происходило и происходитъ на томъ основаніи, что для человѣка подобное усиливаніе или возбужденіе весьма пріятно. Для возбужденія люди нашли такія вещества, которыя имѣють въ себѣ, такъ называемое, наркотическое свойство. У китайцевъ для возбужденія употребляется опиумъ, у индѣйцевъ—гашишъ, нѣкоторые народы приготавлиють для возбужденія напитки изъ разныхъ плодовъ; а дикари сѣвера любятъ очень табакъ, водку и грибы-мухоморы, имѣющіе тоже одуряющее свойство, какъ и водка.

XVI.

Откуда взялся обычай татуировать лица.

Профессоръ Вайцъ говорить: „Какъ бы человѣкъ ни былъ бѣденъ и жалокъ, онъ находитъ удовольствіе въ украшеніи себя“. Болѣе всего эта страсть украшать себя является у дикихъ;

и одинъ англійскій мыслитель доходитъ даже до такого убѣжденія, что первоначальное назначеніе одежды было украшеніе, а не доставленіе теплоты. Оригинальная страсть къ этому у индѣйцевъ Южной Америки выражается тѣмъ, что „здоровый мужчина отдаетъ двухнедѣльный тяжелый заработокъ за то количество краски, которое ему необходимо, чтобы раскрасить себя въ красный цвѣтъ“. Дикіе обитатели Европы приносили въ свои пещеры всякія блестящія и рѣдкія вещи, которыя имъ удавалось найти. И въ настоящее время дикари вездѣ украшаютъ себя перьями, ожерельями, браслетами, серьгами и проч. Они раскрашиваютъ себя самыми разнообразными способами. Въ одной части Африки красятся черной краской; въ другой—ногти красятся въ желтый или пурпурно-красный цвѣтъ. Во многихъ мѣстахъ волосы окрашиваются въ разнообразные оттѣнки. Въ различныхъ странахъ зубы покрываются черной, красной, голубой и другими красками, а на Малайскомъ архипелагѣ считается даже позоромъ имѣть бѣлые зубы, какъ будто у собаки. Отъ полярныхъ странъ на сѣверѣ, до Новой Зеландіи на югѣ, нельзя указать ни одной обширной страны, туземцы которой не татуировали бы себя. Тотъ же обычай существовалъ у древнихъ евреевъ и древнихъ бретонцевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Т О Л К О В А Т Е Л Я.

- I. Что такое этнографія.
- II. На какія группы или племена раздѣляютъ жителей земли.
- III. Вслѣдствіе какихъ причинъ одни народы находятся въ дикомъ состояніи, а другіе цивилизованы.
- IV. Вслѣдствіе чего, чѣмъ ближе къ полюсу, тѣмъ болѣе исчезаетъ растительность и почему на тундрѣ береза маленькая, кривая и приземистая.
- V. Почему природа на крайнемъ сѣверѣ неблагоприятна для человѣка.
- VI. Почему на крайнемъ сѣверѣ день лѣтомъ бываетъ два мѣсяца, а на самомъ полюсѣ полгода.
- VII. Почему на крайнемъ сѣверѣ ночь, лѣтомъ бываетъ два мѣсяца, а на самомъ полюсѣ полгода.
- VIII. Вслѣдствіе чего сѣверная весна проходитъ быстро и лѣто на сѣверѣ короткое.
- IX. Почему отъ мороза трескаются скалы и каменья.

- X. Отчего происходит сѣверное сіяніе.
- XI. Вслѣдствіе чего въ сѣверной части Оби и другихъ сибирскихъ рѣкъ иной годъ много рыбы, а иной—мало.
- XII. Вслѣдствіе какихъ причинъ всѣ сѣверныя животныя бѣлаго цвѣта.
- XIII. Вслѣдствіе какихъ причинъ происходитъ людоедство, а у самояди болѣзнь, при которой они жаждутъ человѣческой крови.
- XIV. Вслѣдствіе какихъ причинъ шаманы вѣрятъ въ однихъ только злыхъ духовъ и почему они раздражительны.
- XV. Вслѣдствіе чего дикари любятъ табакъ и ѣдятъ мухоморы.
- XVI. Откуда взялся обычай татуировать лица.
-

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	3
Введеніе	13
Лапландцы или Лопари	17
Самоѣды	40
Остяки	67
Таймурская земля и Сибирскіе Самоѣды или Самоядь.	87
Юкагиры	102
Земля Чукчей и Коряковъ	111
Толкователь	131

2007088024